

АПН
БИБЛИОТЕЧКА
АРН

Сергей
ЛОСЕВ
Виталий
ПЕТРУСЕНКО

ЭХО ВЫСТРЕЛОВ В ДАЛЛАСЕ

1

2

3

4

5

С.ЛОСЕВ
В.ПЕТРУСЕНКО

ЭХО
**ВЫСТРЕЛОВ
В ДАЛЛАСЕ**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

Издательство
Агентства печати Новости
Москва, 1983

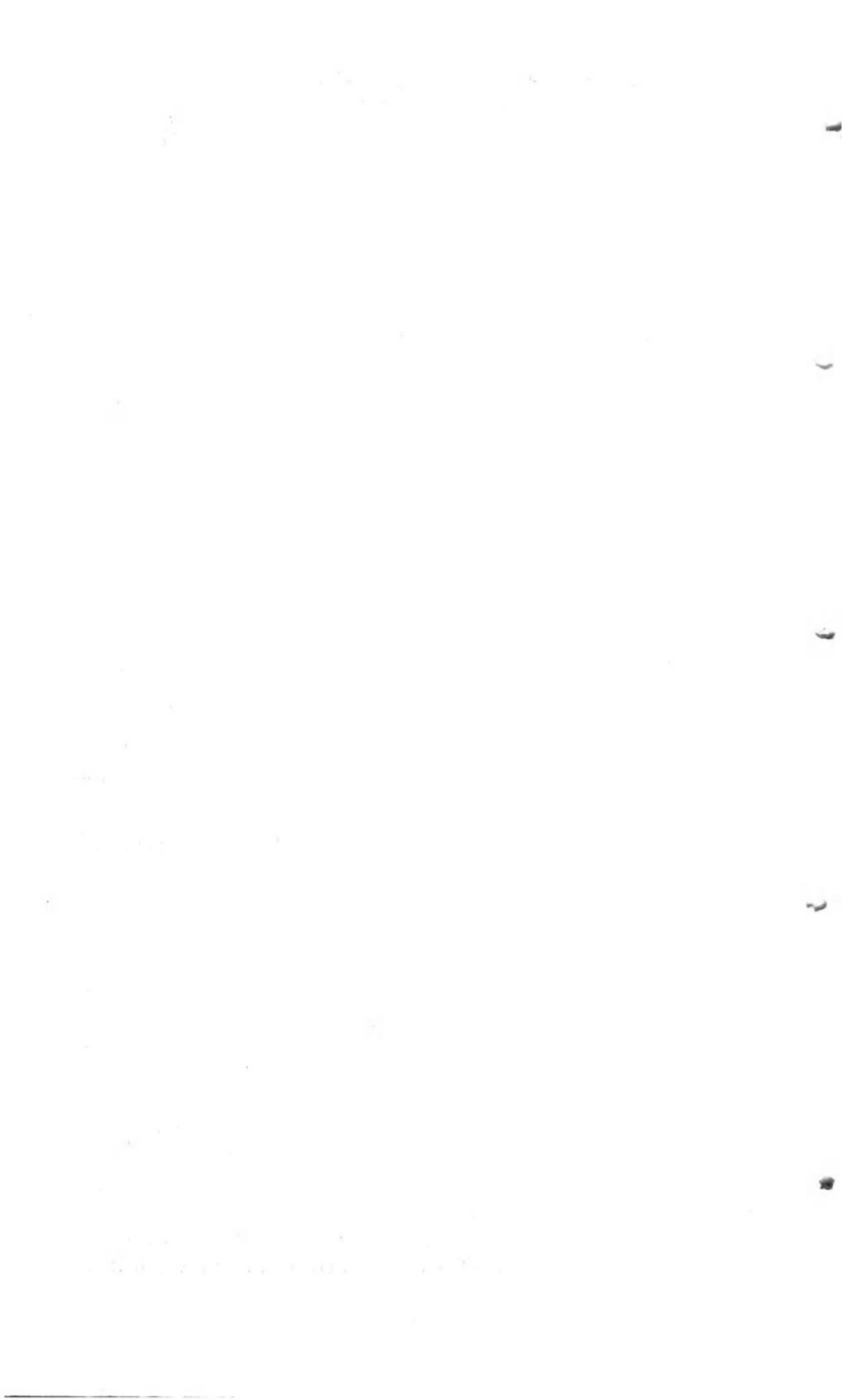
Рецензент
доктор юридических наук
В. НИКОЛАЙЧИК

0801000000

© ИЗДАТЕЛЬСТВО АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ НОВОСТИЙ, 1983

ОТ АВТОРОВ

Документальная повесть «Эхо выстрелов в Далласе» посвящена непрекращающейся в Соединенных Штатах Америки борьбе вокруг различных политических и криминалистических вопросов, связанных с убийством в ноябре 1963 года президента Джона Ф. Кеннеди. Смысл этой борьбы предельно прост. Официальные власти стремятся не допустить раскрытия правды в преступлении века. Независимые расследователи, двигаясь разными путями, ищут истинных виновников убийства; в ходе своих изысканий они приходят к единому выводу: глава американского государства пал жертвой политического террористического заговора. В центре предлагаемого повествования лежит гипотеза американского специалиста по электронике Энни Лифтона о грубой фальсификации медицинских данных, касающихся убийства Кеннеди. При рассмотрении данной проблемы авторы использовали официальные документы правительственные органов и конгресса США, а также книги и статьи Лифтона и других американских независимых исследователей. Хотелось бы выразить искреннюю признательность за помощь в работе над рукописью московским медикам — патологоанатому Владимиру Васильевичу Вецб и нейрохирургу Анатолию Константиновичу Умрихину.

ТЕРРОРИЗМ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

В результате насилия наши политические потери неисчислимые. Было бы явным упрощением сказать, что либерализм иссяк на идеи и умер; правильнее сказать,

что его лидеры были уничтожены.

После убийства Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга возник вакуум, мы не услышали голосов, которые сформулировали бы новые политические направления.

(Американский журнал «Ньюсик»,
29.XI.1980 г.)

В жаргоне ЦРУ есть выражение «операция по уничтожению». Цель данных акций — нейтрализовать политического противника. В арсенале имеющихся для этого средств важное место занимает и пропаганда, с помощью которой можно опорочить человека, и подкуп с обещанием виллы на лазурном Средиземноморье и бездонного счета в Швейцарии. Сюда входит также и убийство...

(Американский журнал «Тайм»,
30.VI.1975 г.)

«Кто же все-таки убил братьев Кеннеди и Кинга? Писалось обо всем этом не мало, но дочитаешь последнюю страницу, а вопросы остаются». Такие реплики нам приходилось слышать довольно часто, и они в общем закономерны. Уже простое человеческое любопытство подсказывает прежде всего вопрос: «Кто убил?»

Ситуация в каждом из трех случаев складывалась так, что преступления были совершены на глазах множества людей. Некоторые очевидцы описали их довольно подробно — будто они присутствовали на заранее объявленных публичных казнях. Но движущие пружины заговоров и механизм политических убийств

оказались скрытыми от глаз. Что касается свидетелей, то американская Фемида не нашла в себе ни сил, ни желания объективно взвесить их многочисленные и противоречивые показания. Она пошла по странному пути — брала на веру одну версию событий, закрывала глаза и затыкала уши, когда сталкивалась с иной. Американская юриспруденция проявила удивительное равнодушие к гибели, а вернее, к уничтожению более чем ста американцев, которые соприкоснулись с тайными убийства президента Кеннеди.

Истинная цель этих американских аутодафе двадцатого века раскрывалась постепенно. Мысль о возникновении политического вакуума, содержащаяся в приведенном выше высказывании журнала «Ньюсик» за декабрь 1980 года, не могла вырваться сразу, в шестидесятые годы, когда никто не знал точно, что последует за этими политическими преступлениями.

Время все дальше отодвигает в прошлое события, которые потрясли живущих и которые наверняка будут волновать будущие поколения, в первую очередь американцев. Рядом с простым любопытством появляется потребность постичь смысл произошедшего во всех его политических, социальных и психологических измерениях.

Уже с юных лет телевидение воспитывает в американцах ощущение того, что физическое насилие — неотъемлемый атрибут морального уклада их общества, успешно заменяющий многим его членам Библию и закон, уважать которые учат со школьной скамьи. Расправы над тремя виднейшими американцами в немалой степени способствовали возникновению в глубинах психологии нации страха перед призраком террора. Логический вывод из всеамериканских трагедий предельно прост — насилие как дамоклов меч нависает над обитателями «демократического рая».

Влиятельные и могущественные силы американского империализма поставили на карту многое, чтобы не допустить конкретных, ясных ответов на вопросы, которые следовало бы решить давным-давно: кто и почему совершил преступления? Ведь ясность означала бы необходимость следующих логических шагов — предъявления судебных обвинений и осуждения стоявших за убийцами официальных инстанций. По мнению

ряда видных американских юристов, такие лица находились и даже все еще находятся в поле зрения washingtonских властей и при дополнительных усилиях, а также — что немаловажно — при желании последних могут быть привлечены к суду и понести наказание. Однако пока не видно ни малейших проблесков такого желания; наоборот, предпринимаются шаги, чтобы замять или дискредитировать новые улики и факты, которые удалось установить в последние годы.

Среди книг об американских политических убийствах шестидесятых годов двадцатого века есть и такие, которые предлагают «ясный» ответ. Убийцей Джона Кеннеди авторы этих произведений называют Ли Харви Освальда, Роберта Кеннеди — Сирхана Сирхана, Мартина Лютера Кинга — Джеймса Эрла Рэя. К чести большинства американцев, они никогда не воспринимали всерьез версию об убийце-одиночке ни в одной из этих трагедий.

Без преувеличения можно сказать, что в каждом из трех убийств насчитываются десятки крупных и сотни более мелких загадочных обстоятельств. И как только их начинают рассматривать с точки зрения логики и здравого смысла, то рассыпается главная идея «ясновидцев» — будто во всех трех случаях дело обошлось без заговоров, будто не было преднамеренных попыток замести следы.

Некоторые авторы исследований этих политических убийств заранее предупреждают читателей, что они не обладают исчерпывающими ответами на многие вопросы. В чем же тогда смысл их усилий? Не напрасно ли они ломают копья?

Видимо, не напрасно. Некоторые из них с риском для собственной жизни пытаются отыскать ответ на главный вопрос: кому было под силу в Америке осуществить убийство президента и изменить в определенной мере государственную политику? В сущности, это — центральная проблема, и она затрагивает не только американцев. Она интересует всех, ведь США — сильнейшая капиталистическая держава, и состояние международных отношений, международный климат зависят во многом от того, какова внешняя политика Америки.

Убийство президента США — задача крайне сложная, подчеркивают все американские исследователи

таинственной гибели Кеннеди. Пусть никого не вводит в заблуждение, предупреждают они, кажущаяся доступность цели для преступников — открытый лимузин, ехавший на малой скорости через далласскую городскую площадь Дили-плаза. Преступники знали, что, помимо местной полиции, Даллас был наводнен агентами секретной службы, Федерального бюро расследований (ФБР), Центрального разведывательного управления (ЦРУ), военной разведки и контрразведки.

Криминалисты говорят, что одним из главных правил у профессиональных преступников является сокращение до минимума числа лиц, участвующих в исполнении задуманного ими злодеяния. По логике вещей, безусловно, этим правилом должны были руководствоваться и участники преступного сговора против президента Кеннеди. Мы не криминалисты, но нам кажется, что именно крайняя сложность задачи — убить президента — вынудила преступников фактически поступиться так называемым правилом минимума, хотя внешне они его и придерживались.

Официальная версия об убийце-одиночке Освальде выглядит, мягко выражаясь, малоубедительной. Но она, если угодно, была продумана и сконструирована именно под углом зрения так называемого правила минимума. Только в данном случае это правило было превращено уже в абсурд, хотя использовавшие его и ставили перед собой цель добиться максимального воздействия на общественное мнение, представив преступление как дело рук одиночки.

Те, кто замышлял заговор против Кеннеди, видимо, хотели внешне придать ему классовый характер. Они решили сделать президента-миллионера, одного из лидеров правящего класса, жертвой покушения «марксиста» Освальда. Что другое могло бы показаться американцам, которых дурманят идеями антикоммунизма, более естественным и правдоподобным? Но версия заговорщиков не выдержала соприкосновения с реальными фактами и заставила американских независимых следователей искать подлинные силы, которые убрали с политической арены 35-го президента. Их изыскания показывают, что эти силы находятся внутри самого правящего класса.

Добиваясь единой стратегической цели — сохранения господства монополистической буржуазии

в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, различные группировки и коалиции американского правящего класса придерживаются дифференцированного подхода к тактическому решению многих важных внутриполитических и международных проблем.

На размежевание, которое существует в правящих классах капиталистических государств, обращал в свое время внимание В. И. Ленин, различая, с одной стороны, пацифистский лагерь международной буржуазии, а с другой — лагерь грубо-буржуазный, агрессивно-буржуазный, реакционно-буржуазный *.

Основу современного американского агрессивно-буржуазного лагеря составляет военно-промышленный комплекс. В годы, предшествовавшие правлению президента Кеннеди, главными стратегами военно-промышленного комплекса стали «ядерные милитаристы». С приходом в Белый дом Кеннеди между ними и «военными интеллектуалами», требовавшими отхода от доктрины «массированного возмездия» и политики «балансирования на грани войны», вспыхнули острые дебаты. Кеннеди пришлось лавировать между ними, предлагать различные половинчатые решения, что настроило против президента, как указывают американские историки, «ядерных милитаристов».

Острейшая политическая борьба в 60-е годы в США между представителями различных лагерей за влияние на Белый дом, правительство и конгресс, за выбор дальнейшего пути во внутренних и международных делах показала, что силы, которые в известной степени могут быть отнесены к пацифистскому буржуазному лагерю, становятся жертвами физического террора, расчищающего путь к высшей власти представителям агрессивно-буржуазных кругов.

За кланом Кеннеди стоял огромный капитал — семейное состояние, оцениваемое приблизительно в 500 миллионов долларов. Будучи кровью и плотью господствующего класса, верным служителем и стражем его интересов, противником сил прогресса, социализма и демократии, вместе с тем клан Кеннеди и группировавшиеся вокруг него либеральные и «уме-

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 408.

ренные» круги правящей элиты видели настоятельную необходимость приспособления — дабы «выжить» — к новым реальностям второй половины XX века. Ослабление позиций и влияния мирового капитализма, неуклонное изменение соотношения сил в пользу мира, социализма, национально-освободительного и международного рабочего движений вынуждали группировку Кеннеди проявлять больше гибкости, осмотрительности, готовности к известным компромиссам во внешней политике, более тонко и искусно использовать экономические, политические и идеологические рычаги для смягчения социального кризиса внутри страны. Некоторые из предпринимавшихся Кеннеди мер, которые свидетельствовали о зарождении политического реализма, не вписывались в дела и замыслы наиболее реакционных группировок государственно-монополистического капитализма США. Поэтому Джона Кеннеди, а затем и его брата Роберта, имевшего реальную возможность стать президентом в 1968 году, постигла страшная участь — они были уничтожены.

Проведя большую часть 60-х годов в США в качестве корреспондентов ТАСС, воочию видя длинные цепи событий, кульмиационными точками которых были оглушительные по резонансу политические убийства братьев Кеннеди и пастора Мартина Лютера Кинга, авторы продолжали следить и в последующие годы за тем, что нового обнаруживалось в каждой из этих трагических историй. Терроризм на высшем уровне, как называют их некоторые исследователи, потряс в 60-е годы всю мировую общественность, наряду с «грязной войной» Вашингтона во Вьетнаме покрыл Америку несмыываемым позором.

Политический терроризм на высшем уровне превратился в один из самых постыдных символов пре-словового заокеанского «общества свободы и демократии».

После прихода к власти президента Рональда Рейгана перед washingtonской администрацией открывалось широкое поле деятельности для того, чтобы попытаться раскрыть тайны внутренних американских террористических преступлений высшего порядка, ибо к началу 80-х годов было найдено немало новых важных улик. Вместо этого правительство Рейгана раз-

вязало провокационную пропагандистскую кампанию, обличив Советский Союз и другие социалистические страны в организации и поддержке международного терроризма, под каковым оно, ничтоже сумняшееся, подразумевает прежде всего национально-освободительные движения.

Террористические методы, притом самого изощренного свойства, как свидетельствует американская история, припасены для политических и общественных деятелей, преступивших хотя бы чуть-чуть грань, очерченную махровой реакцией. И от этого факта никуда не уйти.

Вот почему за фасадом официального американского мифа о том, что в США невозможны государственные заговоры и политические убийства, что в президента стреляют лишь одиночки, некоторые влиятельные круги все же стремятся в первую очередь разобраться в тайнах далласского преступления, вынести для себя какие-то уроки. Это сопровождается дискуссией о приемлемости или неприемлемости для правящих классов изменения государственного курса путем тихих, но кровавых переворотов.

Отголоском такой дискуссии, проходившей, в частности, и на страницах большой печати, явилось признание кризиса доверия американского народа к институтам власти, которое содержалось в телевизионном выступлении тогдашнего президента Джимми Картера летом 1979 года. Среди причин, породивших этот перманентный ныне кризис, были названы и убийства 60-х годов. «Мы,— выдавил из себя Дж. Картер,— были уверены— до убийства Джона и Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга,— что в нашей стране вопросы решаются путем голосования, а не с помощью пуль».

Псевдодорец за права человека, пытавшийся лицемерно поучать народы других стран по части всяких прав, Картер в приведенном пассаже вынужден был констатировать, что в американском «обществе свободы и демократии» рядом с конституцией уживаются гангстерские законы, презирающие главное право человека — право на жизнь.

Под давлением независимого расследовательского движения палата представителей конгресса США при молчаливом согласии администрации Картера вынуж-

дена была создать во второй половине 70-х годов специальную комиссию по расследованию убийств (СКРУ). На основе точнейшего анализа акустических данных, зафиксированных на магнитофонной пленке далласской полиции, СКРУ установила, что в президента стреляли не только сзади и сверху, как утверждала комиссия Уоррена, но и спереди, со стороны злополучного травянистого бугра, расположенного по правую руку от шоссе, по которому следовал президентский кортеж.

Иными словами, СКРУ пришла к выводу, что, вопреки заключению комиссии Уоррена, против Кеннеди был заговор. В качестве его возможных участников специальная комиссия назвала представителей мафии и кубинских контрреволюционных организаций. Данная точка зрения отражает беспокойство определенных политических кругов относительно существования в США могущественной организованной преступности, с которой боролись братья Кеннеди, и бесконтрольных ультраправых террористических сил, пользующихся услугами кубинских эмигрантов и действующих при поддержке и с благословения Центрального разведывательного управления, Федерального бюро расследований и других спецслужб.

В Америке широко бытует мнение, что к политическим убийствам либералов-«пацифистов» причастны спецслужбы США, и прежде всего ЦРУ. Это тем более осложняет задачу независимых расследователей.

ЦРУ действует на основе двух взаимосвязанных принципов — доктрины «правдоподобного отрицания» и концепции «незаполненных чеков». Первая требует выполнения задания, как правило, чужими руками и без оставления малейших следов, ведущих в Лэнгли*. Вторая предоставляет полную свободу действий исполнителям, они, словно баловни судьбы, могут заполнить на любую сумму долларов уже подписанный на выплату чек. ЦРУ придерживается правил глубочайшей секретности, один отдел не знает, чем занимается другой (принцип так называемых «непроникаемых перегородок»). Покойный директор ЦРУ Аллен Даллес признался во время расследования убийства Кеннеди, что у него были агенты, фамилии или клички

* Лэнгли — штаб-квартира ЦРУ. (Прим. ред.)

которых могли прочитать не более двух человек — они были обозначены малоизвестными китайскими иероглифами. Американские независимые расследователи политических убийств хорошо понимают смысл слов бывшего генерального инспектора ЦРУ Лаймена Киркпатрика, что идеальная тайная террористическая операция предполагает сохранение секрета «от его зарождения до вечности».

Для этого, как указывают в своих мемуарах бывшие сотрудники американской разведки, распоряжения отдаются и устно, и иносказательно, полунамеками и даже жестами. Что касается того же Даллеса, то от него частенько слышали приказы в таких формулировках: «Вы можете сами сообразить, как это лучше сделать», «Мне нет нужды все это вам растолковывать», «Вы прекрасно можете себе представить, что это означает». Кстати, именно Даллес выпестовал в американской разведке ту самую рать, которую станут подозревать в причастности к уничтожению Джона и Роберта Кеннеди.

В последние годы директорства Даллеса в ЦРУ было создано специальное подразделение под кодовым названием «Операция по уничтожению» (“Executive Action”) по аналогии с жargonным выражением «операция по уничтожению», о котором говорится в приведенной нами цитате из журнала «Тайм». Но аналогия была ограниченной. Данное подразделение не занималось пропагандой и подкупами, оно, как свидетельствует доклад одной комиссии американского сената, совершало похищения и убийства иностранных государственных и политических деятелей. Наряду с ним орудовало другое специальное подразделение «Операция 40» (“Operation 40”), которое действовало в основном внутри США и совершало «домашние убийства». Независимые американские расследователи подозревают именно эти подразделения в причастности к трагической смерти Кеннеди.

Косвенной уликой против ЦРУ и родственных ему спецслужб является неистовство, с которым они стремятся сберечь в тайне все, что указывает на такую возможность.

Помехи, создаваемые американской разведкой нормальному расследованию убийства, заронили сильнейшее подозрение у тех, кому и в голову не приходило

подозревать ее. Например, сенаторы Гэри Харт и Ричард Швайкер — члены специальной комиссии сената по изучению деятельности разведывательных органов — проводили в течение года по поручению комиссии специальное расследование, как ЦРУ и ФБР реагировали на убийство Кеннеди. Что касается ЦРУ, то сенаторов даже близко не подпустили ко многим материалам, относящимся к преступлению века. Но даже то, что им показали и рассказали, убедило их в следующем: убийца-одиночка Освальд был агентом американской разведки, который по ее заданию периодически выдавал себя за человека левых взглядов.

Но ведь это типичный и весьма излюбленный в ЦРУ прием — прибегать к маскировке под «революционеров» в самых различных операциях, будь то террористические акции, преследующие цель расправиться с государственными и общественными деятелями, или дестабилизировать политическую и экономическую жизнь определенной страны, или подстрекать различные прослойки населения к действиям против законной власти. Но это не все. ЦРУ фабрикует версии о «связях» псевдореволюционеров с коммунистическими и рабочими партиями, национально-освободительными движениями и социалистическими странами. Освальду были приписаны связи с Компартией США, «симпатии» к революционной Кубе, Советскому Союзу и т. п.

Освальда отправили на тот свет через два дня после убийства Кеннеди. Судя по ряду данных, его должны были либо убрать раньше — в день убийства президента, либо позднее, но где-то за пределами Далласа. Заговорщикам нужны были лишь его следы в районе преступления, которые дали бы в совокупности то, что некоторые именуют вторым «лучшим свидетельством» вины Освальда.

Ну а что же должно было стать первым или просто «лучшим свидетельством»? Мертвое тело президента с ранами, которые нанес якобы Освальд и которые удостоверили официальные военные патологоанатомы.

Наш рассказ концентрируется на ряде загадочных обстоятельств, связанных с «лучшим свидетельством». Но прежде чем описывать их, вернемся к самому началу истории, как оборвалась в расцвете сил жизнь самого молодого президента США, 46-летнего Джона Кеннеди.

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

После второй мировой войны вотчина техасских нефтяных миллионеров — город Даллас приобрел большое политическое влияние в юго-западных штатах страны как один из центров ультраправых сил. Экстремизм таких реакционных группировок, как «общество Джона Бэрча», доходил до того, что в пропагандистских материалах техасских организаций общества — кинофильмах, брошюрах, листовках — президент Кеннеди и его предшественники генерал Дуайт Эйзенхауэр и Гарри Трумэн именовались «коммунистами».

Объектом хулиганской выходки правых ультра в Далласе незадолго до визита туда президента стал Эдлай Стивенсон, постоянный представитель США при ООН. Неудивительно, что губернатор Техаса Джон Коннэли, прибыв в октябре 1963 года в Вашингтон для согласования программы пребывания президента в его штате, высказал ряд предостережений относительно Далласа. Он призывал, в частности, отказаться от задуманной Белым домом церемонии торжественного проезда по городу многочисленного кортежа автомобилей. Губернатор решительно поддержал исполнительный секретарь техасской организации демократической партии Фрэнк Эрвин. Он заявил, что передвижение президента по Далласу в составе громоздкой процессии небезопасно для его жизни.

Но этим предостережениям не вняли. Главным образом потому, что президенту нужна была политическая реклама в преддверии предстоящих в будущем, 1964 году выборов. Кроме того, Кеннеди хотел примирить враждующие фракции в техасской организации демократической партии. Символическим шагом к

примирению президент считал присутствие в своем кортеже лидеров всех фракций.

В Вашингтоне можно было слышать мрачные разговоры перед отлетом президента в Техас. «Даллас — очень опасное место. Я бы не поехал туда. Прошу Вас не ездить туда», — обратился 20 ноября к президенту сенатор Уильям Фулбрайт. Специально с той же целью посетили Кеннеди сенатор Губерт Хэмфри и конгрессмен Хейл Боггс. «Мистер президент, — предупреждал Боггс, — вы лезете в осиное гнездо». Все это не могло не встревожить хозяина Белого дома. «Я не хочу ехать в Даллас», — сказал Кеннеди. Но он уже дал обещание вице-президенту, техасцу Линдону Джонсону. Не выполнить его — означало обидеть и без того крайне обидчивого вице-президента.

Опасения в отношении Далласа, казалось, должны были вдвое насторожить секретную службу, несущую охрану президента, уже хотя бы потому, что в ноябре 1963 года произошли следующие события. Была отменена поездка в Чикаго, намечавшаяся на 2 ноября, ибо из «города ветров» поступил сигнал о возможном покушении на Кеннеди. 18 ноября в Майами отказались от объявленного заранее проезда президента по городу в автомобиле, и Кеннеди был доставлен к месту его выступления на вертолете. Причиной послужило донесение осведомителя майамской полиции, подтвержденное сделанной тайно магнитофонной записью его беседы с правым экстремистом Джозефом Милтиером. Последний прямо заявил, что президент будет убит выстрелом из винтовки, когда он будет проезжать мимо одного из служебных зданий. Милтиер добавил, что организация покушения идет полным ходом. Представляет интерес, как он оценивал подход секретной службы к охране пути следования президента.

Осведомитель Уильям Сомерсетт: «Застрелить Кеннеди будет весьма трудным делом. Я понимаю, что, возможно, вы нашли средство убить его, выбрали определенное служебное здание... Я не знаю, однако, как агенты секретной службы охраняют все эти служебные здания на пути его следования. Известно ли вам, охраняются ли они?»

Джозеф Милтиер: «Конечно, если у агентов есть подозрение, они охраняют. Но если подозрений нет, больше шансов, что эти здания не охраняются».

Существует заявление бывшего шифровальщика ФБР Уильяма Уолтера, которое он сделал для телевизионной компании Си-би-эс в конце 1975 года. Из заявления следует, что за пять дней до убийства Кеннеди штаб-квартира ФБР в Вашингтоне получила донесение о готовящемся покушении в Далласе. «Этой информацией располагал директор ФБР Эдгар Гувер,—утверждает окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон.—Но президенту позволили ехать в открытом лимузине без пуленепробиваемого верха, без какой-либо реальной защиты».

Секретная служба ссылается на то, что приказ снять пуленепробиваемый верх поступил от сотрудников Белого дома после прибытия самолета президента в Даллас 22 ноября. Эта мотивировка считается спорной, так как секретная служба не может припомнить фамилий и званий лиц, отдавших данный приказ. К тому же последнее слово при вынесении решений такого рода принадлежит именно секретной службе.

По сей день не прояснился и другой важный вопрос: кто распорядился изменить путь президентского кортежа. Утренние далласские газеты вышли 22 ноября с планом города, на котором был обозначен маршрут следования высокого гостя. Двигаясь по Мэйн-стрит и уже почти выехав за пределы делового и торгового центра города, президент, никуда не сворачивая, должен был продолжать путь по этой улице, которая пересекает посередине площадь Дили-плаза. Сразу после площади Мэйн-стрит «ныряет» под железнодорожный мост и переходит в шоссе, ведущее к Дворцу выставок, где должен был выступить президент. Но объявленный заранее маршрут был нарушен. Перед самой Дили-плаза процессия свернула направо на Хьюстон-стрит, проехала один маленький квартал и повернула налево на Элм-стрит, которая, пересекая по краю площадь Дили-плаза, ведет, как и Мэйн-стрит, к упоминавшемуся железнодорожному мосту и далее к Дворцу выставок.

Два поворота снизили скорость автомашин, что облегчило ведение прицельного огня по президентскому лимузину, когда он проезжал по Элм-стрит. Стрельба началась после того как лимузин марки «линкольн» миновал стоявшее справа по ходу его движения угловое семиэтажное здание, занимаемое Техас-

ским складом школьных учебников. Официальная версия гласит, что склад на углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит был единственным местом засады, ожидавшей главу государства.

Крайнее (ближе к Элм-стрит) окно шестого этажа склада фигурирует в материалах дallasской полиции и ФБР как «снайперское гнездо» убийцы-одиночки Освальда. За двадцать лет, истекших со времени преступления в Далласе, высказывались и различные неофициальные версии случившегося, которые условно можно разделить на две группы.

Первая исключает склад как место засады, хотя ее сторонники и соглашаются с тем, что часть выстрелов была сделана сзади. В таком случае, как относиться к обнаруженному полицией знаменитому «снайперскому гнезду» Освальда? Оно рассматривается как «творение» неизвестных лиц, решивших свалить все преступление на служащего Техасского склада школьных учебников Освальда.

Приверженцы второй группы доказывают, что президент попал под перекрестный огонь, что в него могли стрелять из двух, трех и даже четырех точек, в том числе со второго, пятого и шестого этажей склада учебников. Возможными местами засады считаются и два других угловых здания на пересечении Хьюстон-стрит и Элм-стрит. В одном из них размещалась архивная служба, в другом — фирма «Дал-Текс». Все три здания на перекрестке в тот роковой день не охранялись, за ними не велось никакого наблюдения. Читатель, наверное, помнит высказывание майамского экстремиста Милтиера, что именно такие здания, находившиеся вне подозрения секретной службы, считались подходящими для реализации планов покушения на президента. Словно по иронии судьбы десятки полицейских и агентов различных спецслужб были собраны на случай чрезвычайных обстоятельств в соседнем с архивной службой здании на Хьюстон-стрит, в котором размещались суд, отдел уголовного розыска дallasской полиции, тюрьма предварительного заключения.

От Техасского склада школьных учебников движение по направлению к железнодорожному мосту одностороннее. Машинам приходится преодолевать подъем. Справа от Элм-стрит раскинулась лужайка, в

глубине которой высится белая колоннада с бетонной тумбой. От тумбы начинается штакетный забор высотой в 1,8 метра, он пересекает травянистый бугор, как называется эта часть площади Дили-плаза. Бугор переходит в железнодорожную насыпь. За колоннадой, тумбой и забором простирается большая автомобильная стоянка, примыкающая к железнодорожному полотну и товарной железнодорожной станции.

Американские авторы расценивают Дили-плаза и перерезающую ее по краю Элм-стрит как идеальное место для засады. Из 75 свидетелей, слышавших звуки выстрелов, 39 человек заявили, что по крайней мере один выстрел был произведен из района травянистого бугра. Некоторым также показалось, что стреляли и с железнодорожного моста. Свидетели видели в районе травянистого бугра яркую вспышку света, чувствовали запах пороха. Среди тех, кто слышал звуки выстрелов в этом месте, были начальник далласской полиции Дж. Керри, ехавший во главе торжественного кортежа, полицейский Б. Харгис, сопровождавший на мотоцикле президентский лимузин, начальник далласского отделения секретной службы В. Соррел и др.

На бетонной тумбе возле края колоннады стоял далласский фабрикант Авраам Запрудер. Он нажал рычаг своего любительского киноаппарата вскоре после того как «линкольн» миновал склад школьных учебников. Запрудер услышал звук выстрелов, причем один из них, утверждает он, прозвучал у него прямо за спиной. Запрудер увидел в видеокамерке исказившееся от боли лицо президента, его руки, вскинувшиеся к горлу в инстинктивном защитном движении. Он не прекращал съемки до тех пор, пока лимузин с Кеннеди не скрылся под железнодорожным мостом. Таким образом этот любительский фильм стал ценнейшим вещественным доказательством преступления.

Интересный фильм мог бы получиться и у другого кинолюбителя, 22-летнего солдата Гордона Арнольда, прибывшего в Даллас на побывку. Арнольд занял место с кинокамерой на травянистом бугре за штакетником. К нему подошел человек, назвавшийся агентом секретной службы и показавший ему соответствующее удостоверение. Как выяснилось позднее, никого из секретной службы в районе травянистого бугра не было. Мнимый агент сказал солдату, что стоять там нельзя,

поэтому Арнольд перелез через заборчик и продвинулся по лужайке ближе к Элм-стрит. По его словам, один из выстрелов прозвучал у него за спиной и пуля прошла над его левым плечом и рядом с головой. Солдат проходил незадолго до этого подготовку в стрельбе и уверял, что ничего не напутал, описывая свои впечатления. Он упал и лежал, пока к нему не подбежали полицейские, почему-то они отобрали у него кинопленку, хотя он успел снять лишь несколько кадров. Арнольд хотел дать показания, но ему сказали, что этого не требуется. Вскоре он улетел из Далласа. Лишь в 1978 году далласские газеты рассказали об эпизоде с Арнольдом. Его разыскали независимые исследователи убийства президента по фотоснимку одного из зрителей, стоявших на противоположной стороне Элм-стрит.

Показательно, что сразу после выстрелов на травянистый бугор устремились несколько полицейских. Двое из них поочередно натолкнулись на мнимого агента секретной службы, который заверил их, что ничего подозрительного в том районе нет. А между тем очевидцы рассказывали, как один человек со свертком в руке, похожим на завернутую винтовку, и предметом на голове, напоминавшим радиоустройство, отбежал от штакетника, вскочил в ожидающую его машину и скрылся. Стремительно снялось с парковки еще несколько автомобилей. Несмотря на все эти и другие подозрительные происшествия, официальные следственные органы полностью «реабилитировали» травянистый бугор, колоннаду, автостоянку и железнодорожный мост.

Мнимые агенты секретной службы появились и у Техасского склада школьных учебников. Из черного хода склада выбегали подозрительные люди, садились в машины и спешно уезжали. Все это также не было признано заслуживающим тщательного расследования.

После того как на виду у всех собравшихся на Ди-плаза был обстрелян лимузин президента, полиция не оцепила район совершения преступления. Не была перекрыта ни Элм-стрит, ни прилегающие улицы, по ним ни на секунду не прекращалось движение.

Выстрелы на Ди-плаза прозвучали в 12 час. 30 мин. по местному времени. Через пять минут «лин-

кольн» доставил умирающего президента и раненого губернатора Коннэли, который сидел в том же автомобиле перед Кеннеди на откидном сиденье, в Парклэндский мемориальный госпиталь. Вскоре возле госпиталя собралось несколько сот человек. Без охраны был брошен «линкольн», хотя он нес на себе важные следы преступления. В госпиталь проникали подозрительные лица. Один человек выдавал себя за агента ФБР, другой — за агента ЦРУ. Оба стремились пройти в помещение неотложной помощи, где находился Кеннеди, но вскоре внезапно скрылись.

В 13 часов врачи объявили о кончине президента. Остановимся здесь на одном эпизоде, имевшем немаловажное значение для официального расследования дела об убийстве президента.

Из помещения неотложной помощи на первом этаже госпиталя губернатор Коннэли был поднят на второй этаж в хирургический кабинет. Там его переложили с носилок-каталки на операционный стол. Ненужную каталку вывезли из кабинета и поставили в пустой лифт. Проходивший мимо слесарь госпиталя Д. Томлинсон спустился в лифте на первый этаж и поставил каталку у стены рядом с другой, на которой, как предполагают, перевозили Кеннеди. Время было 13 час. 12 мин. Через 45 минут Томлинсон вторично оказался у места, где стояли каталки, и увидел, что одна из них была кем-то сдвинута и загораживала проход по коридору. Он толкнул ее, каталка ударила об стену, из-под покрывавшей ее kleenки выкатилась пуля.

Томлинсон позвонил начальнику охраны госпиталя О. Райту и доложил о случившемся. Райт приказал Томлинсону не дотрагиваться до пули, стеречь ее до прихода официальных лиц. Затем начальник охраны сообщил о находке агентам ФБР, но те не проявили к ней никакого интереса. Райт обратился к агентам секретной службы, но и они остались равнодушны к сообщению и не пожелали даже взглянуть на находку. Тогда начальник охраны идет к носилкам, берет пулю и приносит ее агенту секретной службы Ричарду Джонсену. Буркнув короткое «о'кей», Джонсен кладет пулю в карман пиджака и вскоре удаляется из госпиталя. Никаких пометок на пуле для ее опознания в будущем агент секретной службы не сделал. Но поскольку впо-

следствии пуля, найденная в Парклэндском мемориальном госпитале, сыграла исключительную роль в создании официальной версии об убийце-одиночке, то при ретроспективном рассмотрении действий агентов ФБР и секретной службы видно, что они допустили две грубые ошибки: во-первых, не сфотографировали пулю на каталке и, во-вторых, никак ее не обозначили. Лишь по этим двум причинам в американском судо-производстве такая пуля не была бы принята в качестве вещественного доказательства. Кстати, когда Томлинсон и Райт давали показания в комиссии Уоррена, они отказались подтвердить аутентичность пули. А Райт заявил журналу «Лайф», что найденная пуля была другой.

Затем встает вопрос, на каких носилках была найдена пуля. Первоначально, ссылаясь на Томлинсона, утверждали, что она была подобрана на носилках Кеннеди. Потом сотрудники комиссии Уоррена «ре-конструировали» его показания и пришли к выводу, что пуля лежала на носилках Коннэли.

Но задумаемся еще раз над этим вопросом: почему агенты ФБР и секретной службы отнеслись поначалу абсолютно безразлично к пуле в Парклэндском госпитале? Трудно предположить, что их безразличие было наигранным и злоумышленным. Пожалуй, как нам кажется, им просто не могло прийти в голову, что под kleenкой на каталке в Парклэндском госпитале могла «затеряться» пуля. Как ее могли проглядеть врачи, медицинские сестры, наконец, агенты секретной службы, находившиеся в помещениях неотложной помощи при осмотрах Кеннеди и Коннэли?

Американские критики доклада комиссии Уоррена высказывают предположение, что пуля была подброшена на каталку, чтобы толкнуть расследование на ложный путь. Есть конкретные лица, подозреваемые в совершении этого трюка. Среди них владелец далласского ночного клуба «Карусель» Джек Руби, которого видели на первом этаже Парклэндского госпитала примерно в 13 час. 30 мин., то есть в промежуток времени, когда там бок о бок стояли две каталки.

...Через 15 минут после кончины президента вдали от Парклэндского госпитала и Дили-плаза был убит выстрелами из револьвера далласский полицейский Дж. Типпит. После совершенного на президента поку-

шения всем далласским полицейским было приказано по радио проследовать к одному из трех близлежащих к ним районов — Дили-плаза, Парклэндский госпиталь или аэропорт Лав Филд. Исключение составил лишь Типпит: ему было передано по радио распоряжение направиться в район Ок-клифф и быть там наготове. В деле Типпита — множество «темных пятен». Зачем его направляли в район, который никогда не был сферой его действий? Какое задание ему было дано? И это еще далеко не все вопросы, возникающие при изучении данного дела.

Через сорок минут после убийства Типпита в пяти кварталах от места убийства, в кинотеатре «Техас», был арестован Освальд. Полиция нагрянула в «Техас», получив сигнал о посетителе «подозрительного вида». Освальд пытался оказать сопротивление, при аресте у него изъяли револьвер. В полицейском участке арестованный был зарегистрирован как подозреваемый в убийстве Типпита*. В начале вечера того же дня Освальду было предъявлено официальное обвинение в убийстве полицейского.

К девяти часам вечера, согласно официальной версии, у полиции начало складываться «твердое мнение», что Освальду может быть предъявлено обвинение и в покушении на Кеннеди. На чем оно основывалось? Во-первых, перед полицией был служащий Техасского склада школьных учебников. Во-вторых, его жена подтвердила, что он владел винтовкой. В-третьих, свидетель Говард Бреннан указал на Освальда как на человека, имеющего «наибольшее сходство» со стрелком, которого он (несмотря на сильную близорукость) успел рассмотреть в окне шестого этажа склада. Прав-

* Большинство свидетелей на месте преступления дали описание стрелявшего в Типпита, которое не соответствовало приметам Освальда. Позднее, когда Освальда уже не было в живых, эксперты ФБР по баллистике не смогли подтвердить заявление далласской полиции, что четыре пули, извлеченные из тела Типпита, были выпущены из револьвера Освальда. Тогда комиссия Уоррена пошла на проведение новых баллистических испытаний, поручив их малоизвестному эксперту из штата Иллинойс. Тот якобы смог установить соответствие одной из пуль револьверу Освальда. Следует, однако, иметь в виду, что полиция Далласа не представила никаких доказательств того, что четыре указанные пули были удалены из трупа Типпита.

да, Бреннан не смог трижды указать на Освальда при опознании в полицейском участке. Но полиции, а затем комиссии Уоррена было достаточно и «наибольшего сходства» в четвертом заходе. Их, кстати, не смущило и то, что Бреннан дал описания цвета и рисунка рубашки стрелка, которые не соответствовали рубашке Освальда. В-четвертых, на ящике у окна нашли отпечатки пальцев Освальда.

Шестой этаж склада представлял собой сплошное неразгороженное помещение. Возле выхода из него на лестничную клетку под четырьмя тяжелыми коробками была найдена аккуратно запрятанная винтовка итальянского производства типа «манлихер-каркано», к которой подходили три патрона, валявшиеся у знакомого уже нам окна. Полицейский Сеймур Вейцман позднее стал было утверждать, что в самом начале осмотра шестого этажа была обнаружена винтовка типа «маузер», но его «убедили», что он ошибся. В 1975 году бывший заместитель далласского шерифа Роджер Крэйг подтвердил, что была найдена винтовка системы «маузер». В письме к одному из независимых следователей Крэйг писал: «Вместе с полицейским Юджином Буном я обнаружил винтовку, это был «маузер» калибра 7,65. Об этом свидетельствовала марка, выбитая на дуле».

Установлено, что ровно через полторы минуты после совершения покушения полицейский Марион Бейкер, управляющий складом Рой Трули и Освальд столкнулись на втором этаже здания. Как ни старалось официальное следствие, оно не смогло убедительно доказать, что за полторы минуты Освальд успел засунуть винтовку под ящики, совершив еще ряд действий на шестом этаже, спуститься на второй этаж, бросить монету в машину-автомат «Кока-кола», открыть бутылку и после всего этого оказаться в спокойной позе, в которой его увидели Бейкер и Трули. Тем не менее степени виновности Освальда в глазах следствия это не убавило.

...В 23 час. 26 мин. начальник уголовного розыска далласской полиции капитан Уилл Фритц подписал документы, в которых Освальд официально обвинялся в убийстве президента Кеннеди. Арестованному об этом сообщили через два часа, когда он предстал перед мировым судьей. Вскоре Освальда вывели к журналис-

там и началась необычная пресс-конференция. Обвиняемый категорически отрицал какую-либо причастность к убийствам Кеннеди и Типпита, что делает маловероятным утверждение комиссии Уоррена, будто одним из главных мотивов Освальда было стремление прославиться, да так, чтобы его помнили и через десять тысяч лет. На пресс-конференции присутствовал уже знакомый нам владелец ночного клуба «Карусель» Руби. Он даже поправил окружного прокурора, когда тот якобы неправильно назвал организацию, в которой состоял обвиняемый.

В лифт, на котором увозили Освальда с пресс-конференции, успел вскочить далласский журналист Джерри Геральд. Освальд, вспоминает Геральд, сказал ему, что на его суде раскроется правда о «заговоре» против Кеннеди.

Новый президент Джонсон отдал приказ ФБР провести самое полное расследование убийства его предшественника. Поздно вечером 22 ноября секретная служба передает ФБР пулю, обнаруженную в Парклендском госпитале, и два пулевых осколка, найденных в президентском лимузине. Оно сразу же провело баллистические испытания и установило, что пуля и осколки соответствуют винтовке Освальда. Кстати, эти испытания — в отличие от более поздних и более официальных — хранились почему-то в тайне и «всплыли наружу» лишь в 1978 году. К 12 часам дня 23 ноября ФБР представило предварительный отчет президенту Джонсону о том, что Кеннеди был убит Освальдом.

Освальд подвергался допросам около 12 часов. Никаких официальных записей допросов не существует. Капитан Фритц объясняет это просто: в помещении, где допрашивали Освальда, не оказалось свободного места для стенографа; не нашлось и магнитофона!

В полиции якобы раздавались телефонные звонки с угрозами убить Освальда, поэтому его решено было перевезти в «более надежную» окружную тюрьму. Однако вездесущий Руби и здесь проник в подвал полицейского участка и убил Освальда выстрелом в живот.

Через три дня после убийства президента Кеннеди заместитель министра юстиции Николас Катценбах направил конфиденциальный меморандум помощнику нового президента Биллу Мойерсу. В документе

обосновывалась необходимость не допустить расследований, которые планировали предпринять власти Техаса и конгресс. Катценбах ратовал за создание престижной специальной комиссии, ибо «общественность должна быть убеждена: убийцей был Освальд; у него не было сообщников, находящихся сейчас на свободе; улик против него достаточно и, будь он жив, суд признал бы его виновным».

29 ноября президент Джонсон создал комиссию для расследования дела об убийстве президента Кеннеди во главе с председателем Верховного суда США Эрлом Уорреном. 9 декабря ФБР вручило комиссии четыре тома, а немного позднее еще один том «суммарного доклада» о результатах расследования. Этот пятитомный труд лег в основу доклада комиссии Уоррена, опубликованного в сентябре 1964 года. Затем правительство издательство выпустило в качестве приложения к докладу 26 томов слушаний и материалов о вещественных доказательствах.

Такова вкратце основная канва событий, разыгравшихся в Далласе в ноябре 1963 года, и их последствий. Официальная Америка вынесла приговор Освальду. Она не нашла следов заговора, заверив общественность, что президент Кеннеди стал жертвой не политического убийства, а преступного акта, совершенного убийцей-одиночкой со всеми задатками шизофреника.

Многие независимые исследователи убийства истолковывали по-иному различные данные, содержащиеся в 26 томах комиссии Уоррена. Их внимание привлекали также материалы, которые либо не попали в поле зрения комиссии, либо сознательно были отвергнуты ею. Приведем один пример.

Рядом с президентским «линкольном» на Элмстрит ехал полицейский Г. Маклейн. Именно на Элмстрит он включил нажатием кнопки встроенный в мотоциклет микрофон, чтобы передать какое-то сообщение в полицейский участок. Закончив короткий рапорт, полицейский нажал кнопку и был уверен, что микрофон отключился. Однако какая-то техническая погрешность в системе привела к тому, что микрофон оказался невыключенными. Поэтому через него в полицейский участок передавалась звуковая панорама на Ди-плаза в момент стрельбы. Автоматически в полиции это записывалось на пленку диктофонной аппа-

ратурой «Диктабелт». ФБР и далласская полиция предоставили комиссии Уоррена стенограмму переговоров, которые велись в те минуты между полицейскими на Дили-плаза и в городском полицейском управлении. Однако попыток проанализировать попавшие на «Диктабелт» различные звуки, кроме человеческих голосов, предпринято не было.

С пленки Маклейна сняли несколько копий, и одна из них в начале 70-х годов попала в руки одного далласского радиоинженера. Помимо хорошо прослушивавшихся голосов полицейских, шума моторов мотоциклов, полицейских сирен, обычный слух ничего на ней не улавливал. Но радиоинженер с помощью соответствующей аппаратуры интерпретировал семь импульсов как звуки выстрелов. Его открытие долгое время никого не интересовало.

Но вот сотрудники работавшей в 1976—1978 годах специальной комиссии по расследованию убийств палаты представителей конгресса США (СКРУ) узнали об опытах радиоинженера. Было предпринято исследование одной из копий пленки. Эксперты, однако, заключили, что только оригинал может дать ответ на вопрос, различимы ли на пленке звуки выстрелов. В марте 1978 года поиски оригинала далласской полицейской пленки оказались удачными. Ее обнаружили в доме бывшего начальника разведывательного отдела далласской полиции П. Маккэгрина.

СКРУ поручила изучение пленки фирме «Болт Беранек энд Ньюмэн», специализирующейся в акустическом анализе. (На основе исследования записи «звуковой обстановки» во время расстрела студенческой демонстрации в Кентском университете в 1970 году инженеры «Болт Беранек энд Ньюмэн» установили точное время чередования и направления выстрелов.) Главный научный руководитель фирмы доктор Джеймс Баргер первоначально принял шесть импульсов на пленке полицейского Маклейна за выстрелы на Дили-плаза. Эти импульсы были подвергнуты измерениям, сравнениям с использованием новейшей методики изучения звуковых волн, их происхождения, формы. Но два импульса оказались настолько слабыми, что Баргер прекратил их исследование. Об остальных четырех он вынес следующее заключение: 95 процентов вероятности того, что два выстрела из четырех были

сделаны сзади; 75 процентов, что три выстрела были сделаны сзади и 50 процентов, что один выстрел был сделан спереди из района травянистого бугра.

Результаты, полученные Баргером, были переданы для проверки двум известным экспертам-акустикам — доктору Марку Вейссу и доктору Эрнесту Ашкенази, которые привлекались к слушаниям в конгрессе и судах по уотергейтскому делу. Были проведены различные стрельбы на Дили-плаза, созданы многочисленные возможные модели перекрестного огня на основе электронных вычислений. Вейсс и Ашкенази получили на компьютере практически все типы акустических импульсов, которые мог бы вызвать выстрел с травянистого бугра. Один из них соответствовал с «точностью до одной тысячной доли секунды импульсу на полицейской пленке». Как утверждали Вейсс и Ашкенази, существует 95 процентов вероятности того, что «с травянистого бугра в президентский лимузин была выпущена сверхзвуковая пуля».

Новые исследования были рассмотрены Баргером и он присоединился к заключениям Вейssa и Ашкенази. Большинство членов СКРУ приняли выводы акустиков, в результате доклад комиссии содержал следующее положение: «Научные акустические данные устанавливают высокую степень вероятности, что в президента стреляли два человека... На основе материалов, имеющихся в распоряжении комиссии, она считает, что президент Джон Ф. Кеннеди, вероятно, был убит в результате заговора». Кого же СКРУ подозревает в причастности к заговору? Отдельных членов национального синдиката организованной преступности и отдельных членов «групп кубинцев — противников Кастро». Подчеркивается, что они действовали независимо от своих организаций как индивидуальные лица.

Отношение к выводам акустиков с самого начала было неоднозначным. Два члена СКРУ сразу же не согласились с ними. Через полтора года после появления доклада СКРУ попытку опровергнуть заключение акустиков предприняло ФБР, но сделало оно это довольно неуклюже, поставив под сомнение аутентичность диктофонной пленки даллаской полиции. ФБР не нашло ничего лучшего как заявить, что точно такую запись могли сделать в любое другое время и в любом другом месте.

Под другим углом зрения рассматривают звукозапись на Дили-плаза некоторые независимые исследователи. Наиболее осторожные из них высказывают предположение, что на пленке могли сохраниться следы не всех выстрелов (многие свидетели, находившиеся на Дили-плаза, утверждают, что они слышали более четырех выстрелов) или участники заговора могли использовать и бесшумное оружие.

Все это не преуменьшает значения вывода акустиков о четырех выстрелах, ибо он опровергает легенду об убийце-одиночке.

Пятнадцать лет занимался исследованием далласской трагедии профессор истории одного из университетов штата Луизиана Майкл Куртц. В 1982 году вышла его книга, озаглавленная «Преступление века. Взгляд историка на убийство Кеннеди». В ней он пишет: «Объективная оценка имеющихся свидетельств вынуждает сделать вывод, что политическое убийство Джона Кеннеди явилось результатом заговора. Научные, медицинские и баллистические данные доказывают, что выстрелы были произведены в президента спереди и сзади. Точная роль Ли Харви Ос瓦льда в этом политическом убийстве не может быть определена. Имеющиеся свидетельства не подтверждают ни то, что он стрелял в президента Кеннеди, ни то, что он не стрелял в него... Возможно, самым важным является следующее: политическое убийство Кеннеди было первым из оглушительных событий 60-х годов — политических убийств, восстаний, демонстраций, — которые потрясли социальную и политическую структуру нации, открыв эру цинизма и недоверия... Политическое убийство в Далласе продолжает будоражить сознание американского народа. Оно представляет собой неразгаданную тайну. И поскольку эта неразгаданная тайна касается политического убийства президента Соединенных Штатов, ее справедливо называют преступлением века».

ПРОТОКОЛ БЕЗ ДАТЫ

В приведенном высказывании профессора Куртца мы хотели бы привлечь внимание к его ссылке на медицинские данные. Нет нужды доказывать важность их для любого расследования причин насильственной смерти. Об убийстве президента США и говорить не приходится.

Из чего складываются упомянутые медицинские данные? 1) Из характеристики ран Кеннеди врачами Парклэндского госпиталя; 2) из характеристики ран Коннэли врачами того же госпиталя; 3) из официального протокола о вскрытии мертвого тела Кеннеди, произведенного военными врачами в центральном госпитале ВМС США; 4) из характеристики ран Кеннеди очевидцами вскрытия, а также специалистами, изучавшими рентгеновские и фотографические снимки трупа президента.

Не все характеристики и описания ран и других повреждений на теле Кеннеди совпадали. Это свидетельствовало об отсутствии единого мнения об их происхождении, точном месте расположения и характере. Тем не менее официальный протокол о вскрытии создавал совершенно недвусмысленное впечатление о бесспорности выводов относительно ран на теле президента — они были нанесены якобы двумя пулями сзади и сверху. Протокол, включенный в доклад комиссии Уоррена, не оставляет и тени сомнения, что заключение о ранах было вынесено в ходе посмертного вскрытия.

Но такое восприятие было обманчиво. Оно было рассчитано на большинство людей, которых обычно не интересуют подробности операции вскрытия и документального оформления этой нерадостной процеду-

ры. Некоторую неточность можно было установить уже при знакомстве с материалами, содержащимися в 26 томах приложений к докладу комиссии Уоррена. Но много ли людей прочтет 26 томов! Неточность пропускала еще четче в материалах закрытых заседаний комиссии Уоррена, которые были рассекречены в середине 70-х годов под воздействием событий, связанных с утергейтским делом.

...Тело президента было доставлено вечером 22 ноября в центральный госпиталь ВМС США, расположенный в местечке Бетесда под Вашингтоном. Главным патологоанатомом для проведения секционного исследования-вскрытия был назначен капитан 3-го ранга Джеймс Хьюомс, его ассистентами были названы капитан 3-го ранга Торнтон Босуэлл и подполковник Пьер Финк. В секционном зале находилось около 25 человек — адмиралы, генералы, агенты ФБР и секретной службы, какие-то гражданские лица. Почему «какие-то»? Исследователям не удается получить о них какие-либо сведения.

Патологоанатомы определили, что смерть наступила в результате ранения головы: пуля вошла сзади в затылок, разорвалась и причинила сильнейшее повреждение правой височной части черепа. Военные врачи обнаружили рану на спине и хотели произвести ее рассечение. Но один из военных начальников запретил им это делать. Имеются две версии, что за этим последовало.

1. Согласно показаниям Хьюомса, он стал прощупывать рану пальцем и убедился, что она очень неглубокая.

2. Согласно показаниям Финка, он обнаружил с помощью зонда, что рана не только глубокая, но и сквозная.

Чтобы продолжить рассказ о том, как разворачивались события дальше, необходимо предположить, что Хьюомс, не отходя от анатомического стола, остался тем не менее в неведении относительно сквозного характера раны, установленного его ассистентом Финком. Ибо Хьюомс продолжал пребывать в недоумении: куда девалась пуля, проделавшая, с его точки зрения, неглубокую рану в спине?

Вопрос якобы отпал, когда в секционный зал поступило сообщение из штаб-квартиры секретной службы

о пуле, найденной на носилках-каталке в Парклэндском госпитале. Хьюмс выдвинул гипотезу, что пуля «сама выбралась» из раны во время закрытого массажа сердца, который делали президенту Кеннеди дallasкие врачи.

В полночь вскрытие закончилось. Босуэлл и Финк разъехались по домам. Хьюмс же, хотя это и не входило в его обязанности, решил понаблюдать за бальзамированием тела. Около 4 часов ночи гроб с телом президента был отправлен в Белый дом.

Хьюмс продолжал бодрствовать, перебирая в памяти события предшествующего вечера. Он вернулся мысленно к следам трахеотомии*, обнаруженным на горле покойного президента. Зачем она была нужна, если любой врач, исследуя рану на голове, мог определить, что президенту осталось жить считанные минуты? С этим вопросом Хьюмс обратился рано утром 23 ноября к дallasскому хирургу Малколму Перри, связавшись с ним по телефону из центрального госпиталя ВМС. Перри пояснил, что врачи Парклэндского госпиталя считали своим долгом предпринять все меры для спасения жизни президента, даже понимая, что они не дадут результата. И поэтому, когда они увидели рану на горле, то решили ее просто расширить для трахеотомии. Хотя Перри прямо не говорил, что рана на горле была входной, смысл его слов и пояснений сводился именно к этому. (Накануне на пресс-конференции Перри заявил определенно, что пуля вошла в горло «спереди».)

Поразмыслив над информацией, Хьюмс вскоре вновь позвонил Перри и попросил его дать более точное описание раны на горле. Во время этого второго телефонного разговора на Хьюмса, по его словам, нашло «просветление», и он воскликнул: «Вот оно что!»

У некоторых американских авторов рассказ доктора Хьюмса вызывает крайнее недоумение по многим

* Трахеотомия — это довольно несложная и быстро выполняемая операция по спасению человека от развивающегося удушья, при которой производится рассечение небольшого участка трахеи и вводится в ее просвет специальная трубка, обеспечивающая не только дыхание, но и создающая возможность отсасывать мокроту, кровь или рвотные массы, которые может аспирировать больной в бессознательном состоянии. (Прим. авт.)

причинам. Целесообразно ли было главному патологоанатому приступать к вскрытию, не проконсультировавшись с далласскими врачами? Почему он не связался с Перри и его коллегами во время вскрытия, когда, по словам очевидцев, возникла «путаница и неразбериха» по поводу ран? Каким образом мимо Хьюмса прошли сообщения из Далласа, передававшиеся всеми радиостанциями и телевидением, о ране в горле, о которой Перри сообщил на пресс-конференции вскоре после наступившей смерти президента?

Приехав домой, Хьюмс спал несколько часов, встал, сжег в камине все записи о ранах на форменных бланках, которые он вел во время вскрытия в секционном зале, и принял за составление официального протокола. В этом документе говорилось, что пуля вошла в спину президента и вышла через горло. На следующий день Хьюмс сдал протокол о вскрытии врачу Белого дома адмиралу Джорджу Беркли.

На официальном протоколе нет даты его составления. Упущение по любым, и особенно американским, стандартам серьезное. (Отвлекаясь от нашей истории, хочется привести лишь один пример пристрастия американцев к точности и пунктуальности. Мы ни разу не видели в Америке таксиста, который бы не проставил в своем журнале точное время (часы и минуты) и точное место посадки очередного пассажира и адрес, куда его надо доставить.)

Комментируя факт отсутствия даты на официальном медицинском заключении о вскрытии, нью-йоркская исследовательница Сильвия Мигер писала: «Если от нас хотят, чтобы мы поверили в выводы комиссии Уоррена, мы должны быть уверены в аутентичности и объективности официального протокола о вскрытии. Поэтому вызывает серьезное беспокойство, что на протоколе нет даты его составления и что комиссия Уоррена не объяснила причину такого упущения. Отсутствие даты на протоколе о вскрытии — странный и драматический факт».

Ряд признаков указывает на то, что протокол о вскрытии обрел свой окончательный вид не 23 ноября, а значительно позже.

В начале 1966 года был опубликован четырехтомный отчет ФБР об убийстве президента, датированный 9 декабря 1963 года, и дополнение к нему от 13 января

1964 года. В четырехтомнике излагается версия, которая возникла вечером 22 ноября в секционном зале Бетесды и якобы отпала у Хьюмса 23 ноября. «Медицинское обследование тела президента,—говорится в докладе ФБР,—показало, что одна из пуль вошла в спину ниже плеча и вправо от позвоночника под углом 45—60 градусов сверху вниз. Пули в теле не обнаружено, у пулевого канала выход отсутствует». 13 января в дополнительном томе ФБР констатировалось: «Медицинское обследование тела президента показало, что пуля, которая попала ему в спину, вошла в нее на глубину меньше длины пальца».

Можно ли заподозрить сотрудников ФБР, составлявших отчет, в том, что они не были знакомы с официальным протоколом о вскрытии? С тем, что, как говорилось в нем, у пули был выход—выход в горле? Можно, конечно, но более вероятно все же другое подозрение, а именно—отсутствие еще в январе 1964 года того варианта протокола, который представлен в докладе комиссии Уоррена.

Приведем отрывки из других официальных материалов, рассекреченных в середине 70-х годов.

23 января 1964 года главный юрист консультативной комиссии Уоррена Ли Рэнкин в меморандуме отмечал «значительную неразбериху в отношении действительных пулевых каналов в теле Кеннеди, особенно того, который начинается в правой верхней части спины».

27 января 1964 года на закрытом заседании комиссии Уоррена (на стенограмму этого заседания был поставлен гриф «сверхсекретно») состоялся диалог между Л. Рэнкином и членом комиссии конгрессменом Х. Боггсом.

Рэнкин: «Существует много разнообразных материалов о ранах, о вскрытии. Взять хотя бы вопрос о том, входной или выходной раной является отверстие в передней части горла. Все имеющиеся данные необходимо еще раз пересмотреть и осмыслить. Пока это еще не сделано. В протоколе о вскрытии объясняется, что отверстие в горле, вероятно, проделано осколком...»

Боггс: «Мне припоминается, что я читал о пуле, которая вошла (в спину) лишь на длину пальца...»

Рэнкин: «Это то, что они (вероятно, военные патологоанатомы.—*Прим. авт.*) говорили поначалу...

Поэтому важнейший вопрос состоит в том, какого рода рана была на горле. Это имеет огромное значение для расследования. Мы полагаем, что эта рана (на горле) должна быть как-то связана с одним из трех выстрелов сзади».

Итак, во-первых, выходит, что 23 ноября Хьюмс еще не отказался от своего мнения о неглубокой ране на спине, иначе откуда появилось бы замечание Боггса. Во-вторых, в конце января появилась гипотеза, что рану в горле вызвал осколок, а не пуля, как явствует из протокола о вскрытии. И, в-третьих, главный юрисконсульт дал ясно понять, что от патологоанатомов все еще не добились вывода о выходном характере раны в горле.

30 апреля 1964 года юрисконсульт комиссии Арлен Спектер, отвечавший за медицинские данные, в меморандуме Рэнкину писал: «Комиссия должна с точностью определить, были ли произведены выстрелы сзади... При всей нынешней путанице относительно направлений полетов пуль независимым экспертам необходимо рассмотреть рентгеновские и фотографические снимки трупа, чтобы проверить показания, исходящие от правительственные медиков. Комиссия должна достоверно выяснить, были ли произведены выстрелы сверху».

Путаница спустя пять месяцев после убийства и вскрытия? Ее, наверное, не было бы, если бы Спектер держал в руках такой протокол о вскрытии, который он мог бы с легкой душой обнародовать, не боясь, что он вызовет скептические вопросы. Почему-то ни Спектер, ни другие сотрудники и члены комиссии не познакомились с рентгеновскими и фотографическими снимками, сделанными на вскрытии. Не вняли совету Спектера показать эти документы независимым экспертам. Лишь в 1972 году к ним был допущен первый медик, не состоящий на службе правительства. Отмечалось, что у него был большой опыт исследования пулевых ран, тем не менее американская медицинская общественность была удивлена, что для выполнения такого ответственного поручения, как исследование рентгеновских и фотографических материалов вскрытия, был привлечен заведующий урологическим отделением Колумбийского пресвитерианского госпиталя в Нью-Йорке Джон Лэттимор. Он заявил, что информация и

выводы, содержащиеся в официальном протоколе о вскрытии, полностью соответствуют снимкам.

Специальная комиссия по расследованию убийств назначила своих экспертов для изучения рентгеновских и фотографических снимков. Они тоже подтвердили их соответствие официальному протоколу о вскрытии, но высказали целый ряд критических замечаний. Вот, например, что было сказано о фотоснимках:

«1. Они отличаются в целом довольно плохим качеством.

2. Некоторые, особенно сделанные с близкого расстояния, были выполнены таким образом, что почти невозможно делать анатомические заключения.

3. На многих фотоснимках отсутствует шкала измерений. Там же, где имеется шкала и обозначены линейные измерения, они сделаны так, что не дают точной информации о расстоянии между критически важными точками (например, рана на спине) и теми частями тела, от которых обычно производится измерение.

4. Ни на одном из фотоснимков не обозначены фамилия покойного, дата и место съемки, порядковый номер вскрытия и т. д.».

СКРУ отнесла эти «недостатки» за счет «спешки, неопытности, незнания жестких требований, которые предъявляются к фотоснимкам, предназначенным для использования в качестве научного свидетельства». И в заключение было сказано следующее: «При обычных обстоятельствах на суде об убийстве защита могла бы высказать некоторые разумные возражения против привлечения таких нечетких фотоснимков как свидетельств. Более того, даже обвинение смогло бы усомниться в целесообразности использования некоторых из этих фотоснимков, поскольку они не столько информируют, сколько вносят путаницу».

Специальная комиссия конгресса не исключала возможности того, что в ходе суда, если бы он состоялся, защита могла бы выдвинуть обвинение, что некоторые из фотоснимков фальсифицированы, что они были сделаны с трупа другого человека с целью подтвердить выводы комиссии Уоррена. Опровергнуть такое обвинение было бы крайне трудно, признает специальная комиссия.

Итак, документальная сторона вскрытия, как мог убедиться читатель, была явно не на высоте. Посвятив значительную часть времени из своего пятнадцатилетнего исследования преступления века изучению медицинских данных, взяв интервью у ряда свидетелей вскрытия (они попросили не раскрывать их фамилий), историк М. Куртц подчеркивает: «Официальный протокол о вскрытии, включенный в доклад комиссии Уоррена, был написан через несколько месяцев после убийства (*подчеркнуто Куртцем*)... Рассекреченные документы свидетельствуют вне всякого сомнения, что первоначальный протокол о вскрытии был уничтожен и заменен иным документом, который соответствовал бы теории комиссии Уоррена об убийце-одиночке».

Мы пытались воссоздать картину вскрытия тела президента и процесса его документального оформления, как она предстает из официальных материалов. Они не могли скрыть сопутствовавшие им «путаницу и неразбериху». Стремясь доискаться до причин их возникновения, некоторые исследователи столкнулись с совершенно неожиданными для себя открытиями.

ЗАГОВОР ВАМПИРОВ

В начале 1981 года американцы узнали неизвестные им доселе закулисные события, происходившие в центральном госпитале ВМС США в Бетесде 22 ноября 1963 года.

В тот день и вечер мы, советские журналисты в США, как и американцы, были прикованы к телекрану. Глубоко в память врезались передававшиеся тогда телевидением сцены прибытия к центральному подъезду госпиталя ВМС кортежа машин, появление вдовы Жаклин Кеннеди, брата убитого — министра юстиции США Роберта Кеннеди и самого доверенного адъютанта покойного президента генерала BBC Годфри Макхью. Они прибыли на автомобиле, в котором привезли гроб с покойным.

В 1967 году вышла книга Уильяма Манчестера «Смерть президента»*, написанная по заказу клана Кеннеди. В ней подробно рассказано и о том, как Жаклин и другие летели с гробом из Далласа, как на военном столичном аэродроме Эндрюс их встретил Роберт Кеннеди, кто и как грузил тяжелейший бронзовий гроб, купленный в Далласе за 3.900 долларов, в серого цвета легковую «карету» скорой помощи ВМС, поданную к самолету «BBC-1» на Эндрюс, и т. д. Примерно около 19 часов 22 ноября телевидение показало, как Жаклин вышла из этой «кареты» и на глазах у нескольких тысяч людей, собравшихся на лужайке перед госпиталем, вошла в вестибюль. Ей сказали, что вскоре приступят к вскрытию трупа.

В вестибюле госпиталя, который имеет вид цокольной залы с балконом, опоясывающим ее на уровне

* Манчестер У. «Убийство президента Кеннеди». М.: Прогресс, пер. с англ., 1969 г.

второго этажа, было довольно много народа, в основном военных, журналистов, операторов телевидения. Агенты секретной службы с трудом расчищали путь Жаклин, на которую были устремлены взоры всех. С нескрываемым любопытством рассматривал ее и оказавшийся неподалеку невысокого роста молодой человек в белом больничном халате. Спустя много лет он описывал свои впечатления так: «Она вошла через центральную дверь, направляясь в башенную часть здания. Ее окружали репортеры. Агенты секретной службы распихивали журналистов, прокладывая ей дорогу. Когда они оттолкнули репортеров, я явственно увидел ее. Не помню, какого цвета была ее одежда, но я помню на ней пятна крови».

Прежде чем вернуться к воспоминаниям этого случайного свидетеля, посмотрим на «карету» скорой помощи, оставшуюся у входа. Она все еще стояла там, пробыв в общей сложности у центрального подъезда около четверти часа, и уехала лишь тогда, когда Жаклин уже поднялась наверх в президентские апартаменты госпиталя. У человека в белом больничном халате был, ну скажем, спутник. Здоровенный детина, который в тот момент, когда они почти столкнулись с «эскортом» Жаклин, тронул молодого человека за плечо и проговорил: «Ну, хватит глазеть, пошли...» Немногословным детиной был агент секретной службы, его подопечным — рентгенотехник госпиталя ВМС в Бетесде Джеррол Кастер. «По какой-то причине,— продолжает свои воспоминания о том вечере Кастер, — агент секретной службы не хотел, чтобы хоть кто-то узнал, чем мы с ним занимались».

Еще бы! В руках Кастера были непроявленные пленки рентгеновских снимков мертвого тела президента Кеннеди. Вот так Кастер, скажет читатель. Невидимкой проник в «карету» скорой помощи, пустил в ход новое гениальное изобретение центрального госпиталя ВМС и под носом ничего не подозревавших вдовы и брата президента сделал рентгенограмму!

Но агент секретной службы был приставлен охранять не новое гениальное изобретение американской науки и техники. Они с Кастером направлялись уже в третий (!) раз с непроявленной пленкой в верхнюю башенную часть госпиталя. В расположенной там лаборатории пленка проявлялась. Нетрудно догадаться,

что первая и вторая рентгеновские съемки трупа и доставка снимков в лабораторию совершились еще до прибытия кортежа с телом президента к центральному подъезду госпиталя. Да, кто-то в Бетесде снимал мертвое тело Кеннеди уже в то время, когда, по всем данным, оно еще следовало с аэродрома к госпиталю.

Разумеется, неуместно звучат в этой ситуации слова «Фигаро — здесь, Фигаро — там», но они приходят на ум невольно и не оставляют вас до того, пока наконец не поймешь, что бронзовый далласский гроб, сопровождавшийся Жаклин и Робертом Кеннеди из Эндрюса в Бетесду, был... пуст. Пуст уже хотя бы потому, что пока двигался кортеж машин, рентгенотехник Кастер под неусыпным наблюдением секретной службы делал снимки трупа Кеннеди и таскал пленку для проявления в другую часть госпиталя.

Кастер и его напарник рентгенотехник Эдвард Рид, а также фотограф Джон Стингер начали работать в морге примерно в 18 час. 35 мин. — 18 час. 40 мин. Буквально каждый их шаг, каждое движение регистрировалось агентами секретной службы. В отличие от рентгеновских, фотоснимки секретная служба проявляла сама. Иными словами, она отбирала у Стингера цветные и черно-белые негативы. Стингер был квалифицированным медицинским фотографом, специализировавшимся на съемках при вскрытиях. Он отмечает как недостойные попытки специальной комиссии по расследованию убийств списать на него неопытность плохое качество фотоснимков. Ему не дали проявить свое умение и искусство. Ему приказывали фотографировать на таких расстояниях и под таким углом, которые не позволяли создать необходимо четкие и объективные документальные свидетельства для будущих экспертиз. Стингер ахнет, когда через несколько лет увидит качество отпечатанных снимков — бледные, трудно различимые, смазанные! Позднее он убедится, что некоторые из снимков вообще исчезли. «Пропали», в частности, снимки продольного разреза правого легкого, которое имело «кровоподтек» или «отек». В морге делался и кинофильм, но почему-то агенты секретной службы засветили его там же, на виду у присутствующих!

Рентгенотехники, фотограф и другие медицинские работники, допущенные в морг, занимаясь поручен-

ным им делом, оказались в уникальном положении. Они могли увидеть, в каком состоянии был доставлен убитый президент в Бетесду.

Один из них сказал, что его первым впечатлением было: Кеннеди привезли с поля боя. Кастер вспоминает: «Рана на голове была колossalная. Я мог просунуть через нее обе мои руки сразу». Далее он выразил мнение, что выстрел в голову пришелся спереди. «Если вы когда-либо участвовали в охоте, вы, как и я, знаете, что, когда пуля проходит через тело, она проделывает маленькое входное и большое выходное отверстие. Вот точно так выглядела его голова».

Без подробностей, но такую же мысль высказали Рид и Стингер: пуля вошла в голову спереди.

У рентгеновских снимков и фотографий, сделанных при таких необычных обстоятельствах, был и необычно тернистый путь, о котором мы еще расскажем. Здесь же хотелось бы отметить, что **Кастер, Рид, Стингер и все другие присутствовавшие на вскрытии дали подпись никогда и никому не разглашать то, что они видели и слышали 22 ноября 1963 года в госпитале Бетесды**. Подпись с них по указанию секретной службы брало начальство госпиталя, в случае ее нарушения виновному грозил суд военного трибунала. И они молчали 15 лет, хотя то, что они узнали из доклада комиссии Уоррена, явно не вязалось с реальными событиями, очевидцами и участниками которых им пришлось стать.

Под нажимом специальной комиссии по расследованию убийств конгресса США, и в особенности ее председателя конгрессмена-негра Л. Стоукса, Гарольд Браун — министр обороны в администрации Дж. Картера — отменил в 1978 году запрет, содержавшийся в подписках. Это обстоятельство способствовало появлению на свет многих (но еще далеко не всех) данных, объясняющих возникновение ситуации «Фигаро — здесь, Фигаро — там».

Многие, дававшие подпись, верили, что эта ситуация возникла из-за необходимости обеспечить сохранность тела убитого. Они слышали о прибытии пустого гроба к центральному подъезду и воспринимали это как один из маневров с целью гарантировать сохранность трупа в «первозданном» виде. Они говорили

между собой о каком-то ложном санитарном автомобиле-«карете», идентичном тому, который прибыл из Эндрюса, о маскировочном гробе, об использовании разных ворот для въезда на территорию госпиталя, о каких-то трех (!) вертолетах, участвовавших в операции по доставке ложного гроба, и т. д. и т. п.

В случаях насильственной смерти сохранение мертвого тела в «первозданном» виде, пока оно не попадет к экспертам судебной медицины,— азбучное правило. Но от кого было охранять тело президента в Бетесде? Кто мог посягнуть на него?

Были поэтому среди свидетелей скептики. Они не могли принять на веру слухи о том, что использование ложного маскировочного гроба было продиктовано какой-то особой, в том числе судебно-медицинской, необходимостью. Этот гроб был внесен в морг госпиталя на глазах у врачей, прозекторов и других. Гроб имел очень простой вид. «Мы их называем «жестянками», так как ими пользуются самые бедные люди для перевозки трупов»,— сказал один из медицинских работников, вынимавший труп президента из «жестянки». Скептики уже тогда заподозрили что-то неладное в «маскировке». Они сомневались, что она была вызвана соображениями безопасности, хотя это слово и было на устах у многих находившихся в Бетесде сотрудников секретной службы.

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В функции секретной службы входит охрана президента, членов его семьи, вице-президента, основных кандидатов в президенты и вице-президенты, бывших президентов и их жен на протяжении всей их жизни, несовершеннолетних детей бывшего президента, а также приезжающих с визитом глав государств и правительства других стран. К моменту покушения в Далласе число агентов секретной службы составляло 389 человек, в 1981 году их насчитывалось около 1.500.

К скептикам в известной степени можно отнести двух агентов Федерального бюро расследований Джеймса Сайберта и Фрэнсиса О'Нейла. В отличие, однако, от Кастера, Рида, Стингера и других они не видели прибытия «жестянки». Не видели по той про-

стой причине, что в момент внесения «Жестянки» в морг они ехали в кортеже, сопровождавшем бронзовый далласский гроб из Эндрюса в Бетесду.

Нет никаких данных, устанавливающих факт то ли официального, то ли неофициального посвящения двух агентов ФБР в то, что тело убитого президента было доставлено раньше. Скорее всего об этом никто прямо не сказал, и они либо узнали что-то сами, либо услышали какие-то наводящие на эту мысль слова, либо чувствовали нечто неладное. При них в морг около 20 часов вечера внесли бронзовый гроб. Вносили гроб члены военного эскорта — представители всех родов войск. «Жестянку» вносили примерно в 18 час. 40 мин. люди в штатском, предположительно сотрудники секретной службы. Это Сайберту и О'Нейлу, видимо, не было известно.

Вообще их пребывание в морге вызывало почему-то явное раздражение секретной службы. Кто бы они ни были, секретной службе не нужны были лишние свидетели. Однако надо было соблюдать формальности. Ведь тогда еще мало кто мог предсказать убийство «убийцы» президента — Ос瓦льда, впереди был суд над ним. «Поэтому,— пишет независимый следователь Джошуа Томпсон,— представители ФБР, как и секретной службы, находились в Бетесде, чтобы наблюдать за вскрытием с точки зрения перспективы предстоящего суда, получить пулю, которую могли извлечь из трупа, и доложить своим соответствующим ведомствам о сделанных (в ходе вскрытия.— Прим. авт.) заключениях».

Сайберт и О'Нейл состояли в штате маленького отделения ФБР в мэрилендском городке близ Балтимора. Неясно, почему именно на них пал выбор (может быть, тайная надежда на их неопытность). Но им дали задание встречать самолет «BBC-1», присутствовать на вскрытии, получить пулю или пули, которые могли быть извлечены из тела убитого президента. На следующий день после вскрытия они составили докладную записку о том, что они видели и слышали накануне. Обычно по своим рабочим заметкам агент или агенты тут же диктуют докладную записку стенографистке, затем визируют напечатанный текст и сдают начальству. На этот раз диктовку и визирование (26 ноября) разделяло три дня. Но и этот текст, судя по

оригиналу, был основательно изменен и подчищен, правда, когда, неизвестно, но не позднее осени 1966 года — когда в архиве была получена фотокопия этого документа. Как ни работали в ФБР над усовершенствованием текста докладной, все же из нее не вытравили тех нескольких слов, которые послужили толчком для многолетнего кропотливого исследования. В конечном итоге в процессе изысканий были найдены свидетели событий, незафиксированных ни в документах комиссии Уоррена, ни в книге Манчестера, ни в десятках и сотнях других статей и книг на эту тему.

Но прежде чем повести рассказ об этих ключевых словах и о том, кто их нашел, посмотрим, как реагировали Сайберт и О'Нейл на события, происходившие в тот вечер в госпитале Бетесды.

Так, 27 ноября эти сотрудники ФБР допрашивают (!?) нескольких агентов секретной службы. Причем — неслыханное для взаимоотношений этих двух спецслужб дело! — они снимают и записывают физические приметы Уильяма Грира, который управлял лимузином Кеннеди в Далласе. Допросили они и Роя Келлермана, который возглавлял группу секретной службы в Далласе и сидел рядом с Гриром в президентском «линкольне». Самое интересное, что эта пара — Грир и Келлерман — была на вскрытии трупа Кеннеди в морге Бетесды 22 ноября и, как явствует из слов очевидцев, не отходила ни на шаг от Сайберта и О'Нейла.

Из их докладной следует, что в беседе с начальником отдела секретной службы, несущего охрану Белого дома, Джеральдом Беном, агентам ФБР разъяснили, по какой системе летали в Техасе во время рокового для Кеннеди визита самолеты «BBC-1» и «BBC-2». Бен сообщил, что «BBC-1» с президентом Кеннеди подымался в воздух первым, а вслед за ним взлетал «BBC-2» с вице-президентом Джонсоном. Во время перелетов «BBC-2» обгонял «BBC-1» и приземлялся первым, чтобы вместе со своими земляками-техасцами Джонсон мог встретить президента. Есть основания считать, что отнюдь не из праздного любопытства или желания отомстить за недружелюбие в Бетесде Сайберт и О'Нейл допрашивали Бена. Они, видимо, проверяли гипотезу, что на обратном рейсе из Далласа в Вашингтон в президентском самолете, на борту кото-

рого находилась Жаклин, бронзовый гроб мог быть уже пустым, а тайно упрятанное тело Кеннеди было на борту «BBC-2». Короче говоря, Сайберт и О'Нейл решали головоломный ребус, как могло мертвое тело вечером 22 ноября оказаться вне бронзового гроба, и, видимо, проверяли, не было ли оно вынуто из него еще в Далласе.

Это не могло быть проявлением личного любопытства агентов ФБР, как не могли остаться лишь при них их подозрения. О всех подозрениях — даже малейших — в ситуации, когда прошли считанные часы с момента убийства президента, не доложить они не могли. Значит, об этом немедленно должны были сообщить директору ФБР Гуверу или его заместителям. В свою очередь, Гувер докладывал обо всем, включая сплетни личного интимного характера, хозяину Белого дома. С новым же хозяином — Джонсоном он жил по соседству в Вашингтоне и вообще был на короткой ноге. Даже если Джонсону ничего не было известно о загадочном «опустении» бронзового гроба, то новый президент сразу же узнал бы от Гувера все то, что донесли последнему.

Насколько известно, Джонсон не предпринял каких-либо официальных шагов для выяснения подозрительных событий вокруг доставки тела его покойного предшественника в Бетесду. Новый президент постарался поскорее передать все расследование далласского преступления созданной им комиссии Уоррена! В нее вошли известные деятели: сенатор-демократ Ричард Рассел, сенатор-республиканец Джон Шерман Купер, конгрессмен-республиканец Джеральд Р. Форд (будущий президент США), бывший директор ЦРУ Аллен У. Даллес и доверенное лицо всех американских послевоенных правительств, разведчик, дипломат, юрист, богач Джон Дж. Мак-Клой. Одна из задач комиссии состояла в том, чтобы похоронить все неприятные для правительства слухи и возможные подозрения, в том числе и те, что просочились бы из-за кулис военно-морского госпиталя.

В докладе комиссии Уоррена и в 26 томах приложений не нашлось места для наблюдений и сомнений Сайберта и О'Нейла. В документы не попала и их докладная записка от 26 ноября с довольно подробным описанием событий, происходивших в секцион-

ном зале Бетесды позже 20 часов 22 ноября. Почему же?

Сайберт и О'Нейл писали, что в теле президента (не считая головы) нет сквозной раны, что таково было мнение врачей, обследовавших и вскрывавших труп. Лишь на основе этого донесения (по телефону из госпиталя в штаб-квартиру ФБР) могла родиться телеграмма, отправленная в ночь с 22 на 23 ноября из штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне в отделение ФБР в Далласе. В ней, в частности, сообщалось: «Общее вскрытие и общая рентгенография обнаружили одно пулевое отверстие чуть ниже плеча вправо от позвоночника... Отверстие неглубокое, без выхода. Пули в теле не обнаружено... Патологоанатом в национальном медицинском центре ВМС высказывает мнение, что пуля сама выбралась из спины во время закрытого массажа сердца в Далласе до перевозки тела в Вашингтон». Сходная констатация содержится, как говорилось выше, в основных и дополнительном томах отчета ФБР о далласском преступлении.

Но позднее патологоанатомы «переосмыслили» раны, в частности, определили сквозной характер раны в верхней части спины. Поэтому упомянутые документы, вышедшие из недр ФБР, как теперь очевидно по межведомственной неувязке (в первую очередь, между ФБР и ВМС, а также и секретной службой), и неподогнанные к последующей официальной версии убийства Кеннеди, ни в один из 26 томов не включили.

Но независимый расследователь убийства Кеннеди физик Пол Хоч осенью 1966 года обнаружил, что два агента ФБР, присутствовавшие на вскрытии, составили докладную. По-видимому, в Вашингтоне решили, что, поскольку доклад комиссии Уоррена выдержал двухлетнее испытание, можно постепенно выпускать из архивов материалы, как-то связанные с расследованием. Кто мог предвидеть, что докладная Сайберта и О'Нейла является буквально кладом для искателей истины в преступлении века? По просьбе Хоча, респектабельного ученого, архивариусы нашли и выдали ему фотокопию этой докладной, которая хранилась не в центральном, а далласском архиве ФБР.

У серьезных независимых расследователей сложилась к тому времени традиция: как только им в руки попадал важный документ, относящийся к убийству

Кеннеди, они тут же его размножали и рассылали «собратьям по оружию». Один экземпляр пришел по почте и к Дэвиду Лифтону — студенту-выпускнику инженерного факультета Калифорнийского университета. Пришел в довольно неприятный для него час. Ему угрожало исключение из университета за «хвосты». Действительно, предыдущие два года он был настолько захвачен исследованием «темных пятен» Далласа, что запустил учебу. «Вы окончательно свихнулись на почве убийства Кеннеди», — сказал ему декан факультета на прощанье.

Прошло много дней, много дискуссий с товарищами вокруг докладной двух агентов ФБР, и наконец Лифтон замечает поразительный смысл слов, на которые он раньше не обращал внимания и которые не вызвали подозрений у большинства независимых следователей, в том числе у Хоча.

«Тело президента было вынуто из гроба, в котором оно было доставлено,— сообщала докладная агентов ФБР Сайберта и О’Нейла,— и положено на стол для анатомического вскрытия. В тот момент тело было полностью завернуто в простыню, а на голове была к тому же дополнительная повязка, пропитавшаяся кровью. Вслед за удалением этих покрытий было установлено, что на президенте не было никакой одежды и белья. Стало также очевидно, что ранее была произведена как трахеотомия, так и хирургическая операция в районе головы, а именно в верхней части черепа».

Обращают на себя внимание в докладной слова: «из гроба, в котором оно было доставлено». Спрашивается: из какого другого гроба мог быть извлечен мертвый президент? Специалисты легко обнаружили, что строка с этими словами в оригинале докладной подчищалась и исправлялась. Сайберт и О’Нейл, возможно, узнав о «жестянке», решили лишний раз перестраховаться, указав, что ведут речь лишь об официально известном им — далласском бронзовом гробе. Лифтон высказывает предположение, что агенты ФБР видели «жестянку» в морге.

Нейрохирурги в США и других странах говорят теперь по поводу последней части докладной двух агентов ФБР, что, хотя сделанное ими описание выглядит весьма непрофессионально, в общем оно понятно:

было предпринято какое-то вмешательство после черепно-мозгового ранения.

Ни в Далласе, ни на пути из Далласа, ни в Бетесде, согласно докладу комиссии Уоррена и всем другим показаниям, никаких «хирургических операций» на голове никто не производил. О чём же тогда писали Сайберт и О'Нейл? Каким образом могла родиться подобная констатация? Что за ней скрывается?

Эти вопросы всецело поглотили Лифтона. Да, его декан как в воду глядел, отказывая ему еще в одной отсрочке на сдачу четырех экзаменов. Он ушел с головой в доказательство сложившейся у него в конце октября 1966 года следующей гипотезы. В Далласе с травянистого бугра, к которому приближался лимузин Кеннеди, в президента был произведен выстрел; пуля спереди вошла в его голову, тайно была извлечена, пулевой канал нарушен, чтобы скрыть истинное направление полета пули и вместо него «проложить» новый, доказывающий, будто стрелял один человек сзади. В изданной в конце 1980 года книге «Лучшее свидетельство. Сокрытие фактов и обман в деле об убийстве Джона Ф. Кеннеди»* Лифтон описывает ощущения, охватившие его в тот момент, когда у него сложилась эта гипотеза.

«Я колебался, верить ли в то, что я обнаружил. Это была модель заговора вампиров... До этого момента мое исследование убийства Кеннеди напоминало туристское путешествие по дому, в котором якобы завелись призраки. Туристам ведомо, что дом, конечно же, свободен от призраков. Некоторые из них могут поволноваться и даже вскрикнуть, а то и возопить, но они больше прикидываются. Все эти возникшие в доме опасности и страхи — кажущиеся. Но в тот вечер, когда я натолкнулся на докладную ФБР, я будто попал в такой коридор дома, который до этого никто никогда не обследовал, и, увидев кровь, струящуюся из-под двери, открыл дверь и нашел труп. Я бы вздохнул с облегчением в тот вечер, если бы мне сказали, что это открытие, каким бы ужасным оно ни было, известно властям и что-то было сделано, пусть даже и за кулисами... Но я был уверен, что я гляжу на что-то новое и ранее

* Книга объемом 747 страниц выпущена одновременно в США издательством «Макмиллан паблишерс компани» и Англии — «Колльер Макмиллан паблишерс».

неизвестное, на механизме, с помощью которого заговор на высоком уровне замаскировал свои собственные следы... Я обнаружил нечто фундаментальное — я увидел краешком глаза возможность государственной измены!»

На слова двух агентов ФБР о хирургической операции на голове президента обратили внимание и калифорнийские журналисты Перри Эдамс и Фред Ньюкоум. Они тоже начали большую исследовательскую работу по сравнению описания ран далласскими врачами, пытавшимися спасти Кеннеди, и военными патологоанатомами. Разница двух описаний была существенной. Не зная о гипотезе Лифтона, калифорнийские журналисты в начале 70-х годов пришли к сходному с ним выводу, выразив его так: «Должен был существовать сговор с преступной целью: изменить единственный в своем роде самый важный элемент свидетельства — тело президента и таким образом замаскировать и происхождение его ран».

В подтверждение своего вывода Эдамс и Ньюкоум ссылались и на мнение американских медицинских кругов. В концентрированном виде подозрения американских медиков были выражены журналом «Джорнэл оф форенсик сайенсиз» («Журнал судебных наук»), который писал, что серьезнейшей ошибкой комиссии Уоррена было отсутствие с ее стороны «попыток установить, доставлен ли был труп в госпиталь ВМС в Бетесде в основном в том же состоянии, в каком его отправили из Далласа, или же нет».

Журнал многозначительно продолжал: «При любом судебном разбирательстве потребовалось бы это сделать», т. е. удостовериться, что фальсификации ран не было. В 1974 году калифорнийские журналисты закончили рукопись «Убийство изнутри», показав несоответствие описаний ран в Далласе и Бетесде. Эдамс и Ньюкоум отвергали мысль о том, что две группы медиков, если бы они имели один и тот же труп, могли бы прийти к различным описаниям. Значит, раны были изменены. Журналисты писали, что после того как «предполагаемые изменения ран были сделаны, их характер (т. е. были ли они входными или выходными) стал достаточно неясным и двусмысленным, чтобы позволить представить дело так, что президент был якобы застрелен выстрелами сзади».

НЕЗАВИСИМЫЕ РАССЛЕДОВАТЕЛИ

Сколько их, независимых американских расследователей*, посвятивших себя поиску подлинных убийц 35-го президента? Даже примерной цифры вам никто не назовет, хотя, несомненно, соответствующие подсчеты спецслужбами США ведутся. Появление этих необычных искателей правды, рост их рядов проходили в годы нашей журналистской работы в Америке. С некоторыми из них нам пришлось подолгу беседовать, дискутировать; почта и поныне приносит от них редкие, но интересные письма.

Лифтон был довольно видной фигурой среди независимых расследователей. Он был связан с радикальным сан-францисским журналом «Рэмпартс», публиковал в нем материалы с критикой деятельности комиссии Уоррена и принадлежал к числу так называемых серьезных исследователей, концентрировавших внимание на научном доказывании несостоятельности тех или иных положений доклада комиссии. В частности, как студент инженерного факультета, готовившийся стать специалистом по электронике, Лифтон сначала доказывал несостоятельность, с точки зрения законов физики, версии о стрельбе в Кеннеди сзади.

Негласным лидером «серезных исследователей» является жительница Нью-Йорка Мигер. Она работала в области международного здравоохранения в качестве администратора и аналитика, выступала в радиопередачах. В 1964 году изучила доклад комиссии Уоррена и 26 томов документов к нему. Они были без всякого указателя. В марте 1966 года Мигер издала

* Слова «расследователь» и «исследователь» используются здесь как синонимы. (Прим. авт.)

150-страничный «Предметный индекс к докладу и документам комиссии Уоррена», ставший, по выражению французского журналиста — автора книги «Дело Освальда» Лео Соважа, «главным оружием в арсенале критиков комиссии Уоррена». Соваж отмечает, что Мигер знает каждую букву во всех 26 томах, обладает научным складом ума, потрясающей въедливостью исследователя, позволившими ей выявить множество противоречий между выводами доклада и материалами, содержащимися в томах.

В 1967 году исследовательница выпустила книгу «Соучастники после факта совершения преступления. Комиссия Уоррена, власти и доклад»*. Мигер писала, что если сопоставить факты, доказательства и выводы доклада с материалами, помещенными в 26 томах документов, показаний и стенограмм слушаний комиссии, то получится еще около 26 новых томов исследований, которые, как и всю печатную продукцию комиссии Уоррена, сможет прочитать и осмыслить лишь ограниченное число людей. Она сконцентрировалась на наиболее заметных «расхождениях, противоречиях, искажениях, извращениях критически важных свидетельств» с целью показать широким кругам американской общественности, что «комиссия Уоррена вынесла сама себе приговор». «Ввиду характера расследования, — подчеркивала Мигер, — вероятно, что убийцы президента Джона Ф. Кеннеди скрылись необнаруженными. Доклад комиссии Уоррена, попросту говоря, преследует цель задержать их опознание и привлечение к суду».

Мигер отмечала, что «разработанная в ее книге гипотетическая конструкция имела много общего с теорией окружного прокурора Нового Орлеана Джима Гаррисона, который обвинил антикастровских кубинских эмигрантов и агентов ЦРУ в соучастии в убийстве» Кеннеди. Однако Мигер и критиковала его за

* В названии книги использовано понятие, существующее в американском уголовном праве, — «соучастник после факта совершения преступления» (accessory after the fact). К таковым относятся лица, которые после совершения преступником любого рода тяжкого преступления скрывают его или оказывают ему содействие, хотя и знают, что он преступник, намереваясь таким образом помочь ему избежать ареста, суда, осуждения и наказания. (Прим. авт.)

неосмотрительную доверчивость к свидетелям (книга вышла в разгар судебного процесса в Новом Орлеане, на котором мы остановимся ниже). Она призывала провести новое тщательнейшее расследование «независимыми исследователями и неправительственными органами». Это расследование «должно установить личности тех, кто виновен в политическом убийстве (Кеннеди.—*Прим. авт.*) и косвенных убийствах» более 50 человек, знавших что-то о преступлении века. (Теперь это число перевалило за 100.)

Следует иметь в виду, что и другие независимые исследователи на основе изучения различных материалов, включая непопавшие ни в один из 26 томов комиссии Уоррена, ставили вопрос о том, что официальные лица и органы, занимавшиеся расследованием убийства Кеннеди и сделавшие все возможное, чтобы скрыть правду по тем или иным мотивам, стали тем самым в правовом отношении «соучастниками после факта совершения преступления» и сообщниками в убийстве президента.

В 1980 году в соавторстве с Гэйри Оуэнсом Мигер выпустила «Большой индекс к расследованиям убийства Джона Ф. Кеннеди». Судя по отзывам Лифтона, Мигер — человек целеустремленный, мало кому доверяющий. Она постоянно предупреждает независимых исследователей своего круга быть начеку, «не давать материала противникам, цель которых — найти способ уничтожить такой материал». Вскоре после того как Лифтону выпала, по его словам, «счастливая случайность» обнаружить в докладной Сайберта и О’Нейла констатацию того, что производилась хирургическая операция на голове президента, Мигер настоятельно рекомендовала ему не посвящать в находку никого за пределами их окружения, сменить номер своего телефона и никому его не давать. Определенная конспирация была предпринята Лифтоном, поэтому, живя рядом с Эдамсом и Ньюкоумом, он не стремился к обмену с ними данными и гипотезами.

Мигер и ее единомышленники убеждены, что комиссия Уоррена и штат ее сотрудников виновны в изощренном обмане американского народа. С точки зрения этой группы независимых исследователей, заговор состоял из двух частей: 1) убийство Кеннеди и 2) сокрытие правды. Лифтон предложил модифициро-

вать эту структуру: 1) убийство, 2) маскировка истинных обстоятельств убийства, 3) введение в заблуждение комиссии Уоррена, проводившей официальное расследование.

С этим Мигер и ее наиболее рьяные последователи согласиться не могли. Они стояли на своем — не комиссию Уоррена вводили в заблуждение, а она обманывала американский народ. Но Лифтон был против такого подхода ко всем, кто работал в комиссии. Всех их нельзя было заставить пойти на преднамеренный чудовищный обман. Ему хотелось верить, что не все знали и не все подозревали, в частности, о закулисных делах в госпитале ВМС США в Бетесде. За сотрудничество с одним из бывших юрисконсультов комиссии Уоррена Уэсли Либелером Мигер обвинила Лифтона в «несомненном нарушении доверия» и отлучила его от своего круга.

Позднее Лифтон понял мудрую правоту Мигер не доверять таким, как Либелер, который доносил в Вашингтон обо всех открытиях независимого расследователя. Лифтон порвал с юрисконсультом и начал 15-летний труд, увенчавшийся выходом упоминавшейся сенсационной книги.

Родителям его старт казался финишем. Когда они услышали от 27-летнего сына, что он не закончил университет, но зато нашел ключ к тайне «перекройки» тела президента, отец с горечью заметил: «Кажется, ты преодолел последний барьер на пути перехода из мира реального в мир фантазий».

Действительно, совершенно невероятной кажется даже сама мысль о возможной «перекройке» тела и «создания» иных повреждений. Это представляется невозможным в первую очередь потому, что все без исключения прижизненные повреждения органов и тканей настолько существенно отличаются от посмертных, что их легко отличит специалист. Простой укол иголкой, не говоря о повреждениях более серьезных, оставляет в тканях кровоизлияние и оно тем больше, чем больше повреждение. Всего этого нет в ранах, нанесенных после смерти. Значит, нужно было не только как-то «перекроить» раны, не только создать видимость их прижизненного возникновения, но и заставить молчать людей, присутствовавших при этом или догадавшихся о содеянном.

Лифтон спланировал свою работу исходя из деления им далласского преступления на две условные категории: первый заговор и второй заговор. Суть первого заговора — убить президента выстрелом спереди. Суть второго заговора, или преступного, пусть даже молчаливого, слова — обработать мертвое тело так, чтобы можно было выдать смерть за результат выстрелов сзади.

Лифтон решил посвятить себя доказательству существования второго заговора, сосредоточившись на анализе всех доступных ему материалов о состоянии «лучшего свидетельства», каким считают труп судебно-медицинские эксперты США. Он почти не тратил усилий на разгадку первого заговора и только высказывал от случая к случаю свое мнение, если наталкивался на какие-то интересные факты, подтверждающие наиболее важные элементы его гипотезы.

В преступлении века можно насчитать немало проблем, заслуживающих специального расследования. Есть среди американских независимых следователей признанные «энциклопедисты», сумевшие вникнуть во все проблемы. Это прежде всего Сильвия Мигер и профессор философии из Филадельфии Джошуа Томпсон, уделившие в своих исследованиях значительное место и судебно-медицинской экспертизе. Но универсалов — единицы, и тот, кто им пытается подражать, не имея на то знаний, считается верхоглядом. Зато в почете тот, кто среди многих важных вопросов, требующих разгадки и решения, избрал какой-то один как, говоря словами Лифтона, свое призвание и бьет все время в одну цель.

Одному из нас приходилось, например, встречаться с корреспондентом газетного синдиката «Скриппс-Говард» Сетом Кантором — маленьким, щупленьким, необыкновенно подвижным журналистом с узенькой полоской черных усиков и постоянным карандашом в правой руке. Он стал главным специалистом по проблеме «Джек Руби». Кантор сопровождал Кеннеди в Далласе и находился в Парклэндском мемориальном госпитале, куда привезли смертельно раненного президента. Там он повстречал Руби — будущего убийцу Ос瓦льда. Они знали друг друга раньше, так как Сет долго работал корреспондентом в Далласе. Они тогда немного поговорили в Парклэндском госпитале. Ко-

миссия Уоррена и ФБР не поверили Кантору, что он общался с Руби в госпитале, хотя последнего видели там еще два свидетеля.

Это недоверие превратило Кантора в расследователя подлинных мотивов, толкнувших Руби на убийство Освальда. Журналист собрал огромный материал и выпустил не так давно книгу «Кто был Джек Руби?». Есть и другие специалисты по проблеме «Джек Руби»; в их поле зрения мафия, на которую работал владелец далласского ночного клуба «Карусель», и далласская полиция, с которой он был тесно связан.

Что можно было бы особо отметить из последних «находок» в деле Руби? Доклад комиссии Уоррена в мельчайших подробностях описывает, как он проводил у себя дома время примерно с 9 до 11 часов утра 24 ноября. Это действительно важно, если учесть, что в 11 час. 21 мин. Руби пристрелил Освальда в подвале полицейского участка Далласа. Описания комиссии Уоррена построены на показаниях делившего с Руби кров некоего Джорджа Сенатора. И Руби, и Сенатор, и комиссия Уоррена создавали впечатление, что убийца Освальда забрел в подвал случайно и в самый последний момент перед покушением.

Таким образом, далласской полиции можно было предъявить обвинения в недосмотре, халатности, оплошности, но не в преднамеренном содействии Руби. Независимые следователи разыскали священника, который поднимался вместе с ним в лифте полицейского участка уже в 9 час. 30 мин. утра. По словам служителя церкви, Руби сошел на том этаже, где содержался Освальд. Незадолго перед этим три телевизионных техника, устанавливавших аппаратуру возле полицейского участка, видели там владельца «Карусели». Независимые следователи составили три списка: 1) несколько сот далласских полицейских, которых хорошо знал Руби; 2) пятьдесят далласских полицейских, которых он знал очень хорошо, и 3) трое полицейских, наиболее близких к нему: Уильям «Чернявый» Гаррисон, сержант Дин — дружок далласского мафиози Джо Чивелло — и лейтенант Джордж Батлер, руководивший полицией в подвале полицейского участка. Эти трое подозреваются в том, что передали Руби данные о времени перевозки Освальда и помогли ему незаконно проникнуть в полицейский участок.

ФБР и ЦРУ усиленно интересовались Руби. Независимые следователи выявили довольно интенсивные контакты между Руби и ФБР, которое давало ему различные задания, связанные с борьбой Вашингтона против революционной Кубы. Он имел деловые отношения и с представителем ЦРУ в Новом Орлеане Уильямом Джорджем Годэ, который общался и с Освальдом, когда тот проживал около шести месяцев в 1963 году в Новом Орлеане.

На допросе в комиссии Уоррена был упомянут некий Дэвис. Сотрудники комиссии не обратили внимания или не захотели обращать внимания на это имя, ибо Руби говорил, что Дэвис занимался переправкой оружия на Кубу. Кантор установил, что этот Дэвис, Томас Дэвис, был грабителем банков и одновременно имел друзей в кругах американской разведки. В Далласе Руби и Дэвис встречались в ночных клубах.

После покушения в Далласе Дэвис оказался в Северной Африке и там был арестован полицией безопасности Марокко, заподозрившей его в соучастии в заговоре против президента Кеннеди. Из тюрьмы в Танжере он выбрался благодаря вмешательству агента ЦРУ, профессионального убийцы, бывшего капитана французской армии, активиста ОАС Жана Сутрэ, который был в Далласе в момент убийства Кеннеди, а затем внезапно выехал оттуда.

Руби, далласская полиция, люди, проживающие в Далласе и знавшие Освальда, площадь Ди-ли-плаза, на которой была устроена засада президенту, здания вокруг нее, очевидцы преступления привлекают к себе внимание независимых следователей. Журналисты, школьные учителя, ученые, инженеры, техники, врачи, домохозяйки, пенсионеры отдают изысканиям свободное время, сбережения, рисуют жизнью. Ими собраны, обработаны, систематизированы и надежно упакованы от посторонних глаз уникальные данные, включая фотоснимки, кинопленки, магнитофонные записи рассказов свидетелей, пресс-конференций и пр. Как правило, они знают, что есть у одного и что у другого и третьего.

Независимые следователи обнаружили в последнее время неизвестные ранее любительские кинофильмы, фотографии, слайды, позволяющие расширить представление о том, что происходило и в Техасском

складе школьных учебников, и соседних зданиях, и на травянистом бугре, и вокруг него. Один из кинолюбителей, например, случайно сфотографировал шестой этаж склада учебников за несколько минут до покушения. Эксперты СКРУ различили на этой пленке фигуры двух человек в правом крайнем окне, из которого якобы стрелял Освальд. Третий человек виден в крайнем левом окне.

Исследовательским движением называет деятельность независимых расследователей Лифтон. Оно политически и идеино разнородно, страдает от групповщины, взаимных подозрений, известной доли соперничества, недостатка средств, проникновения в него провокаторов ФБР и ЦРУ. У него были свои герои и предатели, свои взлеты и спады, свои надежды и отчаяния. Некоторые его активные участники по тем или иным причинам отошли от расследования преступления в Далласе. Другие продолжают его. Открыто или сохраняя до поры до времени конфиденциальность.

Например, одна из групп независимых расследователей — «Информационное бюро по проблемам политических убийств» (ИБППУ) — предлагает свою помощь и участие в раскрытии преступления века, а также в «синтезировании» находок с конечной целью вывести на чистую воду «политическую клику», виновную в убийстве президента Кеннеди, и посадить организаторов и технических исполнителей преступления на скамью подсудимых.

«Наше движение, — говорит Лифтон, — прошло путь длительной напряженной борьбы, но не все главы в ней еще написаны».

Проводя свое расследование, Лифтон все же закончил инженерно-физический факультет Корнеллского университета, работал инженером по электронике и ЭВМ в космической программе «Аполлон». Когда читаешь его книгу, прошедшую рецензии медиков, криминалистов и ученых различных специальностей, возникает ощущение, что знакомишься с результатом многолетнего компьютерного исследования, которое проводил человек, не пожалевший времени на изучение проблем патологической анатомии, нейрохирургии, судебной медицины. Каждый раз, когда автор открывает новые для себя данные, он с учетом уже накопленных материалов взвешивает буквально все заново.

Особенно важно ему было очистить от всего наносного представление о реальной ситуации, которая сложилась в связи со вскрытием мертвого тела президента. Острие его расследования было направлено на те считанные часы между отправкой тела президента из Далласа и окончанием бальзамирования трупа.

Свое место в исследовательском движении Лифтон определяет следующим образом: «Я никогда не предавался иллюзии, что смогу когда-либо установить личности тех, кто стрелял в президента. Я мог только строить догадки относительно того, как человека типа Ос瓦льда могли заманить в склад учебников и превратить в «затычку»... Но в чем я был уверен, так это в том, что тело президента было изменено, что было извращено направление выстрелов... Отныне я был убежден, что путь к решению проблемы политического убийства Кеннеди лежит в разоблачении тех, кто создавал «политический протокол о вскрытии». Под таковым я имею в виду тот официальный протокол, который был призван скрыть фальсификацию «лучшего свидетельства» — мертвого тела президента. Иными словами, «лучшее свидетельство» было уничтожено для истории навсегда. Это означает, что было уничтожено единственно точное вещественное доказательство, какими выстрелами президент был убит».

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ГОСПИТАЛЬ ИМЕНИ УОЛТЕРА РИДА

Для того чтобы вывезти тело мертвого президента из Далласа, тем, кто это делал, пришлось преодолеть очень трудное препятствие. Оно было создано экспертом судебной медицины далласского окружного суда Эрлом Роузом, кабинет которого находится в здании Парклэндского мемориального госпиталя, где скончался Кеннеди. Эксперт судебной медицины окружного суда в Америке сочетает функции врача и представителя местных судебных властей, обладает знаниями и навыками медика и юриста.

Согласно законам штата Техас (они в данном случае мало чем отличаются от законов других штатов США), в возникшей ситуации только Роуз мог дать письменное свидетельство о смерти, и только при наличии такого свидетельства труп можно было вывезти за пределы штата. Правда, согласно закону, Роуз мог передать труп одному из мировых судей Техаса для вынесения последним заключения о причине смерти, а тот — выдать свидетельство о смерти.

Но Роуз требовал вскрытия в Далласе. Ему говорили, что это — экстраординарный случай и тело покойного должно быть отправлено в Вашингтон. Его убеждали агенты секретной службы, помощники и советники покойного президента, врач покойного — адмирал Джордж Беркли.

Но упрямый Роуз категорически возражал. В своей книге Манчестер издевается над этим «педантом и сухарем по натуре», который «имел привычку... говорить назидательным тоном сварливого классного наставника», коллеги считали его грубияном и ловкачом, казалось, он намеренно вызывает чувство неприязни к себе. Но, добавляет Манчестер, юридическая позиция

эксперта судебной медицины была неуязвимой. Она основывалась на том, что суду необходимы будут объективные данные о посмертном вскрытии тела, что «нельзя упустить даже одного звена в цепи улик». Разыскали было одного мирового судью, который изъявил поначалу согласие дать документ на вывоз мертвого тела без вскрытия в Далласе. Но потом он узнал, что за исключением одного врача весь медицинский персонал Парклэндского госпиталя, представители судебных и прокурорских органов были на стороне Роуза, и сам высказался против выдачи трупа.

Тело в присутствии Жаклин Кеннеди было обернуто парклэндскими медсестрами в простыню и положено в бронзовый гроб, который закрыл служащий похоронной конторы Обри Райк. Далее разыгралась смахивавшая на голливудский боевик сцена. По указанию мирового судьи и эксперта судебной медицины Роуза около тридцати далласских полицейских и работников госпиталя преградили путь агентам секретной службы, окружавшим Райка, который вез на тележке бронзовий гроб. «Я, — вспоминает Райк, — был напуган до смерти. Даллас хотел делать вскрытие сам. Правительство хотело забрать гроб. Представители правительства командовали мне: «выносить гроб», Даллас командовал: «заносить назад». Только мы начнем двигаться, кто-то хватает нас, толкает назад и тянет гроб назад. Не увидев всего этого, невозможно представить себе, что там происходило».

Агенты секретной службы поставили мирового судью и Роуза к стенке с дулами пистолетов, упиравшимися в их животы. «Заложники» притихли, и наконец бронзовый гроб поставили в белый «кадиллак»-катафалк. В него села Жаклин с адмиралом Беркли, и, сопровождаемые машинами секретной службы они, опасаясь погони, понеслись в аэропорт Лав Филд.

Еще ранее из Парклэндского госпиталя отбыл Джонсон, не пожелавший выполнить печальную обязанность — объявить стране, что президент скончался. В те полчаса, пока врачи пытались спасти жизнь президента, Джонсон с супругой находился под охраной секретной службы в небольшом операционном кабинете. Армейский адъютант Кеннеди генерал Честер Клифтон мгновенно организовал телефонную связь между этой операционной, Белым домом и Пен-

тагоном. Генерал поставил тут же так называемого «пешего курьера», носящего все время за президентом «футбол» — портфель с планами на случай ядерной войны. Объясняя заместителю пресс-секретаря Белого дома Малколму Килдафу, почему он не может объявить о смерти президента, Джонсон сказал: «Я думаю, мне лучше убраться отсюда и сесть в самолет прежде, чем вы объявите сами. Мы не знаем, не международный ли это заговор, не охотятся ли они и за мною, как за президентом Кеннеди, а также за спикером Маккордом или сенатором Хейденом. Мы просто не знаем»*. И добавил, что во время покушения на президента Линкольна был ранен также его государственный секретарь Сьюард.

По непонятной причине Джонсон отбыл в аэропорт Лав Филд не в машине секретной службы, а в автомобиле каких-то техасских друзей, которые якобы положили его на пол перед задним сиденьем и... накрыли своими телами. Машина техасцев примчалась в аэропорт первой, и, когда Жаклин взошла на борт «BBC-1», она, к своему удивлению, увидела Джонсона. И где? В своей спальной кабине полулежащим на президентской кровати и что-то диктующим своей личной секретарше Мэри Фемер. Они тут же вышли, и вскоре Джонсон плотно закусил.

Окружение покойного президента было уверено, что изуважения к памяти Кеннеди вице-президент сохранит в последний раз ритуал их передвижения и отправится в Вашингтон на «BBC-2». Но у техасца были иные планы. И один из этих планов вызвал, мягко выражаясь, недоумение. Джонсон решил на борту «BBC-1» принять присягу и немедленно стать президентом. Он сослался на совет, полученный им от Роберта Кеннеди, однако последний напрочь отрицает, что рекомендовал Джонсону нечто подобное.

Так или иначе, но на борту «BBC-1» начали разворачиваться сцены одна другой удивительнее, если учесть, что вспыхах отдававшиеся приказы не согласовывались, не успевали доходить сразу до всех и пр. Драма высшего накала, которую переживали люди

* Спикер палаты представителей и лидер партии большинства в сенате (в данном случае Хейден) по конституции США следуют в качестве преемников президента после вице-президента. (Прим. авт.)

Кеннеди, переплелась с гротескным экстазом суевившихся людей Джонсона, словно хлебнувших через край из пьянящего кубка власти.

Традиция требовала, чтобы до погребения убитого президента, который по конституции США является главнокомандующим, в почетном карауле около его тела постоянно находился офицер высшего ранга. Им стал на этот раз военно-воздушный адъютант президента генерал Годфри Макхью. Он нес скорбную вахту у гроба, помещенного в хвосте самолета. Там же расположилась и Жаклин. Они не понимали причины задержки с вылетом, хотя уже давно работал один из моторов. Макхью отправился в кабину пилотов и дал приказ о взлете командиру «BBC-1» полковнику Джиму Суиндалу. Но у того был уже приказ людей Джонсона выключить мотор. Макхью покидал гроб на время от 14 час. 18 мин. до 14 час. 32 мин. Жаклин примерно в это же время отлучалась на церемонию присяги Джонсона.

«BBC-1» имел кодовое название «Ангел», что, по мнению техасцев, очень подходило к новой президентше леди Ребекке «Берд» («Птица») Джонсон. Поддерживая Жаклин под руку, леди «Берд» вполголоса говорила ей: «О, Джекки, вы же знаете, мы никогда не стремились стать даже вице-президентом, и, боже, вот что теперь получилось!»

Разысканная где-то в Далласе федеральный судья Сара Хьюз, давний друг Джонсона, держала перед ним личную Библию Джона Кеннеди. Левая рука Джонсона была поднята вверх, правая возлежала на переплете Библии, где черным на черном фоне были выведены инициалы покойного. Произнеся слова присяги, новый президент повернулся к Жаклин и скорбно промолвил: «Это самый печальный момент в моей жизни».

Лифтон предполагает, что в отрезке времени между 14 час. 18 мин. и 14 час. 32 мин., когда Жаклин и Макхью уходили из хвостового отсека, тело президента было вынуто из бронзового гроба.

Подозрение № 1. Тело перенесено на самолет «BBC-2» или какой-то военный сверхзвуковой самолет и доставлено в столицу до прибытия «BBC-1».

Подозрение № 2. В отрезке времени 14 час. 18 мин.—14 час. 32 мин. тело было вынуто из бронзового гроба и спрятано где-то на «BBC-1». После при-

бытия самолета на базу ВВС США Эндрюс близ Вашингтона оно было мгновенно вынесено через одну из двух запасных дверей, находившихся на той бортовой стороне самолета, которая не попадала в поле зрения телевидения и встречавших. Отсюда на вертолете оно было доставлено в центральный госпиталь армии имени Уолтера Рида. После хирургических и других манипуляций труп на вертолете был переброшен в «жестянку» в район Бетесды.

Подозрение № 1 отпало, так как никаких прямых или косвенных подтверждений оно не нашло. У подозрения № 2 есть некоторая основа.

У «BBC-1» был не один канал радиотелефонной связи с Вашингтоном. То, что говорилось по одному из них, попало в отредактированном виде в президентский архив Джонсона и после долгих усилий независимых расследователей было показано им в Библиотеке имени Линдона Джонсона в Остине (штат Техас), где хранятся его основные бумаги*. Безуспешны их попытки заполучить стенограммы переговоров между «BBC-1» и Вашингтоном, проходивших по другим каналам. Но и отредактированная стенограмма из президентского архива хранит на себе следы незримой напряженной работы: наряду с госпиталем ВМС в Бетесде привести армейский госпиталь имени Уолтера Рида в состояние чрезвычайной готовности для проведения, как предполагает Лифтон, стремительной хирургической операции, на которую отводился минимум времени. Эти приготовления делались якобы для того, чтобы провести в армейском госпитале обычное вскрытие тела покойного президента.

Хлопоты на самолете «BBC-1» и в Вашингтоне относительно Уолтера Рида выглядят довольно подозрительными, и вот почему. Перед взлетом «BBC-1» президентский врач адмирал Беркли уверил Жаклин, что все ее распоряжения в отношении покойного будут восприниматься как закон. Ее первым желанием было не проводить никакого вскрытия. Когда Беркли сказал, что это необходимо, она спросила: зачем? Тот ответил, что нужно определить, если это возможно,

* Писатель Манчестер безрезультатно пытался получить магнитофонную пленку в «первоозданном» виде. (Прим. авт.)

типа использованных пуль и сопоставить их с уликами, которые будут найдены позднее. Беркли подчеркивал, что лично у него нет какого-либо предпочтения в отношении места проведения вскрытия. И тогда вдова указала на госпиталь ВМС в Бетесде. Его называли тогда президентским госпиталем, так как именно на нем в начале своего пребывания у власти остановил выбор Кеннеди (в отличие от его предшественников — Трумэна и Эйзенхауэра, предпочитавших Уолтер Рид). Кеннеди везло, он ни разу не воспользовался бетесовским госпиталем, где ему оборудовали специальные палаты. И вот по иронии судьбы впервые ему суждено было попасть туда мертвым для вскрытия. Итак, вопрос о месте этого заключительного акта трагедии, казалось, был решен предельно ясно: Бетесда.

Между тем полной ясности здесь, судя по всему, не было. Из стенограммы переговоров между «BBC-1» и Белым домом:

Радист «BBC-1»: Нам нужен главный хирург армии генерал Хитон.

Белый дом: Ждите. Мы ищем генерала.

Беркли: Мне нужен генерал Хитон или заместитель генерала Хитона.

Белый дом: Мы стараемся как можно быстрее связать его с вами. Он в Уолтере Риде. Мы не можем его там разыскать. Мы ищем.

Пока по приказу адмирала Беркли ищут генерала Хитона или его заместителя, специальный агент секретной службы Келлерман беседует со своим начальником Беном, находящимся в Белом доме. Келлерман говорит: «Прибываем на Эндрюс в 6.05. Тело будет отправлено в Уолтер Рид. Обеспечьте машину из Уолтера Рида, чтобы забрать тело».

В их разговор вмешивается Беркли, который уже успел переговорить с Хитоном по другому каналу.

Беркли: Тело будет отправлено в медицинский центр ВМС на вертолете или же на машине?

Бен: На вертолете. На вертолете.

Беркли: Я вызывал Хитона и все с ним обговорил. Позвоните ему и отмените Уолтер Рид. Я не знал, что эти приготовления (какие не ясно. — Прим. авт.) уже сделаны... Тело в гробу, и оно должно быть отправлено машиной, а не вертолетом.

Затем опять Беркли связался с Хитоном, но микрофон у него неожиданно берет армейский адъютант президента генерал Клифтон.

Клифтон: Мы доберемся без вертолета до медицинского центра в Бетесде. Нам нужна «карета» скорой помощи от Эндрюса до Уолтера Рида: мы хотим, чтобы в Уолтере Риде было произведено обычное, требуемое законом вскрытие. Вам понятно?

Хитон: Понятно, генерал Клифтон... вы хотите обычное, предусмотренное законом вскрытие в Уолтере Риде*.

Беркли, видимо, не совсем понимает смену и чередование приказов. Он пытается включиться в разговор, напоминая, что какие-то приготовления ведутся и в Бетесде. И это воспринимается Хитоном, Клифтоном, Беном как нечто само собой разумеющееся, с их стороны не требующее комментариев. Они концентрируются в разговорах на том, чтобы уточнить роли вертолетов и машин, но они уже переходят на какой-то понятный только им условный язык.

Но вот Клифтон отдает новый приказ Бену: «Слушайте внимательно. Нам нужен передвижной трап — нормальная лестница. Подгоните его к передней части самолета, справа по борту сразу же за кабиной пилота. Мы хотим вывести первую леди (Жаклин. — Прим. авт.) этим путем. Поняли?»

Это был странный приказ. Что значит вывести вдову отдельно от гроба и не на виду у телевизионных камер, а каким-то черным ходом? Приказ был отдан, видимо, для отвода глаз, чтобы оправдать появление трапа у правого борта и обеспечить вынос мертвого тела через запасную дверь. Указания о дополнительном трапе, о вертолетах, об Уолтере Риде и были той основой, на которой выросла гипотеза о проведении преступных хирургических манипуляций на теле убитого президента в центральном армейском госпитале имени Уолтера Рида на 16-й улице Вашингтона в пяти минутах пути на вертолете от госпиталя ВМС в Бетесде. Невольно этой гипотезе придал вес патологана-

* Американские независимые расследователи считают слова «обычное, предусмотренное законом вскрытие» излишними и даже бессмысленными (других вскрытий в США закон не предусматривает), если только в них не заложен какой-то зашифрованный приказ. (Прим. авт.)

том подполковник Пьер Финк, когда на судебном процессе в Новом Орлеане проговорился, что вскрытием и в Бетесде руководил армейский генерал. Об этом признании Финка мы расскажем ниже. Кстати, согласно воспоминаниям одного из очевидцев, в момент прибытия гроба-«жестянки» в морг бетесдовского госпиталя там находились главные хирурги ВМС, армии и BBC. Остается необъяснимой, в частности, причина стремительного перемещения из Уолтера Рида в Бетесду главного хирурга армии Хитона, если только не он был тем армейским генералом, руководившим вскрытием, о чём проговорится позднее подполковник Финк.

Помимо высокопоставленных военных медиков, в Бетесду съехалось множество крупных чинов Пентагона. По чьему приказу и с какой точно целью? Это остается неясным.

* * *

В 13 час. 55 мин. последовал арест Освальда. В 14 час. 47 мин. самолёт «BBC-1» поднялся в воздух. Еще оставалось три часа до того, как Освальду предъявили обвинение в убийстве Типпита, и девять часов — до предъявления обвинения в убийстве Кеннеди. Но, опережая события, на борт самолёта поступила радиотелеграмма из коммуникационного центра Белого дома (так называемая «ситуационная комната»), в ней говорилось, что Кеннеди пал жертвой не заговора, а убийцы-одиночки Освальда. Текст этой телеграммы попал в руки новоорлеанского прокурора Гаррисона. Он не смог при всем старании выяснить, кто автор этого текста. Гаррисон подозревал военных, так как «ситуационная комната» обслуживалась работниками высшего военного органа — комитета начальников штабов. «Либо комитет начальников штабов внезапно обрел чувство потрясающего предвидения, решив, что Освальд и никто иной был убийцей и притом убийцей-одиночкой, или же он заранее располагал копией сценария. Радиотелеграмма была не просто преждевременным сообщением. Ее содержание становилось официальной правительенной линией, от которой оно (правительство. — Прим. авт.) никогда уже не отступало, хотя в момент рождения этой версии оно не располагало никакими доказательствами». Так писал Гаррисон в своей книге «Каменное наследство», вышедшей в

1970 году. Спустя десять лет Лифтон рассказал американцам, что не только высокопоставленные военные медики, но и какие-то адмиралы, генералы армии и BBC находились в Бетесде. И это прибавляет вес предположению Гаррисона, что военные в комитете начальников штабов вооруженных сил США «располагали заранее копией сценария».

В годы нашей работы в США много писалось и говорилось о пристрастии Джонсона к телефону. Он не мог жить без этого аппарата, у него была какая-то ненасытная жадность к отдаче приказов по телефону, к расспросам по телефону, к решению множества больших и мелких проблем по телефону, к дискуссиям и т. п.

При наличии на «BBC-1» нескольких каналов связи можно смело предположить, что Джонсон «не слезал» с телефона, тем более что это были первые два часа его президентства. Несомненно, он стремился знать, находясь в воздухе, что происходит в Вашингтоне и Далласе.

Клифтон и Беркли работали уже на Джонсона, секретная служба была в его руках, у него были свои люди на руководящих постах в Пентагоне, ЦРУ, ФБР, не говоря уже про тихасский Даллас. Президентская кабина на борту «BBC-1» была пультом управления мощной правительственной машины. Но вместе с тем отдельные ее колеса могли вращаться на собственном заводе, автономно. К примеру, в Вашингтоне в это время отсутствовали не только президент и вице-президент, но и восемь министров, в том числе государственный секретарь, которые в момент покушения находились в самолете над Тихим океаном, направляясь в Токио на американо-японское межправительственное совещание.

Кто в эти короткие часы заправлял делами в Вашингтоне в такой мере, чтобы мгновенно принять решение свалить убийство президента на одиночку Освальда? И в Вашингтоне ли принималось решение? Или на «BBC-1»? Или в Далласе? Или в Новом Орлеане? Или где-то еще? Ответов на эти вопросы американцы пока не получили.

Можно предположить, что версия с Освальдом была навязана Джонсону ходом событий, направляемых кем-то из-за кулис. Можно предположить и другое:

Джонсон с радостью ухватился за эту версию, позволяющую закрыть глаза на вероятность того, что он взошел на президентский трон в результате государственного переворота, пусть даже совершенного без его ведома и согласия.

Так или иначе, но есть два указания на то, что планы использования госпиталя Уолтера Рида вырабатывались не без участия Джонсона или его приближенных.

В июле 1980 года, когда Лифтон расспрашивал генерала Клифтона о полете «BBC-1» из Далласа, тот ответил следующее: «...Когда я сказал им (секретной службе. — Прим. авт.), что мы направляемся в Уолтер Рид, то это было сделано со слов Джонсона или кого-то из его людей». Личный секретарь Джонсона Фемер вела на «BBC-1» хронологические записи деятельности нового президента США. Она вынула листок бумаги из пишущей машинки перед посадкой и сделала последнюю запись: «17.58 приб. Эндрюс — тело с миссис К (Кеннеди. — Прим. авт.) в Уолтер Рид». В июле 1980 года бывшая личная секретарша Джонсона признала свой почерк и на вопрос, откуда появилась у нее такая информация, ответила: «Я уверена, что кто-то сказал мне, но — кто, я никак не могу вспомнить».

Мы подошли к одному из самых трудных мест во всей этой истории — доставке двух различных гробов в Бетесду, маскировке тайных действий и замятию следов.

Расстояние между Эндрюсом и Уолтером Ридом — около 21 км. Преодолеть его быстрее всего можно на вертолете. Были ли вертолеты поблизости от «BBC-1», подрулившего к толпе встречавших? Были. Несколько из них предназначалось для Джонсона и его свиты, решивших отправиться сразу же в Белый дом. Один армейский вертолет стоял у правого борта «Ангела», неподалеку от того запасного выхода, через который, как предполагает Лифтон, вынесли труп. Но и это не все. Лифтон приобрел магнитофонные пленки ведущих радиотелевизионных компаний и проанализировал с акустиками все шумы перед тем, как приземлился «BBC-1». Вертолеты Джонсона — это известно — стояли с незаведенными моторами. И лишь один или два других вертолета «гоняли моторы» на полную мощность. Некоторые из встречавших видели, как

один вертолет поднялся в воздух почти сразу же после того, как президентский самолет остановился.

При обычной скорости армейских вертолетов США того времени — 240 км/час — тело мертвого президента могло быть доставлено в Уолтер Рид из Эндрюса за 5—6 минут. От Уолтера Рида до Бетесды около 3,5 км. Этот путь, полагает Лифтон, мог быть проделан или на вертолете, или на автомобиле. В 1980 году Лифтон получил допуск к журналу центра погребальных операций Вашингтонского военного округа. В нем имеется запись, сделанная в 17 час. 30 мин., о передаче следующего приказа (судя по всему, он поступил с борта «BBC-1») начальнику военно-морского медицинского центра в Бетесде адмиралу Гэллоуэю: «...обеспечьте усиленную охрану вокруг вертолетной площадки в военно-морском центре Бетесды в ожидании прибытия останков около 18.30».

Бронзовый гроб погрузили в серую «карету» скользкой помохи ВМС. Однако военному эскорту, составленному из представителей всех видов вооруженных сил Вашингтонского военного округа, было приказано следовать не в одном из сопровождавших гроб автомобилей, а на армейском вертолете. На вертолетной площадке Бетесды эскорт посадили в грузовик и подвезли кциальному входу госпиталя ВМС США, где они увидели серую «карету» и возле нее генерала Макхью, беседовавшего с какими-то адмиралами. Известно, что это была не просто беседа, а перепалка. Макхью требовал, согласно пожеланиям Жаклин и Роберта Кеннеди, чтобы после вскрытия здесь же, в госпитале, было произведено бальзамирование тела. Адмиралы отказывались, ссылаясь на то, что у них нет специалистов. Макхью настоял на своем.

Затем один из адмиралов — им, согласно сообщению газеты «Вашингтон пост», был начальник военно-морского медицинского центра в Бетесде Кэлвин Гэллоуэй — сел за руль «кареты» с бронзовым гробом и отъехал. Грузовик с военным эскортом последовал за санитарной машиной, но та сразу же набрала большую скорость и была, как говорится, такова...

Грузовик сделал пару кругов по территории госпиталя и наконец «набрел» на нее. За рулем «кареты» был, судя по всему, какой-то шутник, ибо она все время будто хотела поиграть с грузовиком в «кошки-

мышки». Все это хорошо помнят несколько членов военного эскорта. Губерт Кларк — единственный моряк в эскорте — и теперь повторяет, что готов под любой присягой дать показания о происходивших событиях.

— В грузовике, — вспоминает Кларк, — мы гадали, что это за парень сидел за рулем «кареты». Мы не могли понять, с чего это он так жал на педаль. Почему он пытался оторваться от нас? Минут десять — пятнадцать мы гонялись за ним на скорости сорок или пятьдесят миль (72 — 80 км). Мы наконец потеряли его из виду. Затем еще минут пятнадцать мы разыскивали его, делая круг за кругом, затем заехали куда-то не туда, потом начали «танцевать» опять от центрального подъезда.

Лифтон спросил у Кларка, была ли вертушка-мигалка на ускользавшей от них серой «карете». Тот ответил, что, возможно, она и имелась, но не была включена. Зато их грузовик имел включенную мигалку.

«Встреча» военного эскорта с «каретой» произошла у подъезда к моргу. Начальник эскорта лейтенант Бэрд подошел к ней, заглянул вовнутрь и обнаружил, что она... пуста. Неподалеку стоял генерал Макхью. Знал ли он, что несет траурную вахту без бронзового гроба? По мнению Лифтона, такое и в голову не могло прийти генералу. Для военного эскорта потерять гроб означало допустить большую промашку. Этот момент зафиксирован у Манчестера, который писал: «Командование Вашингтонского военного округа было всегда до мелочей дотошно по части церемониальных дел; покинуть гроб с телом главнокомандующего было для них равнозначно совершению страшной ошибки».

Манчестер не подозревал, что когда он описывал данный эпизод, то подтверждал факт наличия второго заговора. И составным элементом его был отвлекающий маневр, предпринятый с целью освободиться на время от свидетелей — членов военного эскорта. Для этого, видимо, и была использована вторая серая «карета», подобная той, в которой находился бронзовый гроб. За этой маскировочной, или «подсадной», машиной и гонялся грузовик. Военному эскорту было сказано, что делалось это в «интересах безопасности», в «интересах максимального сохранения трупа».

Но когда появилась первая «карета» и военный эскорт вынул из нее бронзовый гроб, то Кларк и другие военнослужащие заметили странную метаморфозу, происшедшую с этим гробом. Они его сгружали с борта «BBC-1» в Эндрюсе, и он был целехонький. Теперь, выгружая его из «кареты», говорит Кларк, мы заметили сильные повреждения: сломанные ручки, вмятины. Это подтвердил Лифтону и генерал Макхью: «Ручки были оторваны, углы побиты. Я не знаю, как это случилось. Я не понимаю».

Вывод из неприглядной истории напрашивается сам собой: у официальных властей и независимых расследователей остается еще большой простор для изысканий. Интересно найти «шутника», управлявшего второй серой «каретой», и расспросить, кто дал ему указание вести игру в «кошки-мышки». Интересно узнать, при каких обстоятельствах «потерялись» ручки бронзового гроба. Таких вопросов в спектакле с маскировкой и других эпизодах бетесдовской аферы множество.

Лифтон спросил 75-летнего адмирала в отставке Гэллоуэя, управлял ли он серой «каретой». Тот ответил, что он сел на переднее сиденье, но повел машину другой человек. На вопрос, зачем нужна была вторая серая «карета», Гэллоуэй заявил, что никакой второй «кареты» не было. Лифтон не добился у него ничего, кроме следующего заявления: «Насколько мне подсказывает память, впервые за много лет убит президент. Он был очень популярным президентом, и я могу понять, почему возникла сумятица в сознании многих людей. Я пытаюсь реконструировать все это в моем собственном сознании, но имеются определенные вещи, которые совершенно не укладываются в моей голове». О каких «определенных вещах» говорил Гэллоуэй? Он это не пояснил.

Сетя по поводу «сумятицы в сознании многих людей», адмирал Гэллоуэй в сущности признал отсутствие четкой и ясной картины того, что происходило до вскрытия и во время него. Сходные оценки — «путаница», «неразбериха» — звучали и в отношении событий после вскрытия. Они давались, как мы помним, сотрудниками комиссии Уоррена. Получается, таким образом, что «лучшее свидетельство», которое не должно вызывать никакого двойственного толкова-

ния, породило сумятицу, неразбериху. И все началось с перелета из Далласа в Вашингтон. Вернемся к нему еще раз и взглянем на него глазами экс-президента Джонсона, изложившего свою версию в первой главе мемуаров.

На борту «BBC-1», как теперь установлено, дольше всего у гроба в хвостовой части самолета дежурили Жаклин и генерал Макхью. Но Джонсон сообщает, что «возле гроба оставались, словно неся траурную вахту над сраженным лидером, советники покойного О’Доннелл и О’Брайен». Экс-президент тем самым подчеркивает, что у гроба находились наиболее близкие к покойному советники из так называемой «ирландской мафии» Белого дома. И кому может прийти в голову, что они разрешили выкрасить труп.

Мы узнаем, что во время полета ни Джонсон, ни его приближенные якобы не чувствовали никаких трений между собою и людьми Кеннеди, хотя Манчестер показал довольно ярко и убедительно обратное.

В конце первой главы мемуаров Джонсон пишет, что на аэродроме Эндрюс, направляясь к поджидавшему его вертолету, он вдруг вспоминает сказанные однажды кем-то слова: «...президент США — самое одинокое существо в мире». «Но мои мысли, — писал Джонсон, — продолжали возвращаться к госпоже Кеннеди, которая в тот момент сопровождала тело ее мертвого мужа в госпиталь ВМС в Бетесде, и я знал, что мое одиночество не шло ни в какое сравнение с ее одиночеством, с отчаянием, сжимавшим тисками ее сердце».

Если отбросить сентиментальность мемуариста, то четко проступает смысл написанного. Джонсону, как нам кажется, очень хотелось зафиксировать, что у него отсутствовали малейшие подозрения в отношении перевозки мертвого тела. Все было просто, говорит он нам. Труп Кеннеди отбыл в Бетесду в сопровождении Жаклин.

Что же произошло в госпитале ВМС в Бетесде? Попытаемся разобраться в нескольких эпизодах, случившихся до начала вскрытия.

ЗАГАДОЧНАЯ «ЖЕСТЯНКА»

Участники тайного сговора по каким-то, точно известным только им, причинам вынуждены были дважды вносить труп в морг, расположенный в задней части госпиталя, прямо противоположной центральному входу: первый раз — в «жестянке», второй — в роскошном бронзовом гробу.

Вначале его вносили 7—8 человек в штатском — эдакие «битюги», как назвал их один из свидетелей происходившего — младший медицинский работник, флотский унтер-офицер первого класса Деннис Дэвид. Они подъехали в черном «кадиллаке», приспособленном под катафалк, без номерных знаков.

Приобщение Дэвида к числу заговоривших свидетелей произошло следующим образом. Весной 1975 года, чтобы замять всплывшие факты возможной причастности ЦРУ к убийству президента Кеннеди, комиссия «видных граждан» под председательством вице-президента Нелсона Рокфеллера* решила «расследовать» соответствующие обвинения в адрес разведывательного ведомства. Газета «Ньюс сан» в небольшом городке Уокиган (штат Иллинойс) поместила серию статей об этих слушаниях, которые, как и предполагалось, «избавили» ЦРУ от какой-либо причастности к убийству. В редакцию «Ньюс сан» позвонил лейтенант медицинской службы ВМС в отставке, бывший сотрудник центрального военно-морского госпиталя Дэвид. Под впечатлением этих статей Дэвид предложил газете опубликовать свои воспоминания о «малоизвестных событиях» 22 ноября 1963 года, чему он явился свиде-

* Была создана в начале 1975 года для проверки и расследования сообщений печати о проведении ЦРУ противозаконных операций внутри США. (Прим. авт.)

телем. Редакция согласилась с предложением и условием Дэвида — не называть его фамилию. Дело происходило в графстве Лейк (лейк — озеро), и «Ньюс сан» представила читателям своего информатора как «человека из озерного графства».

«Несколько тысяч человек собрались на лужайке в ожидании прибытия траурного эскорта,— вспоминал «человек из озерного графства». — В госпитале охрана стояла у каждой двери, никому не разрешалось пользоваться лифтами без специального разрешения. Мы все были напуганы до смерти. Носились слухи о заговоре, никаких поблажек никому не делалось. Тело Кеннеди было доставлено в автомобиле-катафалке без номерных знаков и внесено через заднюю дверь. Официальный эскорт, прибывший с аэродрома, доставил к парадному входу госпиталя лишь пустой гроб».

Эта удивительная информация прошла в тот момент фактически незамеченной. И лишь спустя два с половиной года она попалась на глаза независимому расследователю из штата Теннесси Уолласу Майламу, который переслал вырезку Лифтону. Для последнего это было истинным кладом. Лифтон разыскал «человека из озерного графства», и, когда его, как и других свидетелей, освободили от обязательства хранить молчание, Дэвид осмелел и сбросил инкогнито.

Один из патологоанатомов — Торnton Босуэлл — предупредил Дэвида, что ожидается «неофициальное» прибытие тела мертвого президента. Теперь же Босуэлл откращивается от своего бывшего подчиненного и уверяет, что, кроме официального прибытия (имеется в виду в бронзовом гробу), никакого другого не было...

В каком виде был доставлен труп президента в секционный зал морга? Напомним, что во второй раз, согласно докладной записке Сайберта и О'Нейла, труп был в простыне, а голова в дополнительной повязке, пропитавшейся кровью. В простыне он был отправлен из Далласа. А что касается первого, тайного, прибытия, то помощник прозектора Пол О'Коннор рассказывает следующее:

— Мы открыли этот дешевенький гроб-«жестянку». Труп лежал в резиновом мешке. Мы расстегнули «молнию», шедшую вдоль всего резинового мешка, и

вынули оттуда тело президента. Оно было голое, если не считать марли на голове.

«Теперь я был уверен,— пишет Лифтон,— что, если тело президента покинуло Даллас в простыне, а прибыло в Бетесду в резиновом мешке, их игра в «лучшее свидетельство» была проиграна».

И опять важнейшая информация всплыла на поверхность неожиданно и, по всей вероятности, случайно. Впервые она появилась летом 1979 года в одном из томов-приложений к докладу специальной комиссии по расследованию убийств. В документе цитировался помощник прозектора О'Коннор, подчеркивавший несколько раз, что труп прибыл в резиновом мешке. Ценнее находки для Лифтона быть не могло, и он принял за выяснение подробностей.

Во-первых, СКРУ потребовалось несколько месяцев, чтобы заполучить у министерства обороны список всех военнослужащих, участвовавших во вскрытии трупа президента. Во-вторых, еще несколько месяцев ушло на то, чтобы снять с них подписку о неразглашении фактов, связанных со вскрытием. Так О'Коннор стал заговорившим свидетелем.

Но показания помощника прозектора предназначались, как теперь ясно, не для воссоздания исчерпывающей картины происходившего в секционном зале Бетесды. Его информация нужна была, чтобы опровергнуть важное заявление одного свидетеля.

Речь идет о показаниях в специальной комиссии конгресса адмирала в отставке Дэвида Осборна, бывшего заместителя главного хирурга ВМС США. В ноябре 1963 года он был заведующим хирургическим отделением центрального госпиталя ВМС в Бетесде. Осборн сообщил, что, когда перед началом вскрытия тело покойного президента было вынуто из простыни, на анатомический стол выпала «целехонькая пуля». Специальная комиссия не поверила этому свидетельству, поскольку больше никто из присутствующих якобы не видел такой пули. В октябре 1979 года в беседе с Лифтоном Осборн подробно описал ту ситуацию, когда в морг был доставлен дорогой бронзовый гроб. Какое-то время его не открывали, поскольку Хьюмс хотел дождаться всех, кому надлежало присутствовать, и в частности своего ассистента подполковника Финка. Задержка продолжалась около 20—30 минут.

Наконец гроб открыли, и вскоре Осборн увидел «целехонькую пулю», выпавшую на анатомический стол, и взял ее в руку. Она была чистой, без следов крови и практически недеформированной.

— Кто еще держал пулю в руках? — поинтересовался Лифтон.

— Несколько человек, — ответил Осборн, — я знаю, что она побывала и в руках сотрудников секретной службы.

— Как вы восприняли решение специальной комиссии не поверить вам?

— Что касается их оценки, то это полнейшая белиберда, поскольку там была пуля и она была совершенно целой. Я не знаю, что с ней случилось, но взяла ее секретная служба.

Ясно, что этот эпизод мог произойти лишь в том временному отрезке, когда разыгрывался еще первый сценарий — пуля «выпала» из тела Кеннеди в результате закрытого массажа сердца. Ведь если бы на той стадии уже созрело решение «найти» ее на носилках Коннэли в Парклэндском госпитале, конечно же, никому не пришло бы в голову подбрасывать пулю в бронзовый далласский гроб Кеннеди. Одним словом, показания Осборна подрубали на корню всю официальную версию о том, что единственной пулей, обнаруженной в далласском преступлении, была пуля, найденная в Парклэндском госпитале.

И другое тоже очевидно. Осборн имел в виду второе, официальное, прибытие тела, когда оно вновь было завернуто в простыню. Но сотрудники СКРУ (то ли из-за спешки, то ли из-за незнания проблемы) ухватились за слова О'Коннора, описывавшего первое прибытие тела, когда никакой простыни не было и в помине. Они были настолько преисполнены решимости поправить адмирала Осборна, что не заметили «маленькую» разницу.

Лифтон связался с бывшим сотрудником СКРУ (специальная комиссия, опубликовав доклад, прекратила свое существование) Эндрю Пэрди, который вместе с другим сотрудником специальной комиссии Марком Флэнаганом брал показания у О'Коннора, и поинтересовался его мнением о факте доставки тела президента в резиновом мешке. Пэрди поначалу не мог уловить смысл обнаруженного им факта, но, когда до

него дошло, что он и Флэнаган помогли подтвердить подозрение о неофициальном и нигде не зарегистрированном внесении трупа в секционный зал Бетесды, первой реакцией бывшего сотрудника СКРУ были слова: «Ну, если О'Коннор сказал, что тело президента было в резиновом мешке, это еще вовсе не значит, что оно действительно было в резиновом мешке».

Факт прибытия мертвого тела в резиновом мешке подтвердил Лифтону начальник Национальной академии ВМС США капитан Джон Стоувер. Когда в 1980 году Лифтон спросил Стоувера, был ли труп вынут из простого металлического гроба, т. е. «жестянки», Стоувер ответил: «Возможно», хотя тут же добавил, что в точности он не может припомнить.

«Мне,— пишет Лифтон,— улыбнулась фортуна. Опять случайность, как и проскользнувшая в отчете ФБР констатация «хирургической операции в районе головы». Подобно Сайберту и О'Нейлу, не подозревавшим о значении их сообщения... Пэрди и Флэнаган получили и зафиксировали информацию о доставке мертвого тела президента Кеннеди в Бетесду в резиновом мешке, не сознавая важности этой информации».

Лифтон с трудом разыскал О'Коннора и тот подтвердил ему два факта. 1) Труп Кеннеди был в мешке из толстой резины с застежкой-молнией. В таких мешках в 60-е годы привозили десятки тысяч трупов американских солдат из Южного Вьетнама. 2) «Жестянка» была дешевым серым металлическим гробом, в которых обычно не хоронят, а перевозят на самолетах трупы. В разговоре с бывшим помощником прозектора выяснился новый факт, который «затмил» собой два других.

Лифтон поинтересовался, что было после того, как труп президента вынули из резинового мешка.

«В большинстве случаев,— продолжал О'Коннор,— для большого анатомического исследования мы вынимали мозг». «Разумеется»,— поддакнул ему ничего не подозревавший Лифтон.

— Но у него,— продолжал медик,— не осталось никаких мозгов. И это, в частности, я имел в виду, когда говорил, что президента будто привезли с поля боя.

К этому времени Лифтон уже многое знал, а о другом догадывался. Но от слов О'Коннора он окаменел.

— Что вы имеете в виду?

— Рана на голове была ужасная, наверно, 4×8 дюйма (10×20 см.—*Прим. авт.*)... Череп был пустой, правда, кое-где на стенках виднелись маленькие остатки мозговой ткани.

— Входило ли в вашу обязанность сообщить Босуэллу, что мозг отсутствует?

— Босуэлл и Хьюомс видели это сами.

— И какой была их реакция?

— Вы можете быть уверены, что они, как и все, были просто в ужасе. После того как они все это осмотрели и были сделаны снимки, пустоту в черепе заполнили специальной губкой.

О'Коннор на секунду предположил, что президент получил удар огромной силы, и весь мозг вывалился где-то в лимузине. Но это невозможно, тут же поймал он себя на мысли. И он был прав. Далласские врачи в Парклэндском госпитале зафиксировали: пуля разрушила примерно одну третью часть правого полушария мозга, вся остальная часть мозга при отправке трупа была на месте. Если Хьюомс также на мгновение мог предположить, что весь этот ужас (пустой череп) сотворила пуля, то позднее он выяснил, в каком состоянии отправили тело далласские врачи, однако он набрал в рот воды относительно «пропажи» мозга.

При втором появлении тела покойного мозг был на месте, там, где ему положено быть,—в черепе*. И Хьюомс описывал в комиссии Уоррена те эксперименты, которые он с ним производил, действительно не обмолвившись ни словом о том другом, безусловно экстраординарном происшествии с отсутствием мозга, которое вызвало у него и других ужас.

Лифтон спросил у нескольких американских медиков, как они оценивают ситуацию с пропажей мозга, если она действительно имела место. Ответ был однозначный: Хьюомс в таком случае обязан был заявить решительный протест. Если бы в секционном зале

* Интересно, что среди фотографий и рентгеновских снимков, которые спустя много лет все же были показаны специалистам, нет ни одного, на котором бы был мозг в черепе. К моменту второго появления тела мозг был опять на месте, но снимать в таком виде, вероятно, было уже опасно, дабы посторонние специалисты не разоблачили обман.

Бетесды находился гражданский патологоанатом и он же судебно-медицинский эксперт, то при виде пустого черепа он бы перевернул все вверх дном, сказал заместитель судебно-медицинского эксперта Лэримерского графства (штат Колорадо) доктор Ч. Уайлбер. Руководитель группы медицинских экспертов СКРУ доктор М. Баден заявил, что если бы возникла подобная ситуация, то Хьюмс должен был «закричать, затопать ногами и потребовать немедленного расследования». Но Баден добавил, что такая ситуация не возникла, так как мозг не исчезал. На чем зиждется уверенность Бадена? На том, что Хьюмс «никогда не докладывал о чем-либо необычном».

Но вместе с тем, с точки зрения Лифтона, Хьюмс был предельно осторожен при выборе слов для характеристики своих действий, когда дело касалось мозга. В официальном протоколе о вскрытии после описания повреждений черепа, скальпа и мозговой ткани говорится: «Мозг был вынут и, после фиксации формалином, сохранен для дальнейшего изучения». Лифтон отмечает, что выражение «мозг был вынут» может иметь двоякое значение: либо Хьюмс отдал его с помощью хирургических инструментов, либо он просто вынул из черепа мозг, который уже был отделен от черепа и спинного мозга. На последнее предположение его наводили слова Босуэлла, сказанные им в интервью независимому расследователю Томпсону: «...мозг президента вынимался легко без необходимости прибегнуть к хирургии».

Значит, к хирургии прибегли раньше? Лифтон выдвигает гипотезу, что, когда Хьюмс и Босуэлл сообщили Сайберту и О'Нейлу о «хирургической операции в районе головы», патологоанатомы, в частности, могли иметь в виду явные следы и результаты операции по извлечению головного мозга из черепа.

Не исключено, что попытка взбунтоваться при виде пустого черепа все же предпринималась. Свидетели, находившиеся в секционном зале, рассказывали Лифтону, что между Хьюмсом и другими врачами, с одной стороны, и какими-то личностями в штатском, с другой, вспыхнула необыкновенно резкая перепалка, когда они начали осматривать труп, прибывший в «жестянке». Предполагается, что эти штатские, как и те «7—8 битюгов», которые внесли «жестянку», были

сотрудниками секретной службы. Но Лифтон намекает на другое: рьяные спорщики в штатском, без стеснения оравшие на врачей ВМС, могли быть сотрудниками ЦРУ или военной разведки.

Однажды, в конце 1966 года, Лифтон связался по телефону с Хьюомсом. Тот, конечно, отрицал, что от него исходили слова агентам ФБР об операции на голове мертвого Кеннеди, отрицал, что он знает что-либо про такую операцию. Он повторял, что все свои показания по данному и другим вопросам, связанным с вскрытием, дал комиссии Уоррена под присягой. Много раз Лифтон перефразировал свои вопросы, чтобы предоставить Хьюомсу возможность намекнуть, что он, Лифтон, не зря ищет ответы на все эти вопросы. И вот...

— Конечно,—сказал Лифтон,—если операция была произведена с целью извлечь пулю или сделать что-нибудь с головой прежде, чем тело доставили к вам, это не означает чего-то зловещего, но это означает, конечно, что данные факты не попали в поле зрения комиссии Уоррена, а должны были попасть.

Хьюомс молчал, тогда Лифтон добавил:

— Я думаю, это минимальное заявление, которое вы можете сделать, если случилась такая вещь.

И в этом месте, как показывает магнитофонная запись разговора, сделанная Лифтоном, Хьюомс мягко прервал его:

— Я, конечно, полагаю, что это не должно было пройти мимо их внимания.

— Понимаю,—проговорил с замиранием сердца Лифтон. Но Хьюомс не дал ему договорить:

— Хотелось бы знать — кто? Кем это было сделано? И когда? И где?

Лифтон не верил своим ушам. «Правильно»,—вставил он. И затем, повторив «правильно, правильно», заметил:

— И, конечно, если вы думали, что это было сделано, разве не упомянули бы вы об этом в комиссии Уоррена?

— Хотел бы надеяться, что да.

Итак, Хьюомс иносказательно подкреплял предположение Лифтона, что не он производил тайную операцию, что Хьюомсу также хотелось знать, кто же, где

и когда успел ее выполнить до начала официального вскрытия. В заключение, однако, Хьюомс вдруг посоветовал молодому следователю заняться какой-то другой проблемой, имеющей отношение к убийству Кеннеди и оставить это «нелепое дело». Похоже, что Хьюомс действительно не знал многих подробностей закулисного сговора. В то время Хьюомс с нетерпением ожидал очередного чина и, будучи карьеристом до мозга костей, как о нем отзывались его сослуживцы, он мог пойти на сделку со своей совестью, закрыв глаза на то, что мертвое тело президента было передано ему уже не в «первозданном» виде.

Кеннеди был капитаном боевого торпедного катера в годы второй мировой войны, отличился в сражениях с японцами на Тихом океане. С тех пор он всю жизнь считал себя военным моряком, гордился военно-морским флотом Америки и уважал тех, кто на нем служит. А ВМС гордились тем, что их бывший капитан стал президентом США. И поэтому Хьюомс, не «поднявший шума» в тот момент, стал тоже соучастником сговора против своего флотского, против главно-командующего вооруженными силами страны, против президента. Мы еще вернемся ниже к Хьюомсу, а пока отметим, что он был не единственным, кто, если можно так выразиться, прибегал к полунамекам, обсуждая закулисную сторону событий в Бетесде.

В разговоре по телефону с Лифтоном агент ФБР Сайберт, ссылаясь на установки, существующие в его ведомстве, отказывался отвечать на какие-либо вопросы, связанные с докладной, которую он составил с О'Нейлом. «Все, что надо, в ней сказано», — парировал он вопросы. Но дважды многозначительно повторил: «То, что написано пером, не вырубишь топором». Совершенно недвусмысленно он дал таким образом понять, что это относится и к словам о хирургической операции на голове, и к словам об отсутствии сквозной раны в теле.

Из рассекреченных в 1978 году документов ФБР известно, что Сайберта в 1966 году несколько раз просили объяснить появление в докладной записке слов о «хирургической операции в районе головы». В заявлении инспектору управления общих расследований ФБР Сайберт указал, что все данные, касающиеся трупа президента, приводились в докладной записке со

слов главного патологоанатома Хьюмса и его ассистентов. Затем уже Сайберт и О'Нейл повторили это в письменном объяснении на имя помощника директора ФБР. Агенты ФБР подчеркивали, что они не пользовались «отсебятиной, слухами, ересью или наговором».

Когда наступило время СКРУ заняться этим вопросом, то она подошла к нему явно без особого желания выяснить все обстоятельства дела. Лифтон надеялся, что Сайберт и О'Нейл будут вызваны на слушания и будут отвечать на вопросы под присягой. Вместо этого один из сотрудников СКРУ связался в октябре 1978 года с Сайбертом по телефону и получил от него опровержение, о чем и сообщается в одном из томов-приложений к докладу специальной комиссии: «Сайберт признал, что заявление о хирургической операции на голове президента было неточным. Это было определено в процессе длительного обследования трупа».

Лифтон не верит в правдивость опровержения Сайберта. Зачем ему нужно было ждать 12 лет? Почему в 1966 году он не внес столь важной корректизы в свои объяснения начальству ФБР? Наконец, если свою докладную о вскрытии трупа Сайберт и О'Нейл сдали 26 ноября 1963 года, то почему они не сделали сразу столь существенной оговорки, что детальное обследование трупа не выявило никакой хирургической операции на голове? «Сайберта загнали в угол,— пишет Лифтон,— он изменил формулировку докладной, но все же агент ФБР продолжает настаивать, что в начале вскрытия было высказано мнение о какой-то операции в черепно-мозговой области».

На основе тщательного анализа заявлений и докладных Сайберта и О'Нейла независимые следователи приходят к мнению, что агенты ФБР были свидетелями того неофициального обследования мертвого тела президента, которое признают одни и отрицают другие, присутствовавшие в тот вечер в бетесдовском госпитале. В своих показаниях в комиссии Уоррена Сайберт и О'Нейл дали точное время—19 час. 17 мин.—начало «подготовки к вскрытию трупа». 26 ноября 1963 года, помимо основной докладной записки о вскрытии, Сайберт и О'Нейл представили меморандум начальному балтиморского отделения ФБР, в котором говорилось: «После доставки тела президента в медицинский центр

ВМС в Бетесде началась подготовка тела к обследованию и вскрытию...» Помощник прозектора О'Коннор, которому не было известно об этих заявлениях, со своей стороны, поясняет, что «обычная подготовка к вскрытию, когда раскладывались секционные ножницы, скальпели, пилы, проходила в тот период, когда тело президента было вынуто из резинового мешка».

По различным данным, в 19 час. 17 мин. бронзовый гроб, который Сайберт и О'Нейл сопровождали из аэродрома Эндрюс в госпиталь ВМС, был все еще пуст и находился где-то за пределами морга. Агенты ФБР покинули бронзовый гроб примерно в 19 часов и прошли в морг. Какое-то время их не пускали в секционный зал, но вот они проходят туда и видят «подготовку тела к обследованию и вскрытию». Независимые следователи предполагают, что Сайберт и О'Нейл застали там «жестянку», что именно в те минуты патологоанатомы, прежде всего Хьюомс, сказали им о хирургической операции в районе головы. Разрабатывая свою гипотезу, что агенты ФБР были в курсе закулисных дел в бетесдовском госпитале, Лифтон обратил внимание на одну фразу в их докладной о вскрытии. В ней говорилось, что на довольно продолжительное время в секционном зале гасился свет для проведения рентгеновских съемок. В тот период всех просили покинуть помещение. Как полагает Лифтон, в тот момент труп и «жестянку» вынесли из секционного зала.

По документам командования Вашингтонского военного округа, члены военного эскорта внесли бронзовый далласский гроб с телом президента в секционный зал только в 20 часов. Фиксируя этот факт в докладной, Сайберт и О'Нейл, как помнит читатель, сочли своим долгом указать, что «тело президента было вынуто из гроба, в котором оно было доставлено». Речь идет именно о второй доставке трупа, так как, по словам агентов ФБР, он был обернут в простыню.

Одним из зрымых элементов второго заговора, можно сказать его мрачным символом, стала загадочная «жестянка». Она как бы олицетворяет те ухищрения в отношении «лучшего свидетельства», которые позволили себе неизвестные лица в госпитале Уолтера

Рида или каком-то другом месте и присоединившиеся к ним в молчаливом створе агенты секретной службы, ФБР и некоторые представители военного медицинского персонала.

Каковы точные цели первого, «неофициального», или предварительного, знакомства Хьюмса и Босуэлла (Финк прибыл позднее) с объектом их патологоанатомического исследования? Ответа на данный вопрос никто пока не дал. Просочившаяся информация носит отрывочный характер. После прибытия трупа в «жестянке» он был осмотрен Хьюмсом и Босуэллом. Кастер, Рид, Стингер делали фотографические и рентгеновские снимки. О'Коннор зафиксировал для себя отсутствие мозга в черепе. В секционном зале вспыхнула резкая перепалка по какому-то неизвестному поводу, люди в штатском «орали» на военных патологоанатомов. Вот, пожалуй, и все, что мы знаем о загадочных событиях, которые предварили вскрытие трупа президента. Долгие годы они были окутаны плотной и непроницаемой завесой неизвестности. Ныне завеса начинает понемногу подниматься.

«РЫСКАЮЩАЯ ПУЛЯ»

По данным Хьюмса, Сайберта и О'Нейла, вскрытие трупа началось примерно в 20 час. 15 мин.

Из показаний патологоанатома Босуэлла о вскрытии на заседании СКРУ в сентябре 1977 года: «Вначале адмирал Беркли сказал, что они (видимо, имеется в виду далласская полиция.—Прим. авт.) схватили Ос瓦льда и что им нужна была пуля, чтобы возбудить против него дело. Первое, что нам было приказано сделать,—это найти пулю. Изучив рентгенограммы, мы поняли, что это было невозможно. В теле были осколки, но не пуля. Эту информацию обсудили Хьюмс и адмирал Беркли. Тогда Беркли дал разрешение произвести полное вскрытие, что мы и сделали».

Из меморандума агентов ФБР Сайберта и О'Нейла от 26 ноября 1963 года: «Доктор Хьюмс заявил в начале вскрытия, что, по его мнению, пуля все еще находилась в теле президента и могла быть извлечена лишь в результате полного вскрытия, которое он предложил сделать. Адмирал Гэллоуэй разрешил ему это».

Не будем придираться к расхождению о том, кто давал разрешение о полном вскрытии—адмирал Беркли или адмирал Гэллоуэй. (Жаклин Кеннеди просила сделать «легкое» или «неполное» вскрытие. Ей обещали это. Предполагалось, что вскрытие будет коротким и не займет более одного—полутура часов.) Важнее определенное противоречие в двух заявлениях относительно пули. Если рентгеновские снимки показали ее отсутствие в теле президента (Босуэлл), то почему же Хьюмс до принятия решения о полном вскрытии придерживался мнения, что пуля все еще находилась в теле покойного (Сайберт и О'Нейл)?

Так или иначе, но, согласно официальным данным, никакой пули из тела президента извлечено не было.

Единственная пуля в далласском преступлении была найдена в Парклэндском госпитале на носилках.

Но есть подозрения, что одна пуля была все же извлечена из трупа. Вот уже почти двадцать лет ведет частное расследование преступления века юрист Гарольд Уэйсберг. Он живет в том же городке близ Балтимора, где служили Сайберт и О'Нейл. Уэйсберг принадлежит к числу серьезных независимых следователей, объекты его изучения — секретная служба, ФБР и ЦРУ. Осенью 1981 года на пресс-конференции в Вашингтоне он утверждал, что ФБР располагает пулой, вынутой во время вскрытия из тела президента. По словам Уэйсберга, ФБР уничтожило взятые для анализа пробы металла этой пули.

Во время вскрытия или сразу же после него агенты ФБР Сайберт и О'Нейл составили расписку, которую они датировали 22 ноября, и вручили начальнику национальный академии ВМС капитану Стоуверу: «На настоящим документом подтверждаем получение разящего снаряда (*missile*), удаленного (*removed*) капитаном Джеймсом Хьюмсом в датированный день». Судя по всему, расписка перешла к адмиралу Беркли, который 26 ноября вместе с другими документами вскрытия сдал ее начальнику исследовательского отдела секретной службы Роберту Боуку. Последний составил общую расписку на все полученные документы, обозначив процитированную расписку Сайберта и О'Нейла как «расписку от ФБР на разящий снаряд, извлеченный (*recovered*) во время осмотра тела». На вопросы Лифтона, что за «разящий снаряд»* был удален или извлечен Хьюмсом, ФБР отвечает, что речь шла о двух маленьких осколках, которые были удалены Хьюмсом с поверхности разрушенной коры головного мозга при осмотре. Лифтон не верит в подобное объяснение: он опирается на пунктуальность Сайберта и О'Нейла, которые не преминули бы написать в расписке, что речь шла о двух маленьких осколках. Нет, судя по всему, вообще никакой расписки на эти осколки, так как ФБР отказывается показать таковую.

Интересную гипотезу о возможности того, что в теле находилась пуля, высказал далласский врач Кемп

* В некоторых документах ФБР и далласской полиции, в статьях независимых исследователей термины «пуля» и «разящий снаряд» используются как синонимы. (Прим. авт.)

Кларк, участвовавший в попытках спасти жизнь президента в Парклэндском госпитале. По мнению Кларка, пуля вошла в горло президента спереди, «поворнула вниз и, застряв в его груди, не вышла». Собственно говоря, эту точку зрения разделяют и некоторые коллеги Кларка, видевшие рану на горле. Упоминавшийся выше доктор Перри сказал об этой ране следующее: «...пуля ударила его спереди, когда президент сидел лицом к стрелявшему». Доктор Роберт Мак-Келанд заявил, что у раны на горле был «вид обычной входной пулевой раны». Доктор Чарльз Карико назвал ее «маленькой входной раной». Далласский доктор Дж. Эйкин высказал свое особое мнение, что эту входную рану под кадыком оставила пуля, выпущенная с близкого расстояния из пистолета. Доктор Рональд Джонс описал ее как «маленькое отверстие в передней части шеи, которое можно охарактеризовать как входную пулевую рану». Военные же врачи доказывали, что рана в горле была выходной*.

Но если правы далласские врачи и если на спине, как утверждает официальный протокол о вскрытии, нет выходных ран, то пуля действительно могла «засесть» где-то в теле. И не ее ли хотел искать Хьюомс, предпринимая полное вскрытие?

Имеется интересное свидетельство: несмотря на то что Хьюомс не нашел целой пули, тем не менее поиски его не были совершенно безрезультатными.

Еще в интервью «Ньюс сан» флотский унтер-офицер первого класса Дэвид сообщил, что после вскрытия трупа Кеннеди по указанию секретной службы он подготовил машинописный отчет о том, что видел и слышал в секционном зале и морге. Ему объясняли, что это делается для создания как можно более полного «официального описания вскрытия». Из трупа Кенне-

* Вопрос, была ли рана в горле входной или выходной, мог возникнуть лишь в результате того, что данная рана не была исследована в ее «первозданном» виде. При судебно-медицинском исследовании сквозного пулевого ранения довольно просто отличить входное отверстие от выходного, если даже их размеры будут одинаковыми. У входного отверстия всегда есть кольцо осаднения — это оставленная пулей узкая ссадина кожи, окаймляющая отверстие. Обе раны фотографируются, и отпечатки в увеличенном виде сравниваются. Кроме того, обязательным считается рассечение в продольном направлении пулевого канала, которое практически исключает возможность ошибки. (Прим. авт.)

ди, написал Дэвид, были извлечены «четыре больших кусочка металла». Они имели «зазубренные края подобно шрапNELи». Если сложить все четыре осколка вместе, то их было больше, чем на одну, но меньше, чем на две пули. Дэвид был в недоумении, поскольку его отчет, предназначавшийся для «официального описания», не заинтересовал ни комиссию Уоррена, ни другие органы и не увидел света. Четыре кусочка металла исчезли, как призраки, патологоанатомы, делавшие вскрытие, утверждают, что таковых вообще не было. Но принимать на веру их слова — штука рискованная, как убедится вскоре читатель.

Несмотря на строжайшие предупреждения, один из патологоанатомов проговорился о странном эпизоде в секционном зале бетесдовского госпиталя, проливающем свет на обстановку происходившего там вскрытия. 24 февраля 1967 года подполковник Финк давал показания в Новом Орлеане на процессе по делу Клея Шоу, обвиненного окружным прокурором Гаррисоном в заговоре с целью убийства президента Кеннеди. Одному из авторов довелось присутствовать на процессе, вызвавшем огромный резонанс не только в США, но и во всем мире. Приведем отрывки из стенограммы судебного заседания, в ходе которого заместитель окружного прокурора Элвин Осер допрашивал Финка.

Осер: Вы были соавтором заключения о вскрытии, не правда ли, доктор?

Финк: Минуточку. Я был вызван в качестве консультанта с целью осмотреть раны; это не означало, что я руководил «шоу» (show — спектакль. — Прим. авт.).

Осер: Руководил «шоу» доктор Хьюмс?

Финк: Я слышал, как доктор Хьюмс задал вслух вопрос: «Кто здесь главный?» И я услышал, как армейский генерал — я не помню его фамилии — заявил: «Я главный». Вы должны понять, что в тех обстоятельствах там были представители правопорядка, военные разных рангов и нам необходимо было координировать операцию согласно приказам.

Осер: Но вы были одним из трех профессиональных патологоанатомов, стоявших у анатомического стола?

Финк: Да.

Осер: Был ли армейский генерал профессиональным патологоанатомом?

Финк: Нет.

Осер: Был ли он медиком?

Финк: Нет, по моим данным, не был.

Прервем этот диалог и посмотрим на его продолжение на следующий день, 25 февраля.

Осер: Не вспомнили ли вы фамилию армейского генерала, который, по вашим словам, приказал доктору Хьюмсу не обсуждать ни с кем заключения о вскрытии.

Финк: Это был не генерал, а адмирал.

Осер: Как была фамилия адмирала?

Финк: Который предупредил, чтобы мы не обсуждали результатов вскрытия?

Осер: Да.

Финк: Это был адмирал Кенни*, там было несколько адмиралов, осуществлявших руководство.

Нужно заметить, что это был единственный случай, когда патологоанатом, участвовавший во вскрытии покойного президента, подвергся нелицеприятному допросу за всю 20-летнюю историю преступления века. Не исключено, что после первого дня его показаний Финк получил хорошенькую взбучку из Вашингтона за то, что он раскрыл сам факт присутствия в секционном зале армейского генерала. Окажись Хьюмс и Босуэлл, как и Финк, в качестве свидетелей на суде и перед такими представителями обвинения, которые в отличие от комиссии Уоррена стремились бы установить объективные факты, а не замазать истину, то им пришлось бы также нелегко.

Заместителю окружного прокурора Осеру удалось вытянуть из Финка крайне важное свидетельство относительно обследования патологоанатомами пулевой раны, произведенной «рыскающей пулей», как официально назвали пулю, найденную на носилках в Парклэндском госпитале. По словам Финка, он установил сквозной характер раны путем обследования входного отверстия в верхней части спины и выходного — в горле. Он повторял, что этого было достаточно и что не было необходимости производить рассечение всего пулевого канала. Однако Финк прекрасно знал всю спорность такого суждения, знал, что

* Адмирал Эдвард Кенни — главный хирург ВМС США. (Прим. авт.)

для американских патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов, которые хорошо помнили, как Хьюмсу, по его словам, эта рана казалась несквозной, решение не производить рассечение будет выглядеть крайне странным. И поэтому Финк сделал еще одно существенное признание. Восемь раз Осер ставил в упор вопрос, почему не производилось рассечение пулевого канала. Финк юлил. Наконец вопрос — в девятый раз — с обращением к судье заставить Финка отвечать.

Осер: Ваша честь! Я просил бы, Ваша честь, приказать свидетелю ответить на мой вопрос. Обращаюсь к свидетелю: почему вы не произвели рассечение пулевого канала? Почему?

Финк: Насколько я помню, мне было сказано не производить рассечение, но кем, этого я не помню.

Осер: Мог это быть один из адмиралов или один из генералов, находившихся в секционном зале?

Финк: Я не припоминаю.

Человеческая память, конечно, несовершена. Оставим забывчивость Финка и его коллег на их совести, но дело даже не в этом. Светили американской патологической анатомии и судебной медицины охарактеризовали как непростительную профессиональную ошибку решение бетесдовских медиков, чем бы оно ни мотивировалось, воздержаться от рассечения пулевого канала. Суммируя их высказывания, независимый расследователь Томпсон писал еще в 1967 году в книге «Шесть секунд в Далласе»: «Эту рану обследовали пальцами и металлическими зондами, но ее не рассекали. Но в этом суть проблемы, которую не может пояснить никакое количество рентгеновских и фотоснимков. Среди специалистов судебной медицины известно, что единственное максимально достоверное средство проследить след пули — это произвести рассечение ткани на пути пули. Такое рассечение — дело тяжелое, утомительное и требующее тщательности. Но без него характер раны на спине президента навсегда останется под вопросом».

Да, одна «рыскающая пуля» наставила немало вопросительных знаков. И вернуться к ним стоит хотя бы для того, чтобы представить себе, как грубо и бесцеремонно управлялись с фактами и здравым смыслом участники второго заговора.

В ночь с 22 на 23 ноября из штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне в далласское отделение ФБР ушла телеграмма, гласившая, что на спине президента обнаружено «неглубокое отверстие без выхода» и, «по мнению патологоанатомов национального медицинского центра ВМС, пуля, проделавшая это отверстие, вышла сама из спины жертвы во время закрытого массажа сердца в Далласе до отправки трупа в Вашингтон». Данная телеграмма была составлена на основе донесений Сайбера и О'Нейла. Напомним, что ни один из далласских врачей вообще не заметил этого «неглубокого отверстия» на спине. Лифтон полагает, что оно могло быть «добавлено» на отрезке между Парклэндским госпиталем и Бетесдой. Но каково бы ни было предположение Лифтона, в то время события разворачивались следующим образом.

Версия о несквозной ране прошла в четырехтомный доклад ФБР от 9 декабря 1963 года и в дополнение к нему, датированное 13 января 1964 года. Как отмечалось выше, сотрудники комиссии Уоррена в течение зимы и весны 1964 года продолжали блуждать в поисках относительно характера ран на спине и в горле. Иными словами, сквозной раны все еще не было.

Что за парадоксы, скажет читатель. Ведь достаточно вспомнить, как «безошибочно», без рассечения пулового канала, сквозной характер раны был установлен подполковником Финком еще 22 ноября!

Во избежание парадоксов было найдено, вернее сотворено, разъяснение. Чтобы оно звучало правдоподобно, потребовалась изрядная изобретательность, ибо надо было свести концы с концами: сделать рану сквозной и объяснить прежние суждения о несквозном ее характере.

Лифтон установил, что доктора Хьюмса навещал в Бетесде юрисконсульт комиссии Уоррена Арлен Спектер. И вот в марте 1964 года Спектер уже официально ведет допрос Хьюмса и его коллег. Сценарий и его исполнение были бесподобны.

Спектер: Пытались ли вы во время обследования мертвого президента зондировать отверстие пальцем?

Хьюмс: Да, сэр, я пытался.

Спектер: И в это или примерно в это время, когда вы пытались установить, была ли какая-нибудь пуля в теле президента, не сообщил ли вам кто-нибудь из

секретной службы, что пуля была найдена на носилках в Парклэндском госпитале?

Хьюомс: Да, сэр, они привлекли мое внимание к этому.

Спектер: И на том отрезке вашего обследования, когда вы узнали о только что найденной на носилках пуле, не осенила ли вас какая-нибудь предварительная теория (великолепная подсказка! — *Прим. авт.*), объяснявшая бы точки входа и выхода пули?

Хьюомс: Да, сэр. Мы могли установить с абсолютной уверенностью, что пуля прошла верхушечную часть правого легкого, причинив ему повреждение. У меня не было в тот момент информации от доктора Перри о ране под кадыком. И хотя это было возможным объяснением точки выхода пули, мы также должны были рассмотреть вероятность того, что пуля каким-то необъяснимым образом (?) была остановлена на своем пути в теле президента и затем фактически выпала на носилки.

Американские медики говорят, что бессмысленно полемизировать по поводу этого «объяснения». Но они отвергли другое заявление Хьюомса и его коллег, а именно, что «рыскающая пуля», проходя между двумя большими мышцами, не оставила «никакого канала». Главный судебно-медицинский эксперт Нью-Йорка доктор Милтон Хелперн заявил: «Аксиомой судебно-медицинской экспертизы является то, что пуля, проходя через тело, оставляет различимый канал». Хелперн добавил, что 6,5-миллиметровая пуля, которая, согласно докладу комиссии Уоррена, поразила президента Кеннеди, должна была бы оставить канал диаметром не менее 0,6 мм.

Хьюомс подозревал что-то неладное с раной на спине. На следующее утро после вскрытия он звонил далласскому врачу Перри, который, вспомнив об этом, сказал: «Хьюомс поинтересовался, не мы ли посадили какие-то раны на спине». Да, гипотеза Лифтона о добавлении раны или ран на спине — не такая уж фантастика!

Но последуем дальше за «рыскающей пулей». Итак, она якобы вышла через горло. В секционном зале бетесдовского госпиталя работавший с патологоанатомами врач-рентгенолог Джон Эбераул обратил внимание, что место под кадыком было «аккурат-

но зашито». В беседе с Лифтоном он сказал, что Хьюмс и другие решили, что швы были наложены в Далласе. Однако далласский доктор Кларк категорически отмечает такое предположение, он даже сообщил, что, отправляя труп, они не вынули (!) трахеотомической трубки (трубка для искусственного дыхания), которую они вставили в рану под кадыком, предварительно ее расширив. Независимые следователи высказывают предположение, что заговорщики зашили рану, чтобы скрыть ее от бетесдовских врачей, представив дело так, как будто в Далласе был сделан трахеотомический разрез, зашитый тут же после смерти далласскими врачами. Но план отпал, когда Кларк и его коллеги объяснили предысторию трахеотомии. Не удалось также скрыть дыру в рубашке президента под галстучным узлом, хотя ФБР и секретная служба более месяца держали это в тайне.

Разумеется, Хьюмс и его коллеги ни словом не обмолвились ни в заключении о вскрытии, ни в своих показаниях в комиссии Уоррена и спустя 14 лет в специальной комиссии конгресса (СКРУ) о загадочных швах на шее, которые еще больше «удаляли» рану от ее «первоозданного» вида. Они отказались комментировать и признание доктора Эберсоула, сделанное им в марте 1978 года.

Существует один документ, который усиливает подозрение независимых следователей. Босуэлл во время вскрытия сделал две диаграммы мужского тела спереди и сзади и расставил на них отметки ран с измерениями. На них зритально различимо, что рана на спине была ниже раны на горле, хотя по официальной версии должно было бы быть наоборот, так как стреляли сзади и сверху. Босуэлл оправдывался тем, что рисовал в попыхах и... «ошибся».

«Ошибку» исправили. Рана на спине на рисунке, выполненном медицинским иллюстратором для комиссии Уоррена на основе «памяти» Хьюмса, оказалась «передвинутой» вверх. Причем «передвижка» осуществлялась не один раз. Ее выполняли медицинские художники на иллюстрационных материалах для различных комиссий. Но те, кто руководил ими, не согласовывали в точности местоположение раны в верхней части спины. С большим трудом Лифтон обнаружил эту «разноголосицу».

Калифорнийские журналисты Эдамс и Ньюкоум, а вслед за ними и Лифтон утверждали, что рана была «поднята» на 10 см вверх по приказу начальника национального военно-морского центра в Бетесде адмирала Гэллоуэя, что это и другие изменения в заявлении и показаниях патологоанатомов были санкционированы адмиралом Беркли. «Сколько раз,— подчеркивают Эдамс и Ньюкоум,— было переписано заключение о вскрытии, прежде чем оно стало приемлемым,— неизвестно!»

Но все же и «приемлемое» заключение о вскрытии несет на себе печать упомянутой «ошибки» с местоположением раны на спине. Как она могла вкрасться в документ? Недоглядели?

Посмотрим, как интерпретировала данную ситуацию группа медицинских экспертов, созданная в конце 70-х годов специальной комиссией конгресса по расследованию убийств. Она квалифицировала отметку раны на диаграмме Босуэлла как «грубое изображение... не обязательно точное изображение раны». В равной степени она сочла грубой ошибкой и описание местоположения раны в заключении о вскрытии. Группа медицинских экспертов опиралась в своих выводах на рентгеновские снимки и фотографии тела, которых якобы не имели патологоанатомы при работе над заключением. Группа, однако, встала на защиту «решения» патологоанатомов не производить рассечения пулевого канала от спины до горла, поскольку оно было вызвано «необходимостью работать быстро». Почему-то эксперты не приняли во внимание иную версию, изложенную выше Финком и показывающую, что это было не «их решением», а приказом то ли армейского генерала, то ли адмирала. Тем не менее руководитель группы доктор Майкл Баден заявил, что имевшие место «изъяны» возникли вследствие «...квалификации патологоанатомов... недостаточной документации ран, отсутствия должного сохранения улик и неполного вскрытия». Баден считал также недопустимым то, что во время вскрытия патологоанатомы не обследовали одежду президента.

Эпилогом к истории с «рыскающей пулей» служит ее удивительное попадание в губернатора Коннэли, который сидел на откидном сиденье лимузина перед Кеннеди. Она вошла в спину губернатора, вышла из

его груди, прошла кисть правой руки, проникла в левое бедро, а затем «приземлилась» на носилках в госпитале. Пуля оставила металлические осколки в кисти и в бедренной кости (они не были вынуты), сохранилась почти целехонькой, потеряв в весе лишь одну пятую грамма. Даже Хьюмс и его коллеги, хотя они не обследовали Коннэли, были вынуждены заявить в комиссии Уоррена (как ни тащили из них другой ответ), что они не могут себе представить, как эта пуля уцелела, оставив металл в бедре Коннэли. Баллистические испытания показали, что пули одинакового образца, выпущенные из «манлихер-каркано», пройдя препятствия, равнозначные двум человеческим телам, заметно сплющиваются, деформируются и намного больше теряют в весе.

Доктор Чарльз Грэгори, оказывавший помощь губернатору Коннэли в Парклэндском госпитале, заявил, что пуля, попавшая в Коннэли, «вела себя так, как если бы перед этим она никого даже не задела». Работавший вместе с Грэгори доктор Джордж Шайрес считает, что Коннэли был поражен отдельной пулей. Сам Коннэли выдвигает еще одну важную гипотезу на основе личных ощущений и восприятий (он повернулся к раненному Кеннеди, затем почувствовал удар в спину и потом потерял сознание): раны в его груди, бедре и кисти были произведены разными пульями.

Предоставим слово Сирилу Вехту — главному эксперту судебной медицины аллегенского окружного суда штата Пенсильвания, президенту Американской академии судебно-медицинских наук. В 1972 году Вехт первым из независимых судебно-медицинских экспертов США был допущен к хранившимся в Национальном архиве официальным материалам вскрытия, в том числе к рентгеновским и фотоснимкам трупа Кеннеди. В журнале «Модерн медисин» («Современная медицина») от 27 ноября 1972 года он, в частности, писал: «Предполагается, что та же самая пуля (что ранила Кеннеди. — Прим. авт.) вошла в правую сторону спины губернатора Коннэли, сломав его правое пятое ребро. Она затем вышла из передней части правой стороны его груди и вошла в правое запястье, где раздробила лучевую кость. Наконец, она вышла из запястья и вошла в его левое бедро». Опустим другие интересные места из статьи, воспроизведем здесь лишь следующее:

«Это означает, что пуля, летя справа налево, вошла в правую сторону спины президента и, выйдя из передней средней части шеи, должна была совершить поистине феноменальный трюк: сразу после выхода она должна была сделать довольно резкий угловой поворот в воздухе вокруг узла галстука президента снова вправо, чтобы войти в дальнюю правую сторону спины губернатора Коннэли!»

Диаграмма направления полета пули ясно показывает, что без невозможного поворота она пронзила бы губернатора через левую сторону... Я поражен, что лишь очень немногие люди, даже среди критиков доклада комиссии Уоррена, обращают внимание на этот вопрос».

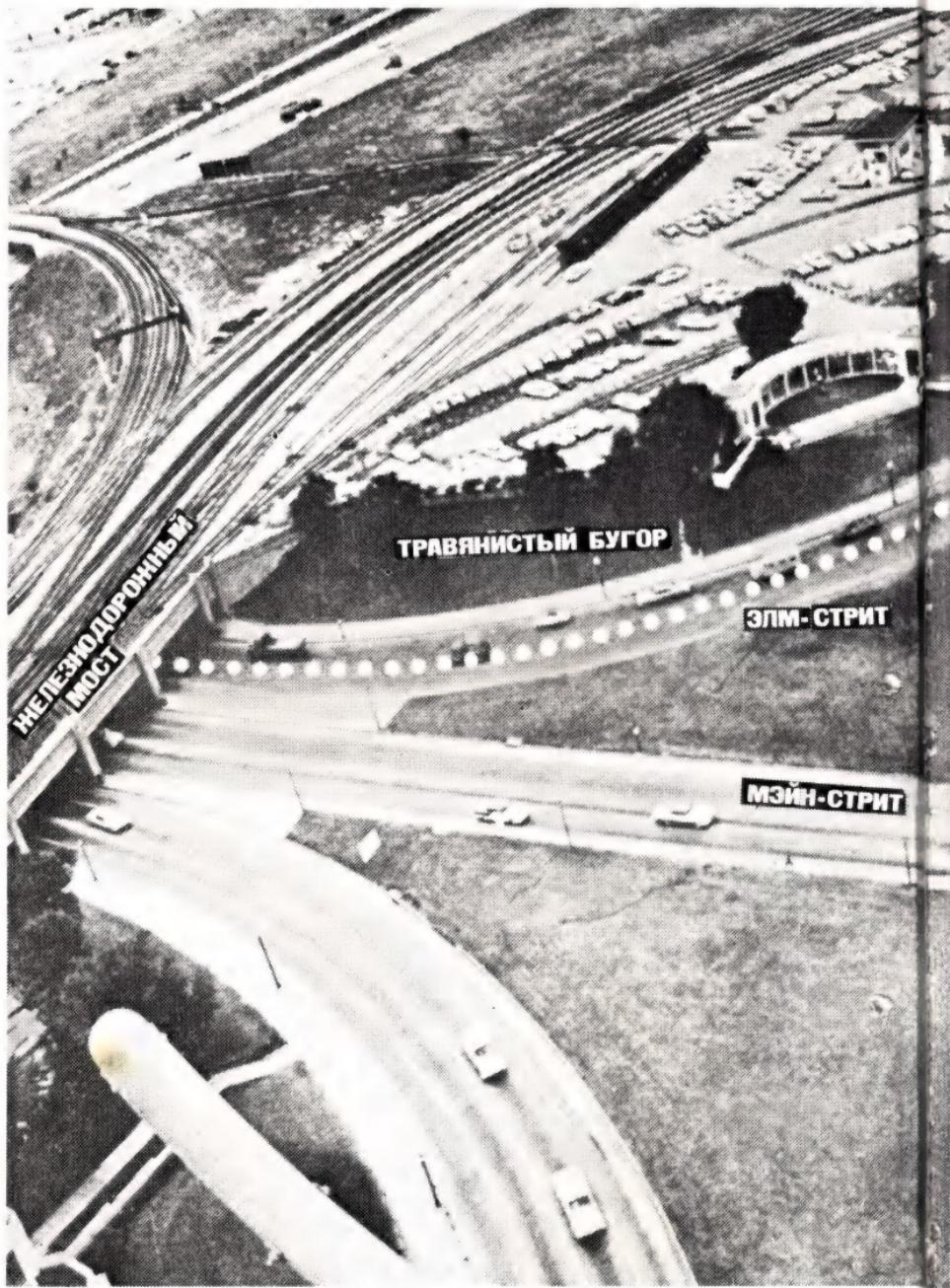
Губернатор Коннэли во время показаний в комиссии Уоррена не согласился с утверждением, что он был ранен той же самой «рыскающей пулей», что и Кеннеди. С этим утверждением, вошедшим в доклад комиссии, не согласились трое из семи членов комиссии—сенаторы Дж. Купер, Р. Рассел и конгрессмен Х. Бодгес.

Первое время мнения о том, что Кеннеди и Коннэли были ранены разными пулями, придерживались секретная служба и ФБР. В меморандуме секретной службы от 28 ноября 1963 года говорилось: «Был произведен выстрел в президента Кеннеди. Немедленно после этого выстрела был произведен в губернатора Коннэли». В докладе ФБР от 9 декабря 1963 года указывалось, что «две пули попали в Кеннеди и одна — в Коннэли». В меморандуме советника комиссии Уоррена Мелвина Эйзенберга (22 апреля 1964 года) указывалось, что два отдельных выстрела поразили Кеннеди и Коннэли. Что же заставило комиссию отказаться от этого факта и выдвинуть теорию, по которой одна пуля якобы пронзила обоих деятелей?

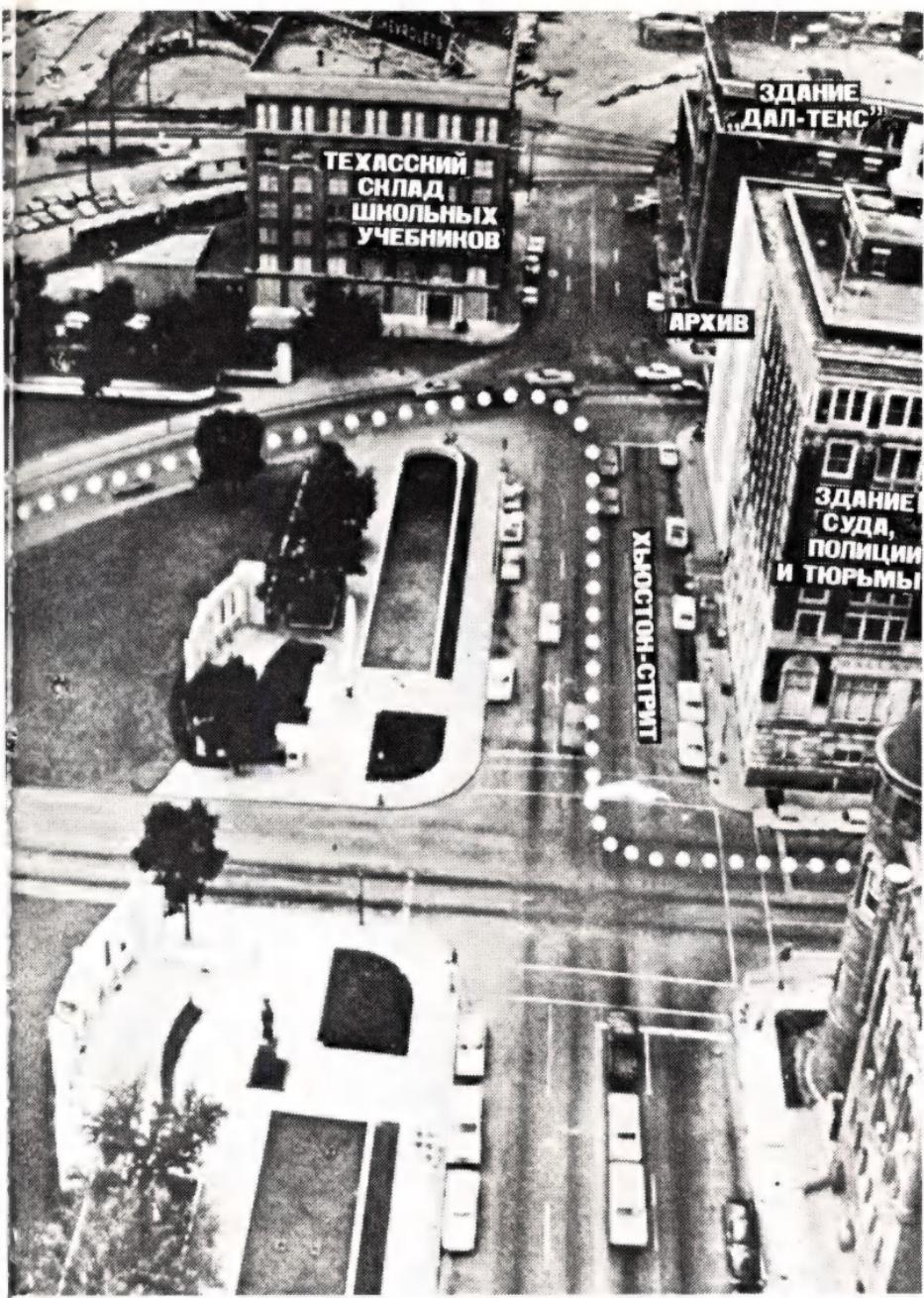
Юрист консультант комиссии Спектер, сообщает профессор М. Куртц, обнаружил на основе анализа фильма Запрудера, что промежуток между первым выстрелом, поразившим Кеннеди, и вторым выстрелом, пришедшимся на Коннэли, был от 0,7 до 1,6 секунды. Однако эксперты по баллистике ФБР сообщили ему, что стрелку, ведущему огонь из «манлихер-каркано», необходимо не менее 2,25 секунды для того, чтобы перезарядить винтовку, прицелиться и выстрелить. И

Джон Кеннеди на одной из пресс-конференций.

Далласская площадь Дили-плаза с «птичьего полета». На снимке видно, насколько безопаснее был первоначальный путь президентского лимузина: не снижая скорости проследовать прямо по Мэйн-

стрит к Дворцу выставок. Пунктирная линия обозначает окончательный маршрут, который привел Джона Кеннеди под перекрестный огонь на Элм-стрит.

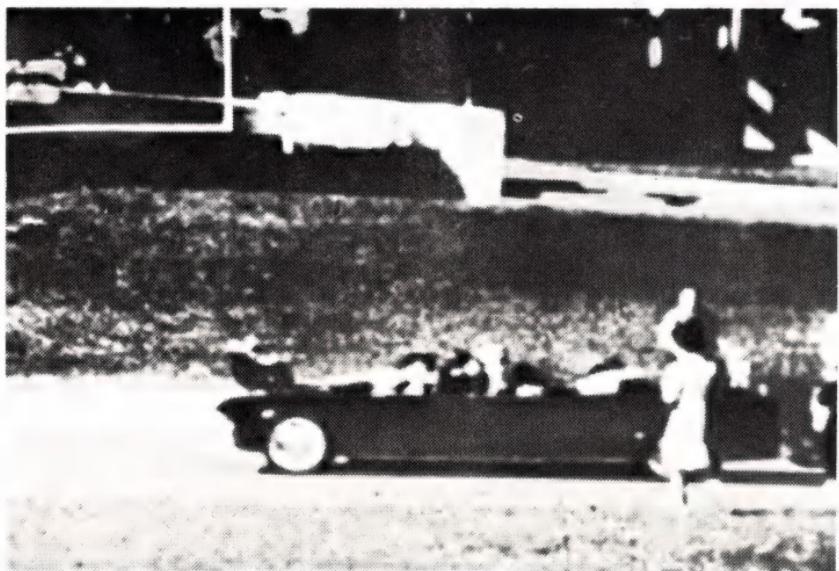
Президентский лимузин на Элм-стрит. На подножках автомобиля агенты секретной службы, за рулем агент секретной службы У. Грир, слева от него начальник Р. Келлерман. Телохранители президента проявили загадочную халатность (см. с. 111—112).

Из крайнего окна (отмечено стрелкой) шестого этажа Техасского склада школьных учебников, согласно докладу комиссии Уоррена, вел огонь Ли Харви Освальд.

Фотоснимок камерой «Полароид» сделан одним из жителей Далласа в тот момент, когда президентский «линкольн», следя по Элм-стрит, проезжает мимо травянистого бугра. В левом верхнем углу, очерченном белыми линиями, как утверждают специалисты в области фотоанализа, за штакетным забором еле различимы голова человека и предмет, напоминающий ствол винтовки.

За этим штакетным забором на травянистом бугре Дили-плаза, согласно вычислениям акустиков, находился человек, стрелявший в президентский лимузин спереди справа (см. с. 27—28).

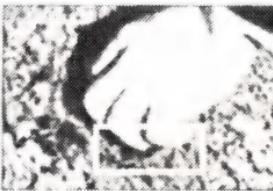
Один из снимков, на которых были запечатлены «бродяги», арестованные после убийства Кеннеди в районе железнодорожных путей близ Дили-плаза и вскоре бесследно исчезнувшие. В «бродягах» подозревают агентов ЦРУ «Дэниэла Л. Карсулла», Фрэнка Стэржиса и Говарда Ханта. Второй «полицейский» (на заднем плане) — неизвестный человек, который не состоял на службе в дallasской полиции (см. с. 165—170).

LAST NOVEMBER TAPPIER published a highly acclaimed *Hiropon Edition* to commemorate the 10th anniversary of President John F. Kennedy's assassination and to examine many of the still unanswered questions pertaining to that heinous crime.

In the months since, hundreds of Americans ranging from ordinary citizens to high government officials have written to urge TAPPIER to continue to explore these *unresolved mysteries in search of answers*.

This is the first of several articles developed through TAPPIER's continuing investigation. Other pieces will follow in the coming weeks.

By JOHN MOULDER and JAMES KERR
Copyright 1976

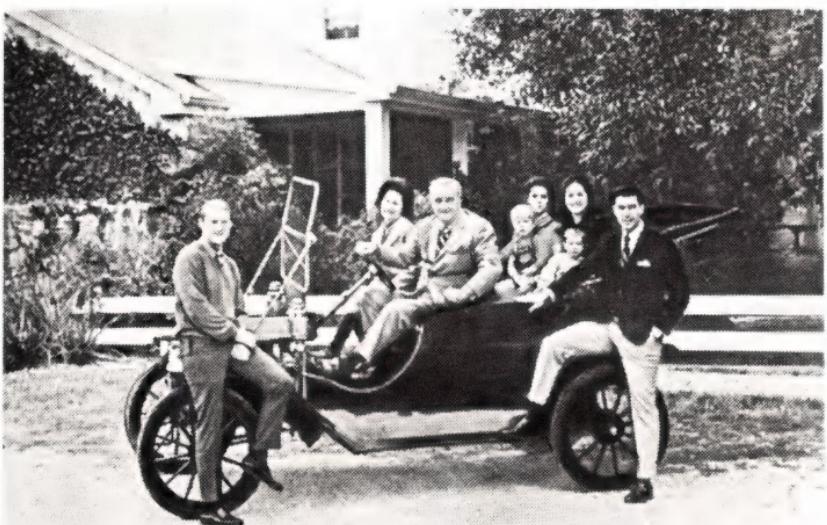

Прошли считанные минуты после убийства Кеннеди. Неизвестное лицо на виду у блюстителей порядка подбирает с травы какой-то предмет. Кто он? Что поднимает? Это остается загадкой для всех независимых расследователей преступления века.

Клан Кеннеди. В центре президент Джон Кеннеди, слева от него стоит Роберт, справа сидит глава клана Джозеф Кеннеди. В первом ряду слева сидят сенатор Эдвард Кеннеди и рядом с ним Жаклин.

Семейство экс-президента Линтона Джонсона на его техасском ранчо.

Борт самолета «BBC-1» в далласском аэропорту Лав Филд. Федеральный судья Сара Хьюз (слева на снимке) приводит к присяге 36-го президента США Линдона Джонсона. Слева от нового президента его жена леди «Берд» Джонсон, справа — Жаклин Кеннеди. В эти минуты, как предполагает независимый следователь Дэвид Лифтон, мертвое тело Джона Кеннеди было вынуто из бронзового гроба (см. с. 61—62).

Пресс-конференция в Парклендском мемориальном госпитале Далласа через час после кончины президента Кеннеди. Доктор Малcolm Перри (крайний справа) характеризует пулевое отверстие в горле как входную рану (см. с. 87). Главный нейрохирург госпиталя Кемп Кларк (стоит слева) оценивает черепно-мозговую рану как тангенциальную (см. с. 103).

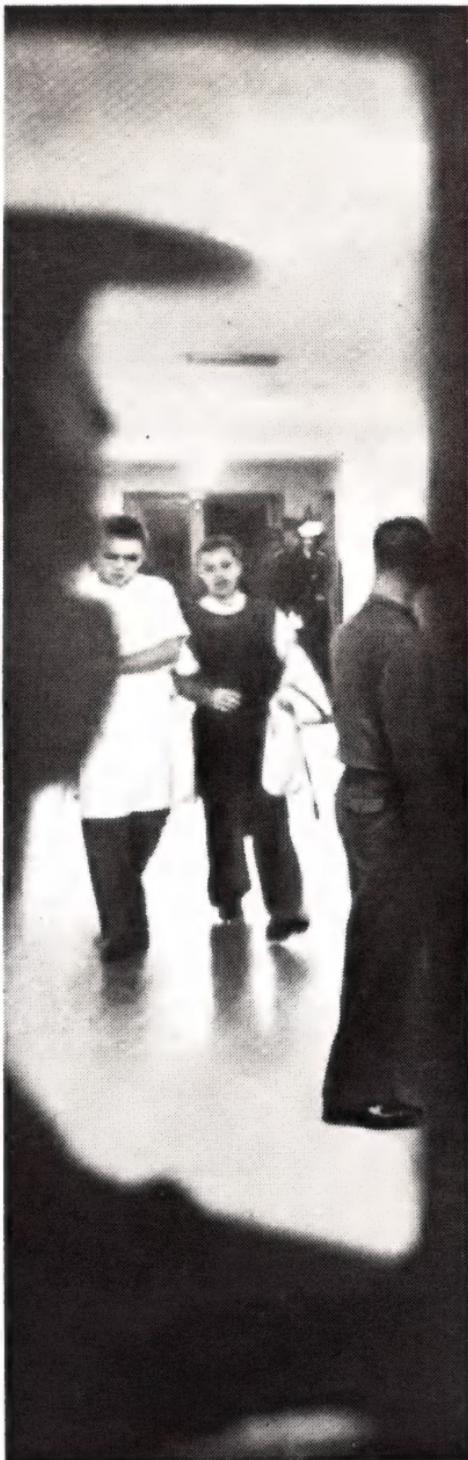
Заместитель пресс-секретаря Белого дома Малcolm Килдаф, официально объявивший в Далласе о смерти президента от ран, показывает журналистам точку, куда угодила роковая пуля (см. с. 102).

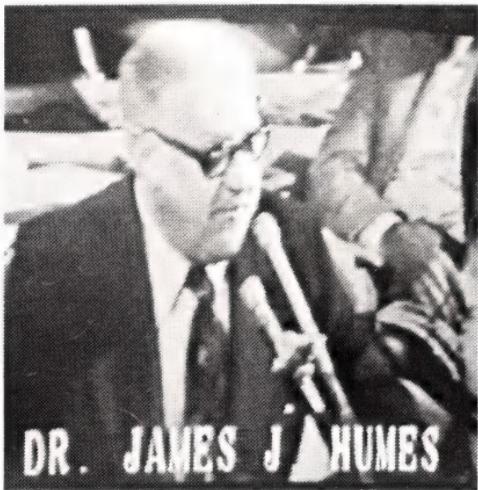

▲
Жаклин Кеннеди садится на аэродроме Эндрюс в серую «карету» скорой помощи ВМС США, в которой, согласно гипотезе независимых расследователей, находился уже пустой даллаский бронзовий гроб. На чулках вдовы президента видны следы крови. За спиной Жаклин готовится занять место в машине Роберт Кеннеди.

Снимки коридора морга бетесдовского госпиталя ВМС США, где произошло посмертное вскрытие тела Кеннеди. Вопреки строжайшим запретам съемку удалось произвести фотокорреспонденту журнала «Лайф» Б. Филипсу. На левом фото в глубине видна каталка, на которой, согласно предположению независимого расследователя Лифтона, везли мозг президента Кеннеди. Было совершено вопиющее нарушение правил судебно-медицинской экспертизы: мозг был первоначально вынут для удаления из него пули или пуль и затем возвращен в череп к началу официального обследования и вскрытия трупа (см. с. 78—79). Правое фото: рентгенотехники Дж. Кастер (в белом халате) и Э. Рид, проводившие съемку во время неофициальной и нигде не зарегистрированной доставки трупа в гробу-«жестянке» (см. с. 39—40).

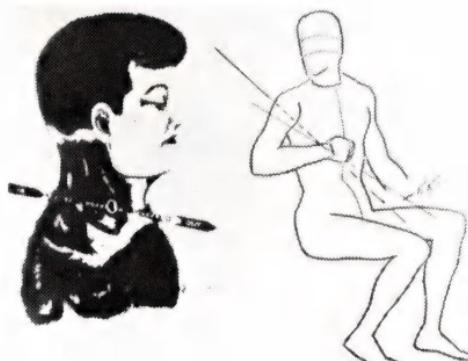

Руководитель вскрытия трупа президента, патологоанатом ВМС США Джеймс Хьюмс во время выступления в 1978 году на заседании специальной комиссии конгресса по расследованию убийств (СКРУ). Снимок сделан с телевизора.

Члены комиссии Уоррена на одном из заседаний. Слева направо: Джеральд Форд, Хейл Боггс, Ричард Рассел и Эрл Уоррен.

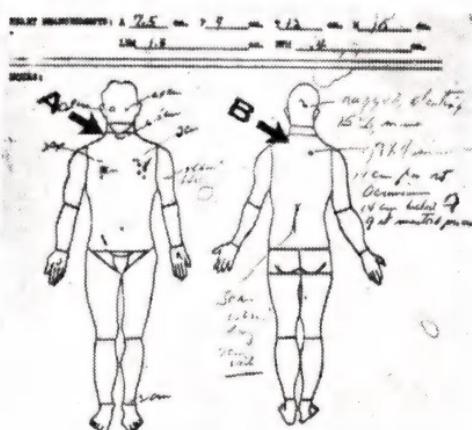

На рисунке слева, выполненном для комиссии Уоррена медиками ВМС США, обозначена траектория одной пули, поразившей Кеннеди. На рисунке справа, подготовленном секретной службой, показана траектория той же пули, проходящей через тело Коннэли. Даже неспециалисту видна полная несовместимость двух траекторий одной пули (см. с. 34—37 и 85—98).

Еще один пример «путаницы и неразберихи» с описанием ран Кеннеди. Это — так называемая диаграмма, сделанная в ходе вскрытия трупа президента патологоанатомом Босуэллом. Стрелкой А на фигуре слева показано место раны в передней части горла. Стрелкой В на фигуре справа обозначена рана на спине, расположенная ниже точки, к которой ведет стрелка А. Впоследствии, однако, рана на спине была «перевинута» на 10 сантиметров вверх, чтобы соответствовать расположению раны в горле (см. с. 93—94).

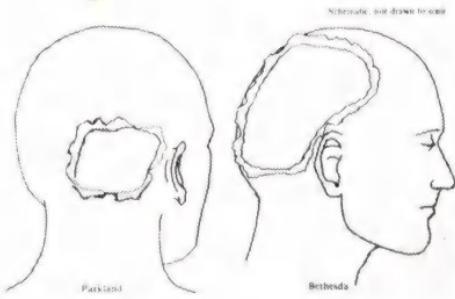
Данный рисунок показывает, как сторонники официальной версии старались совместить две траектории якобы одной пули. «Совмещенная» траектория на этом рисунке проложена доктором Джоном Лэттимором, который первым из неправительственных медиков был допущен к материалам о вскрытии (см. с. 35—36).

Две пули одного образца. Слева — почти целая «рыскающая пуля», которая якобы поразила Кеннеди и Коннэли. Справа — деформированная пуля, простреленная в ходе эксперимента через запястье трупа.

Схематическое изображение двух описаний черепно-мозговой раны Кеннеди. Слева рисунок, выполненный на основе показаний врачей Парклендского мемориального госпиталя, справа — на основе характеристики раны патологоанатомами ВМС США (см. с. 101—102).

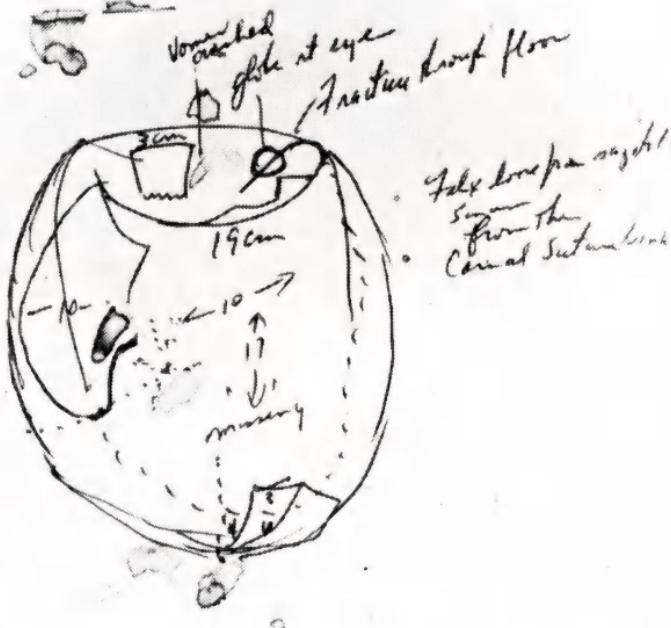
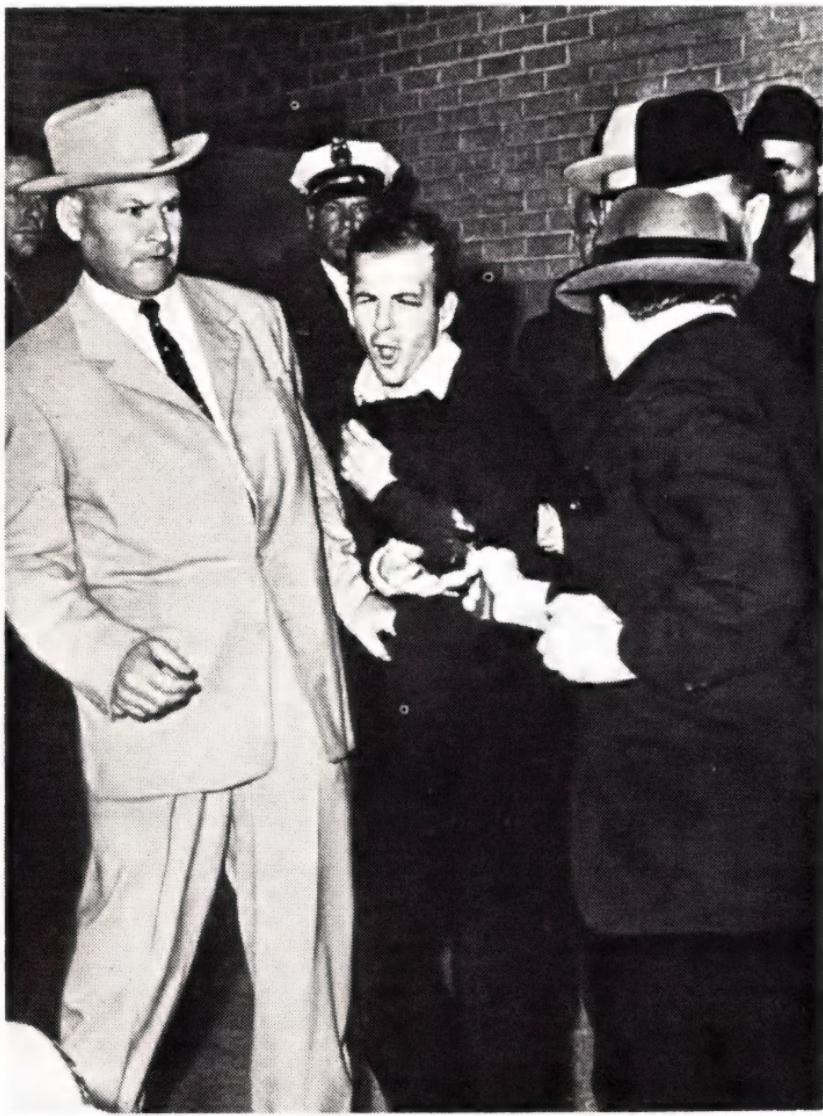

Диаграмма черепа, сделанная в ходе вскрытия патологоанатомом Босуэллом. На левой стороне видны пометки «3 см» и «10», которые могут свидетельствовать о повреждениях левой части черепа, незадокументированных в официальном протоколе о вскрытии. Попытка уйти от обсуждения этой проблемы была предпринята с целью сохранить версию об одной пуле, попавшей в голову президента (см. с. 108 — 109).

Две внешне похожие винтовки: сверху — «маузер», внизу — «манлихер-каркано». Как утверждают даллаские полицейские С. Вейцман и Р. Крейг, на шестом этаже Техасского склада школьных учебников они обнаружили винтовку типа «маузер», которая затем исчезла (см. с. 24).

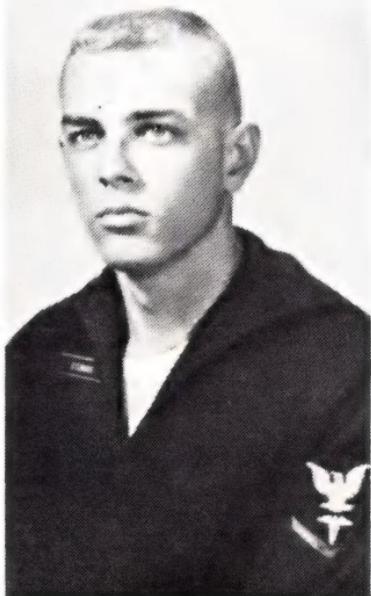
24 ноября 1963 года, подвал дallasского полицейского участка. Джек Руби одним выстрелом выводит из игры Ли Харви Освальда (см. с. 25, 55).

Один из участников провокации ЦРУ против кубинского консульства в Мехико осенью 1963 года. Значится в документах комиссии Уоррена и ФБР как «тайный человек», разыгравший роль Освальда. Никакого сходства с настоящим Освальдом не имел (см. с. 156—160).

939 - 927 к

Помощник прозектора Пол О'Коннор, засвидетельствовавший спустя много лет после вскрытия в Бетесде манипуляции с мозгом убитого Кеннеди (см. с. 74—78).

Независимый расследователь Дэвид Лифтон, выдвинувший гипотезу о фальсификации медицинских данных, относящихся к убийству президента Кеннеди.

Окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон, который в 1967—1969 гг. вел расследование убийства Кеннеди.

Член комиссии Уоррена, бывший директор ЦРУ Аллен Даллес — один из главных архитекторов версии об убийце-одиночке Освальде.

Другой не менее видный создатель версии об отсутствии какого-либо заговора против президента Кеннеди — директор ФБР Эдгар Гувер со своим любимым бульдогом Эдгаром. Босс тайной охранки водил знакомство с представителями преступного мира, которые подозреваются в соучастии в заговоре с целью убийства Кеннеди (см. с. 178).

Босс мафии Нового Орлеана Карлос Марчелло (см. с. 177—178).

Чикагский мафиози Сэм Джанкано (см. с. 175—176).

Гангстер из Лас-Вегаса Джон Розелли
(см. с. 175).

Ги Бэннистер — один из руководителей аппарата ЦРУ в Новом Орлеане (см. с. 184).

Наёмник ЦРУ и подручный босса новоорлеанской мафии Дэвид Ферри (см. с. 177).

тогда выходило, что первые два выстрела сзади были сделаны не одним, а двумя стрелками. Если бы комиссия Уоррена признала это, то разлетелась бы в пух и в прах ее версия об убийце-одиночке Освальде. Поэтому Спектер создал так называемую «теорию одной пули» и в соответствии с этой теорией интерпретировал кадры фильма Запрудера. В результате, подчеркивает Куртц, комиссия Уоррена пришла к одному из самых спорных своих выводов, будто Кеннеди и Коннэли были поражены одной «рыскающей пулей».

Акустические данные, полученные СКРУ при анализе звуковой записи далласской полиции, подтверждают подсчеты, полученные на основе кинофильма Запрудера, а именно: между первым и вторым выстрелами сзади была пауза не более 1,6 секунды. СКРУ сочла, что первая пуля не попала в цель. А второй выстрел, по мнению специальной комиссии по расследованию убийств, совершил то, что ему приписала комиссия Уоррена,—поразил Кеннеди и Коннэли.

Развернутую критику позиции СКРУ в данном вопросе дал профессор Куртц, который провел большую работу по сопоставлению фильма Запрудера с данными акустиков. Во-первых, он ставит под сомнение гипотезу о первом промахе стрелка. У стрелявшего было достаточно времени, чтобы хорошо прицелиться, и он тем не менее не попал. Потом тот же стрелявший через 1,6 секунды, успев лишь перезарядить винтовку и явно не имея времени ни на какое прицеливание, попадает в Кеннеди и Коннэли. СКРУ допускала, что кто-то стрелял из района травянистого бугра, но она считала, что сзади стрелял только один Освальд. «Позиция, занятая СКРУ,— пишет профессор Куртц,— противоречит логике. Если уж СКРУ хотела сохранить в неприкосновенности «теорию одной пули» комиссии Уоррена, то более разумной интерпретацией имеющихся данных можно было бы считать предположение, что в складе учебников находилось два стрелка, из которых один промахнулся, а другой произвел свой знаменитый выстрел».

Профессор Куртц предлагает гипотезу, согласно которой оба стрелка в складе школьных учебников добились попаданий. Стрелявший первым находился на втором этаже склада. (Свидетельница Элен Форрест в своих показаниях утверждала, что она видела челове-

ка с винтовкой в руке в одном из окон второго этажа склада.) Первая пуля попала в спину президента. Хьюомс вначале установил неглубокий характер этой раны, но позднее изменил свое мнение. Удар в спину отбросил Кеннеди вниз, а поэтому второй выстрел пришелся в сидевшего перед президентом Коннэли. Если принять эту гипотезу, то тогда выходит, что по президентскому лимузину стреляло по меньшей мере три человека, если учесть засаду и в районе травянистого бугра.

Подводя итог всему сказанному, нельзя не вспомнить еще раз ряд парадоксальных фактов. Врачи в Парклэндском госпитале не заметили раны на спине. В Бетесде Хьюомс не разглядел рану на горле, увидев на том месте лишь следы трахеотомии; Финк разглядел рану на горле и установил ее выходной характер; на следующий день после консультации с Перри такого же мнения стал придерживаться Хьюомс. И все же в сознании военных патологоанатомов гнездились какие-то сомнения, ибо в протоколе о вскрытии рана под кадыком фигурирует как «предположительно выходная рана», а рана на спине как «предположительно входная рана». Расплывчатости, видимо, можно было избежать, если бы в действия медиков не вмешивались адмиралы и генералы, находившиеся в секционном зале. И если бы после обнаружения спорных и неясных явлений, возникновения сложных проблем секционное исследование было передано высококвалифицированным и опытным судебно-медицинским экспертам.

ПОВОРОТ НА 180 ГРАДУСОВ... В ГОЛОВЕ

Сколько пуль попало в голову президента? Одна, две, три? После изучения официальных отчетов, описаний ран на голове далласскими и бетесдовскими медиками, анализа этих отчетов и описаний американскими независимыми расследователями у авторов сложилось впечатление, что точного числа пуль определить никому так и не удалось.

В голову президента угодила одна-единственная пуля сзади и сверху — так утверждала комиссия Уоррена, а вслед за ней и специальная комиссия по расследованию убийств конгресса (СКРУ). Читаем официальный протокол о вскрытии: «Смертельная пуля вошла в череп поверх и вправо от наружного затылочного бугра. Часть пули прошла сквозь черепную полость в заднепереднем направлении, оставляя на своем пути мельчайшие частицы. Часть пули прошла сквозь теменную кость с правой стороны, увлекая за собой частицы головного мозга, черепа и скальпа. Две черепные раны и сила попадания пули привели к общирному раздроблению черепа».

И сразу же возникают недоуменные вопросы. Главный нейрохирург Парклэндского госпиталя Кларк, как, кстати, все без исключения его далласские коллеги, не заметил поверх и вправо от наружного затылочного бугра входной рваной раны размером 6×15 мм. Какое же объяснение «близорукости» далласцев дает Хьюмс? Ранка была маленькой, а волосы у президента были густые и к тому же они спеклись от крови.

Дело выглядит иначе, если принять во внимание заявление Босуэлла. При обследовании головы покойного он увидел на затылочной кости, по его словам,

«половину дыры». Он не мог сразу установить, что этот костный дефект — результат пулевого ранения. Незадолго до окончания вскрытия перед самой полуночью, вспоминает подполковник Финк, «были доставлены из Далласа три костных фрагмента» — осколки кости. (Рентгенолог доктор Эберсоул утверждает, что эти фрагменты были первоначально вручены ему и произошло это между 24 час. и 1 час. 23 ноября.) «Мы,— говорит Босуэлл,— присоединили один маленький осколок к упоминавшемуся мною костному дефекту на затылке, после чего полуотверстие приобрело вид полной окружности». Итак, была половина отверстия, с помощью осколка кости оно стало «полным» и «пулевым». Именно таким оно зафиксировано на фотографиях и рентгенограммах. Но достоверность превращения «половины дыры» в пулевое входное отверстие проверке не поддается.

По словам Хьюмса и другим документам, процедура вскрытия к 24 часам закончилась. Когда же были сделаны эти фотографии и рентгеновские снимки, если принять во внимание заявление доктора Эберсоула, что осколки костей привезли после полуночи? Лифтон подозревает, что какие-то съемки производились и после полуночи, хотя Кастер, Рид и Стингер были уже отпущены к тому часу.

Происхождение трех осколков кости довольно туманно. Они были доставлены без каких-либо сопроводительных документов и расписок. Поэтому в докладе СКРУ говорится: «Нет никаких данных, кто направил эти осколки в Бетесду». Специальная комиссия, видимо, решила не принимать к сведению такое свидетельство, как телеграмму Сайберта и О'Нейла, отправленную в 2 часа ночи 23 ноября из Бетесды в отделение ФБР в Далласе. В ней суммировались результаты вскрытия и, в частности, упоминался один из осколков: «Осколок кости величиной шесть на десять сантиметров», который был «доставлен в поздний час самолетом из далласского госпиталя». В другом документе Сайберт и О'Нейл сообщают, что Хьюмс «был уведомлен», что этот большой осколок «был удален» из черепа президента. Лифтон предполагает, что это «удаление» кости из черепа Хьюмс мог принять за ту самую «хирургическую операцию в районе головы», о которой он сказал агентам ФБР. Но опять же вопрос: где

производилось «удаление»? В Парклэндском госпитале этого не делали.

На заседания группы медицинских экспертов СКРУ был приглашен известный антрополог. Было произведено детальное сопоставление фотографий и рентгенограмм большого осколка и черепа. Антрополог не взялся подтвердить, что осколок был частью черепа покойного президента Кеннеди.

Во время другого заседания указанной группы медицинские эксперты СКРУ разошлись во мнении с Хьюомсом и Босуэллом относительно расположения входной раны на затылочной части черепа. Эксперты, водя указкой по увеличенной рентгенограмме, относили ее на несколько сантиметров выше, чем военные патологоанатомы, которые настаивали, что отверстие было ниже.

Перейдем теперь к выходной ране, как она представлена в протоколе о вскрытии. В уже процитированном отрывке из этого документа говорилось, что часть пули прошла сквозь теменную кость с правой стороны. Уточняя последствия действия пули, составители протокола сообщают: «С правой стороны скальпа и черепа находится большое неравномерное повреждение главным образом теменной кости, распространяющееся до некоторой степени в височную и затылочную область, в которой фактически отсутствуют части скальпа и кости, образуя повреждение длиной 13 см».

В устных показаниях Хьюомс определил размеры этой раны как 10×13 см, а Босуэлл — 10×17 см. Именно об описанном выше повреждении присутствовавшие на вскрытии говорили как о зияющей ране. «Хьюомс был напуган до смерти в морге при виде открывшихся ему ран президента», — говорит О'Коннор. Нет ничего удивительного в том, что, увидев рану на голове, в которую можно было просунуть две руки, Хьюомс был озадачен: каким образом врачи в Далласе пытались спасти жизнь президента? После такого ранения никаких следов жизни в человеке не могло быть. Поэтому он на следующее утро после вскрытия, продолжая работу над протоколом, позвонил в Даллас доктору Перри и выразил, согласно воспоминаниям последнего, свое недоумение.

Перри тоже был удивлен: когда тело президента покидало Парклэндский мемориальный госпиталь, то

рана на затылке была намного меньше. Доктор Кларк, возглавлявший группу далласских врачей, и его коллега хирург Каико утверждали, что ее размеры были не менее чем 4×5 см и не более 5×7 см. От их показаний отмахнулись. Странно, ведь Кларк был единственным нейрохирургом среди далласских врачей и, согласно всем официальным данным, единственным нейрохирургом, видевшим ранения на черепе президента. Сравнение называемой им величины раны с показаниями Хьюмса и Босуэлла свидетельствует, подчеркивает Лифтон, что кто-то сознательно расширил ее в отрезке времени между обследованиями в Далласе и Бетесде.

Примечательно и другое. Даллаские врачи говорят, что в результате повреждения отсутствовало примерно 30 процентов правого полушария мозга. Доктор Лэттимор, который первым из частных медиков получил доступ к рентгенограммам, утверждает, что отсутствовало примерно 70 процентов правого полушария. И вновь неизбежное подозрение: где-то на отрезке пути между Далласом и Бетесдой уничтожается 40 процентов правого полушария мозга.

Поскольку врачи и другие очевидцы в Далласе могли рассмотреть рану на голове до того, как она непонятным образом увеличилась в несколько раз, их наблюдения и комментарии представляют значительный интерес. Заместитель пресс-секретаря Белого дома Килдаф заявил на пресс-конференции, что выстрел в голову пришелся спереди справа и для вящей убедительности он ткнул себя указательным пальцем правой руки в район правого виска. Сохранился уникальный снимок Килдафа с пальцем у правого виска; заместитель пресс-секретаря говорил со слов далласских врачей и на основе личных наблюдений. Старейшина корреспондентского корпуса при Белом доме, ас шингтонской журналистики Мерриман Смит (агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл), сам заядлый охотник, взглянув на рану и поговорив с врачами в Парклэндском госпитале, передал оттуда — и это было напечатано сотнями американских газет: «Кеннеди был застрелен в правый висок». Кантор телеграфировал для всех газет «Скриппс-Говарда» — «в правый висок».

Шесть далласских врачей, на мнения которых опирались Килдаф и журналисты, дали показания в комиссии Уоррена: пуля вошла в правый висок и вышла

в правой затылочной части черепа. Седьмой врач, главный нейрохирург Парклэндского госпиталя Кларк добавил к этому мнению следующее: «Снаряд вошел в голову и вышел из задней части головы, оставив наружную рваную рану, часть мозговой ткани отсутствовала. Я полагаю, это была тангенциальная*, а не выходная рана».

Поначалу Хьюмс также допускал, что рана была тангенциальной, но затем какие-то соображения заставили его отказаться от своего мнения. Вместе с Босуэллом и Финком он решил не принимать во внимание характеристику раны, данную нейрохирургом Кларком. Они могли позволить себе иную интерпретацию, ибо перед ними была, по сути дела, другая рана — более крупная, более страшная, нежели та, которую наблюдали в Далласе. Вспомним слова калифорнийских журналистов Эдамса и Ньюкоума: после того как были сделаны предполагаемые изменения ран, их характер стал достаточно неясным и двусмысленным, чтобы позволить представить дело так, как будто президент был застрелен выстрелами сзади.

Члены комиссии Уоррена считали ключевым пунктом протокола о вскрытии заключение, что пуля прошла сквозь черепную полость в «заднепереднем направлении», так как оно подтверждало вывод о выстреле сзади. На заседании комиссии Уоррена ее член, бывший директор ЦРУ Даллес спросил у Хьюмса:

— Еще один вопрос. Прав ли я, поняв из ваших слов, что эта рана совершенно не соответствует ране, которая могла быть нанесена, если бы в президента стреляли спереди или сбоку: выстрел должен был быть произведен в президента сзади?

Ловко был смонтирован вопрос бывшим шефом ЦРУ, который впервые после снятия его с поста Джоном Кеннеди в конце 1961 года вышел теперь на политическую авансцену. Однако даже видашего виды Даллеса ждал сюрприз.

— С научной точки зрения, сэр, было невозможно, чтобы пуля была послана откуда-либо, кроме как сзади. Или чтобы она вышла откуда-либо, кроме как сзади.

* При тангенциальной (касательной) ране входное и выходное отверстия находятся очень близко друг к другу по окружности. Ранящий снаряд как бы вырывает участок костной ткани и вещества мозга. (Прим. авт.)

Лифтон, долго думавший над тем, как интерпретировать ответ Хьюмса, говорит, что патологоанатом, по сути дела, сравнивал траекторию пули с маневром автомобилиста, который при виде знака, разрешающего разворот, поворачивает на 180 градусов и едет по той же улице в обратную сторону. Хьюмс явно позволил себе издевку, ответив Даллесу, что пуля вошла сзади в голову, «развернулась» на 180 градусов и вернулась назад, а точнее не вернулась, а исчезла, испарилась. Ни полиция Далласа, ни ФБР не смогли ее якобы найти.

Разворот самого Хьюмса на 180 градусов был своеобразным сигналом, что его заставили поступиться «научным подходом». Этот ответ словно предупреждал Даллеса, что рана на голове содержит немало такой информации, которая может превратиться в «заряженное ружье». Именно так расценил «автодорожный» маневр Хьюмса изучавший его многие годы Лифтон. Независимый следователь задается вопросом: либо Хьюмс не очень искусно лгал, либо же он искусно давал понять, что получил уже деформированный кем-то труп и это наложило отпечаток на его действия. Именно из-за раздиравших его противоречий шел Хьюмс на свои уловки, считает Лифтон.

В показаниях перед самим председателем комиссии Уорреном и сидевшим с ним рядом юристом Спектером, восходящей звездой американской юриспруденции, будущим прокурором Филадельфии, а затем членом сената США, Хьюмс перемежал речь житейскими оборотами и медицинской терминологией на латыни. Так, когда он, по его словам, приступил к осмотру черепа, то от его прикосновения «из затылка посыпались осколки костей»*. Когда же он обследовал мозг, то обнаружил (и здесь он пустил в ход латынь) «ряд стреловидных разрывов», «узкие длинные линейные повреждения». Эти очень аккуратные разрезы про-

* Лифтон опросил нескольких патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов, возможно ли, чтобы «из затылка посыпались осколки костей». На основе анализа описаний раны на затылке, данных дallasскими врачами и бетесдовскими патологоанатомами, они ответили отрицательно. Но Лифтон — человек настойчивый: что скрывается за словами Хьюмса, допытывался он мнения специалистов. Те высказали две версии. Первая — он «пудрил мозги» своим собеседникам в комиссии Уоррена. Вторая — он нес белиберду в силу своей неопытности.

ходили из правого в левое полушарие мозга, которое, кстати, ни по одним официальным данным не было повреждено.

Лифтон засел за учебники анатомии, за книги по нейрохирургии и понял, что именно хотел сказать Хьюомс. Такого рода повреждения не могли быть результатом пули, а могли возникнуть вследствие хирургического вмешательства. Он проверил свою гипотезу у нескольких врачей, в том числе у известного нейрохирурга. Познакомившись с показаниями Хьюомса, они в один голос заявили, что он вел речь о хирургическом — притом довольно грубом — рассечении мозга. Рассечение делалось, предполагает Лифтон, чтобы либо вынуть пулю или пули, либо уничтожить пулевой канал или пулевые каналы.

Проблема разрезов на этом не кончается. Под прямо противоположным углом зрения, если можно так выразиться, рассматривает ее эксперт судебной медицины Вехт, которого мы цитировали выше. В той же статье в журнале «Модерн медисин» он сообщал следующее. Оказывается, две недели спустя после вскрытия трупа Кеннеди трое военных патологоанатомов — Хьюомс, Босуэлл и Финк исследовали вновь мозг Кеннеди, а также сделанные 22 ноября во время вскрытия срезы мозговой ткани для микроскопического анализа.

Вехт в статье критиковал трех патологоанатомов за то, что они не произвели «параллельных разрезов через каждые два сантиметра от одного края мозга к другому, ибо только такое исследование могло выявить пулевой канал или пулевые каналы».

В частности, этим способом можно было выяснить, что представляет собой «темный серо-коричневый объект размером 1,25×2,89 см на цветном снимке мозга Кеннеди». Вехт критикует военных патологоанатомов и комиссию Уоррена за то, что в протоколе о вскрытии и в докладе комиссии не нашлось места для упоминания об этом загадочном «объекте», который, по его словам, мог быть «и осколком пули, и мозговой опухолью, и сосудистым неправильным образованием».

Хьюомс отреагировал на критику Вехта словами, что он не произвел параллельных разрезов, дабы «сохранить мозг». Вехт в новой статье прокомментиро-

вал объяснение Хьюмса так: «Добровольно отказаться от такого исследования значит проявить некомпетентность или глупость, а я не верю, что патологоанатомы допустили то или другое. Я полагаю, что им была дана инструкция не производить полного исследования мозга».

Благой порыв Хьюмса «сохранить мозг» президента для истории в конечном итоге успехом не увенчался.

Вместе с фотографиями и рентгеновскими снимками мозг был отдан семейству Кеннеди. В свою очередь Роберт Кеннеди сдал в 1965 году фотодокументы, рентгеновский материал и мозг в Национальный архив с разрешением открыть к ним доступ специалистов через пять лет. В течение этих пяти лет ключ от сундука, где они хранились, должен был оставаться у доверенного лица Роберта Кеннеди — его личной секретарши Энжи Новелло. Кому-то понадобилось, однако, залезть в сундук ранее пятилетнего срока. 29 октября 1966 года правительству стало известно об исчезновении мозга и слайдов, на которых были запечатлены разрезы ткани в районах ран, однако долгое время этот факт хранился в тайне.

Американская общественность узнала о случившемся от эксперта судебной медицины Вехта лишь в 1972 году, когда на его настойчивые требования предстоять для исследования мозг (Вехт, как мы помним, был первым судебно-медицинским экспертом, допущенным к архивным медицинским материалам), ему было заявлено о «пропаже».

Мозг хранил на себе следы пули или пуль, скрыть которые во что бы то ни стало стремились заговорщики. И уж если они могли расправиться с президентом, то выкрасть сосуд с мозгом из какого-то сундука в Национальном архиве им ничего не стоило. И по удивительному совпадению кража произошла сразу же после того, как заговорщикам стало известно о появлении у Лифтона его гипотезы о втором заговоре.

В отличие от «рыскающей пули», практически полностью сохранившей свой вес и форму, пуля, развернувшаяся, согласно замысловатому объяснению Хьюмса, на 180 градусов в голове, распалась на множество крупных, средних и мелких осколков. Два осколка, составившие 40 процентов веса пули, были найдены в президентском лимузине. Два небольших

осколка (1×3 мм и 2×7 мм) были удалены с поверхности разрушенной коры мозга. Около 40 металлических осколков различной величины остались неизвлечеными в черепно-мозговой полости. Один осколок, согласно докладу комиссии Уоррена, отлетел на 85 метров вперед и влево от лимузина, поцарапал щеку далласского жителя Джеймса Тейга и оставил отметину в бетонной мостовой.

Независимые специалисты по судебной баллистике высказывают несколько соображений по поводу распавшейся пули. Количество и общий вес осколков (оценка веса неизвлеченных осколков велась по рентгенограмме) указывают на попадание в голову президента двух пуль. Выстрел сзади мог быть сделан обычной 6,5-миллиметровой пулей в медной оболочке, какой была «рыскающая пуля». При стрельбе такими пулями из итальянской винтовки типа «манлихер-каркано» раны на голове имеют, как правило, очень «аккуратный» вид — маленькое входное отверстие, чуть больше выходное отверстие (но отнюдь не зияющая рана) и четкий пулевой канал между ними. Тысячи именно таких ран были зафиксированы на итальянском фронте во время второй мировой войны. Согласно предположениям некоторых американских экспертов по огнестрельному оружию и баллистике, в голову президента был произведен еще один выстрел — справа и спереди и на этот раз была использована пуля «дум-дум» (разрывная пуля).

Теорию второго выстрела справа и спереди пропагандируют Лифтон, профессор Куртц, судебно-медицинский эксперт Вехт и многие другие исследователи убийства президента. Один из ведущих американских экспертов в области фотоанализа, инженер-оптик Роберт Гроден около 10 лет под различной степенью увеличения изучал кадр за кадром фильм кинолюбителя Запрудера. Он приходит к мнению, что два заключительных выстрела, прозвучавших на Дили-плаза, пришли в голову Кеннеди. Первый из них сзади: «В этот момент его голова взрывается, он слегка отброшен вперед». И тут же, если не одновременно, выстрел спереди, который с силой бросает президента назад влево. «С такой силой, что она (пуля. — Прим. авт.) приподнимает его с сиденья».

Гроден работал в качестве эксперта специальной

комиссии конгресса по расследованию убийств. Но комиссия не приняла его вывода, что в голову президента попала пуля спереди. После того как акустики, проанализировав далlassкую звукозапись, пришли к заключению, что один из выстрелов был произведен с травянистого бугра, СКРУ поручила одному из членов группы медицинских экспертов врачу-рентгенологу Дэвиду Дэвису выяснить на основе изучения снимков головы покойного президента, насколько повреждения ее верхней правой части соответствуют выстрелу спереди справа. Доктор Дэвис заключил, что именно такой выстрел мог вероятнее всего причинить те повреждения, которые зафиксированы рентгенограммой.

Тем не менее СКРУ приняла решение, что стрелявший с травянистого бугра промахнулся. Расстояние от стрелявшего было менее 40 метров (при выстрелах сзади дистанция равнялась 75—91 метру), скорость «клиникольна» упала до 9 км/час. Но почему-то конгрессмены будто и мысли не допускали о возможности попадания. Они настойчиво ставили перед акустиками вопрос, прошла ли пуля с травянистого бугра перед или за лимузином. Акустики повторяли, что они не могут ответить на этот вопрос, равно как и на вопрос, попала ли эта «сверхзвуковая пуля» в президента.

Для СКРУ признать попадание спереди означало бы опровергнуть выводы бетесдовских патологоанатомов о том, что смерть президента наступила в результате одного-единственного выстрела в голову, произведенного сзади. Но такое опровержение вынудило бы специальную комиссию не ограничиться критикой «изъянов», допущенных при вскрытии, а поставить под сомнение достоверность важных для расследования медицинских данных в том виде, как они были представлены американской общественности комиссией Уоррена.

Мы познакомили читателя с официальными и неофициальными взглядами на возможность стрельбы в голову президента сзади сверху и спереди справа. Но это не все.

Два далласских хирурга, хлопотавших над Кеннеди,— Роберт Мак-Келанд и Марион Джэнкинс— сообщили еще о ране на левом виске. В 16 час. 45 мин. 22 ноября, т. е. по горячим следам преступления, Мак-Келанд напечатал двухстраничный отчет. В нем, в

частности, говорилось: «Причиной смерти явилось тяжелое огнестрельное черепно-мозговое ранение в левой височной области». Когда в комиссии Уоррена в марте 1964 года Мак-Клеланда спросили, «точно ли и правдиво» изложил он свои «знания, информацию и уверенность» о левовисочной ране, тот ответил: «Да, я в этом убежден до конца». Тогда же коллега Мак-Клеланда — далласский хирург Дженкинс заявил юрисконсульту комиссии Уоррена Спектеру: «Я не знаю, правильно это или нет, но я думаю, что была рана в области левого виска, прямо в волосах и прямо над скullовым отростком верхней челюсти». Спектер отпарировал: «Заключение о вскрытии ничего подобного не показало, доктор Дженкинс». Но вот перед Спектером еще один далласский врач Адольф Гизецке: «От макушки головы до левого уха и от линии брови до затылка на левой стороне череп почти полностью отсутствовал...»

В какой-то мере заявление Гизецке подтверждается сохранившимся чертежом черепа, сделанным по ходу вскрытия патологоанатомом Босуэллом. В районе левого глаза нанесен прямоугольник с отметкой «3 см», что, по мнению Мигер, могло свидетельствовать о переломе или отсутствии кости. Вдоль левого края черепа нарисована фигура неправильной формы с цифрой «10». В 1977 году, поясняя на заседании СКРУ данную пометку, Босуэлл сказал, что речь шла о «раздробленной кости длиной в 10 сантиметров, которая отделилась от черепа и была восстановлена на своем месте».

Десятью годами ранее в интервью независимому расследователю Томпсону Босуэлл заявил, что «череп был раздроблен в области не только правого, но и левого полушария». На вопрос, почему это не отмечено в официальном протоколе о вскрытии, Босуэлл ответил так: «До перепечатки на машинке был еще один написанный от руки протокол о вскрытии. Да, я уверен, что был еще протокол, на котором были все измерения». Из этого заявления Босуэлла независимые расследователи делают вывод, что уничтожению подверглись не только заметки, сделанные во время вскрытия Хьюмсом, но и весьма важный вариант протокола о вскрытии с цифровыми данными о ранах, включая повреждения в районе левого полушария.

Докторов Мак-Келанда, Дженкинса и Босуэлла словно бы взял на поруки святой отец, оказавшийся весьма наблюдательным. Священник Оскар Губер, вызванный для причащения умирающего, не скрывал своих впечатлений от журналистов. Агентство Ассошиэйтед Пресс передавало: «Отец Губер смочил в елее большой палец руки и провел им крест на лбу президента, заметив в этот момент «страшную рану» над его левым глазом».

Слева по ходу президентской кавалькады, подчеркивает Лифтон, был травянистый бугор, почти идентичный бугру справа. Но в отличие от правого травянистого бугра, где зрители явственно слышали за спиной звук стреляющего оружия, видели дымок пороха и чувствовали его запах, в районе левого бугра подобных свидетельств зафиксировано не было. Стрелок с бесшумной винтовкой? Или еще один дьявольский призрак, уготавленный главе государства в осином гнезде?

Читатель мог убедиться, что медицинские данные о состоянии головы президента после совершенного на него покушения носят противоречивый характер. По мнению независимых следователей, причина такой разноголосицы заключается не только в сложности ран, но и в их злоумышленном изменении. Версия о единственном выстреле в голову сзади выглядит неубедительной даже в свете показаний главного патологоанатома, который допускает, что рана на затылке могла быть в равной степени как входной, так и выходной.

«Два или даже три убийцы,— пишет Сильвия Мигер,— пустили в ход свое оружие в синхронном перекрестном огне».

«Мурашки бегали по коже,— пишет Дэвид Лифтон,— когда до сознания начала доходить изощренность и мощь обмана, совершившегося при переклейке тела. Хьюмс мог говорить правду (комиссии Уоррена.— Прим. авт.), описывая тем не менее тело, на котором уже не было следов смертельных пуль. Выводы одного из величайших криминальных исследований в истории мира основывались на словах одного человека, объяснявшего, как выглядело тело, по сути, другого человека».

ТЕНИ ПОДОЗРЕНИЯ

Если верно предположение Лифтона и его единомышленников о «перекройке тела», а следовательно, и о существовании второго заговора, то на кого падают тени подозрения? Труп президента, ряд вещественных свидетельств находились в критически важные часы под охраной и наблюдением секретной службы и ВМС. Лифтон прямо не выдвигает против них обвинений в соучастии во втором заговоре, но он разбирает многочисленные эпизоды, в которых действия представителей обоих указанных ведомств носят загадочный, а подчас и просто подозрительный характер. Он анализирует их показания, воспоминания, впечатления, выявляя их спорность и необоснованность.

Агент секретной службы Грир управлял президентским лимузином. Рядом с ним на переднем сиденье находился его коллега Келлерман. Грир заявил под присягой в комиссии Уоррена, что он нажал на акселератор после первого выстрела. Фильм Запрудера и другие кинодокументы опровергают это утверждение, они констатируют, что скорость лимузина не увеличилась, а уменьшилась, упав до 9 км/час. Грир настаивал, что в момент ранения головы президента он смотрел перед собой. Инженер-оптик Гроден возражает: «Кадры фильма Запрудера свидетельствуют, что Грир смотрит прямо (подчеркнуто Гроденом. — Прим. авт.) на голову Джона Кеннеди! Лишь после того как президент был фактически мертв, он начал увеличивать скорость». Опытный и хорошо натренированный агент, каким считался Келлерман, вел себя не менее странно. Он просто сидел, не шелохнувшись и вперив взгляд в переднее ветровое стекло. Независимые следователи считают, что он мог бы успеть накрыть

собой тело президента между первым несмертельным выстрелом в спину и смертельным ранением головы. «Причина их (Грира и Келлермана.—*Прим. авт.*) небрежности и нерадивости,— пишет профессор Куртц,— остается одной из самых интригующих загадок преступления».

Агент секретной службы Глен Беннетт, сопровождавший Кеннеди в Далласе, писал в рапортичке своему начальнику Роули: «Я услышал звук, похожий на фейерверк... Я смотрел на президента в спину, он сидел на правом заднем сиденье. В этот момент я услышал еще один выстрел, напоминавший звук фейерверка, и увидел, что пуля угодила в президента примерно на 4 дюйма (10 см.—*Прим. авт.*) ниже правого плеча». Это был ценный очевидец, ехавший на машине вслед за президентским лимузином. Посылая комиссии Уоррена его рапортичку, написанную от руки, начальник секретной службы Роули сообщал в сопроводительном письме: «Направляем вам фотокопию оригинала рапортички, сделанной специальным агентом Беннеттом... Значение его записей состоит в том, что они были сделаны Беннеттом на борту президентского самолета, когда он возвращался 22 ноября в Вашингтон, еще до того как подробное описание ран президента Кеннеди стало всеобщим достоянием».

Независимые расследователи провели анализ фотографий и кинофильмов, сделанных очевидцами покушения. Что же они установили? Специальный агент Беннетт в течение примерно 10 секунд, пока лимузин подвергался обстрелу, смотрел не в спину президента, а — вправо. Только с помощью такого поистине необычного наблюдения можно было увидеть «угодившую пулю», которая поначалу — по крайней мере с точки зрения далласских врачей — не оставила никакого следа на спине президента. Да, 14 далласских врачей не заметили рану на спине. Эта рана как призрак появилась позднее, судя по всему в тот период, когда как призрак исчезал из черепа мозг президента. Лифтон подозревает, что эта рана была добавлена уже на трупе.

В своих показаниях в комиссии Уоррена Роули заявил, что в госпитале ВМС в Бетесде во время вскрытия присутствовали пять его сотрудников во главе с Келлерманом. Он явно занизил число. Командир

первой партии, прибывшей в госпиталь задолго до вскрытия, сообщил доверительно одному из дежурных по госпиталю, что их будет там не менее 26! Около десяти агентов секретной службы постоянно находились в сравнительно небольшой комнате перед секционным залом. Они регистрировали в свой журнал всех входящих и выходящих с указанием точного времени, целей и т. п. Агенты секретной службы, как мы помним, сопровождали рентгенотехника в другую, башенную, часть госпиталя. Они отбирали для проявления фотоснимки, они — «7—8 битюгов» — вносили гроб-«жестянку». Они выполняли приказы Роули, находившегося в своей канцелярии в так называемом Административном здании, которое расположено на Пенсильвания-авеню по соседству (в сотне шагов) с Белым домом. Это здание считают его «продолжением», так как там имеются кабинеты президента, вице-президента, их помощников и советников. Здесь нам, журналистам, секретная служба оформляла пропуска в Белый дом.

Сюда, в Административное здание, была доставлена в день убийства знаменитая «рыскающая пуля». Согласно официальным данным, агент секретной службы Джонсон привез ее в кармане своего пиджака и вручил Роули в 19 час. 30 мин. В свою очередь, Роули передал ее ФБР и сообщил об этом в 22 часа Келлерману, находившемуся в госпитале ВМС в Бетесде. Впоследствии ни слесарь Томлинсон, ни начальник охраны Парклэндского госпиталя Райт не смогли подтвердить аутентичность пули. Райт даже сказал, что найденная пуля была другой.

Вечером 22 ноября секретная служба доставила на военном реактивном самолете из Далласа в Вашингтон президентский лимузин. Когда лимузин стоял у Парклэндского мемориального госпиталя, несколько человек видели пробоину в переднем ветровом стекле. Среди них был известный вашингтонский журналист Ричард Дудман, далласские полицейские С. Эллис и Х. Фримэн. Когда лимузин был доставлен в гараж Белого дома, его осматривали агенты ФБР. Агент секретной службы Чарльз Тэйлор писал в донесении: «Особое внимание привлекала маленькая дыра слева от центра переднего ветрового стекла». Когда в марте 1964 года секретная служба направила стекло в лабо-

раторио ФБР, никакой дыры в нем не было. Еще ранее Роули писал в комиссию Уоррена, что два его агента (Дэвис и Гейс) обследовали лимузин по прибытии в Вашингтон и нашли стекло целым. Роули предпочел умолчать в своем письме о докладной Тэйлора и сослаться на Дэвиса и Гейса, хотя ничто, указывает Лифтон, не подтверждает факта их присутствия при осмотре лимузина сразу после его доставки в гараж Белого дома.

Секретная служба доставила якобы из Далласа, а точнее из Парклэндского госпиталя, осколки черепных костей. Но далласские врачи отрицают, что у них оставались какие-либо осколки после отправки трупа. Так как какая-либо документация на осколки отсутствовала, специальная комиссия по расследованию убийств отказалась принять как факт утверждение секретной службы, что они были привезены из Далласа. И тогда возникает вопрос: откуда же они появились? И почему так поздно, почти перед самым окончанием вскрытия?

Примерно такие вопросы, видимо, были заданы агентами ФБР Сайбертом и О'Нейлом начальнику отдела секретной службы, несущего охрану Белого дома, Бену. Читатель помнит, что беседа между ними состоялась 27 ноября. Из докладной агентов ФБР явствует, что их интересовало, где и при каких обстоятельствах были найдены осколки костей. Что ответил Бен, неизвестно. Поэтому можно лишь строить догадки, подтвердил он или нет слова, услышанные Сайбертом и О'Нейлом во время вскрытия, что осколки кости поступили из Парклэндского госпиталя. Видимо, подтвердил, а куда ему еще было деваться!

Точно так же следствие не смогло проверить информацию секретной службы, что представленные ею осколки пули были найдены в президентском лимузине: нет фотоснимков осколков в автомобиле, нет их идентификации, как было и с «рыскающей пулей».

В первой половине декабря 1963 года в Даллас прибыли два специальных агента секретной службы, их фамилии неизвестны. Они встречались с каждым из далласских врачей, которые участвовали в попытках спасти жизнь президента. Каждый из врачей составил свой отчет с описанием ран. Агенты показывали каждому далласскому врачу протокол о вскрытии трупа

президента в Бетесде и на этой основе добивались отречения техасских медиков от их прежних показаний.

Такое рвение необъяснимо, с трудом укладывается в сознании и гипотеза Лифтона, что канцелярия Роули в Административном здании была одним из пультов управления вторым заговором.

Тень подозрения падает также на командование ВМС, в подчинении которого находятся медицинские учреждения в Бетесде. С его стороны были предприняты все необходимые меры, чтобы никто и никогда не узнал о закулисных действиях, сопровождавших вскрытие мертвого тела президента. Ведь фраза Сайбера и О'Нейла о хирургической операции на голове президента, по словам Лифтона, явилась «счастливой случайностью» и «кусочком информации, которая неизвестно выпала из официальной системы, хотя предполагалось, что хирургическая операция останется навечно тайной».

Если принять в качестве исходной данную точку зрения, то среди главных хранителей тайны, видимо, прежде всего следует назвать военных патологоанатомов. Какие посты они занимали? Руководитель вскрытия, капитан 3-го ранга Хьюмс был старшим патологоанатомом и директором лаборатории военно-морского госпиталя в Бетесде. Капитан 3-го ранга Босуэлл — главным патологоанатомом военно-морского госпиталя в Бетесде. Подполковник Финк — начальником отдела патологии баллистических ранений Института патологической анатомии вооруженных сил США; о нем в докладе комиссии Уоррена сказано, что он «имел большой опыт по изучению пулевых ранений».

В 1965 году вышла одна из первых книг об убийстве президента Кеннеди «Вопросы без ответов». Она принадлежала перу известного американского журналиста, лауреата премии имени Дж. Пулитцера Сильвана Фокса. Он, в частности, изучил профессиональные биографии трех военных патологоанатомов и не нашел в них свидетельств того, что они имели какой-либо опыт в области судебно-медицинской экспертизы.

В книге уже приводились высказывания Вехта — главного эксперта судебной медицины аллегенского окружного суда штата Пенсильвания, президента Аме-

риканской академии судебно-медицинских наук. Добавим, что Вехт — профессор юриспруденции, директор Питтсбургского института судебной медицины, директор института судебных наук при Даунсундском университете. В 1967 году он опубликовал критический анализ посмертного вскрытия президента. Как нам кажется, читателю будет небезынтересно познакомиться с отрывками из этой работы.

«Если бы президент Кеннеди, — писал Вехт, — был главой европейского государства, его правительство назначило бы для проведения посмертного вскрытия самого известного в стране судебного патологоанатома (*forensic pathologist*). В качестве ассистентов ему были бы приданы 2—3 судебно-медицинских эксперта или же руководители крупных судебно-медицинских институтов. Непоправимой потерей для истории явилось то, что специалисты такого калибра не участвовали во вскрытии тела президента.

...Практика, опыт и знания судебного патологоанатома (*forensic pathologist*) в значительной степени отличаются от того, чем владеет клинический патологоанатом (*hospital pathologist*). Когда последний выполняет вскрытие, то чаще всего его целью является подтверждение прижизненного диагноза.

Судебный патологоанатом действует в иных условиях. Часто, работая вместе с официальными судебно-медицинскими экспертами, он решает задачу не проверки уже имеющегося диагноза, а установления самостоятельным путем точной причины смерти. Клинический патологоанатом изучает причины естественной смерти, судебный патологоанатом — насильственной смерти. Как заметил мой коллега — главный судебно-медицинский эксперт города Нью-Йорка доктор Милтон Хелперн*, — поручить клиническому патологоанатому исследование пулевой раны «равносильно тому, что выпустить 7-летнего мальчика, сходившего на три урока игры на скрипке, на сцену нью-йоркской филармонии для исполнения пьесы Чайковского. Он умеет держать скрипку и смычок, но ему еще далеко до того, чтобы исполнять музыку...»

* Специалист с мировым именем. Упоминается в Большой Советской Энциклопедии (БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 25, с. 42). (Прим. авт.)

«В свете сказанного,— продолжает Вехт,— особую тревогу вызывает тот факт, что во главе вскрытия президента был поставлен клинический патологоанатом. За исключением одного курса, прослушанного в Институте патологической анатомии вооруженных сил США, у доктора Хьюмса не было ни знаний, ни опыта в области судебной патологической анатомии. Ему ассистировал капитан Босуэлл, который был также клиническим патологоанатомом и не обладал каким-либо опытом в судебно-медицинских вскрытиях. После того как Хьюмс и Босуэлл увидели труп и поняли, какая сложная задача выпала на их долю, был приглашен подполковник Финк. Хотя подполковник Финк был способным судебным патологоанатомом, но практически не имел опыта: до ноября 1963 года он главным образом выполнял административные обязанности и ограничивался инспектированием документов, фотографий и прочих материалов законченных дел. К тому же 22 ноября он находился в чрезвычайно трудном положении. Его вызвали к анатомическому столу, когда вскрытие уже началось, он работал в госпитале ВМС под командой врача ВМС».

Вехт пишет далее, что судебные патологоанатомы не прощупывают пулевых ранений пальцем, как Хьюмс. Не включают в официальный протокол о вскрытии сообщения из газет, как Хьюмс, и т. д. и т. п. Не будем перечислять всех изъянов, которые были допущены, по мнению Вехта, военными патологоанатомами, всех неясностей, созданных их заключением. Позволим себе лишь еще раз процитировать Вехта, чтобы увидеть, какие обстоятельства кажутся подозрительными крупным американским специалистам в области судебной медицины.

«Представляется совершенно необъяснимым тот факт,— подчеркивал Вехт,— что ни один из гражданских судебно-медицинских экспертов не был приглашен участвовать во вскрытии тела президента Кеннеди. Когда возникали медицинские проблемы у президентов Эйзенхауэра или Джонсона, немедленно вызывались гражданские эксперты. Здесь же было решено положиться на трех военных патологоанатомов. Несмотря на то что в часе полета на самолете от Вашингтона проживают всемирно известные судебные патологоанатомы: доктор Рассел Фишер в Балтиморе,

доктор Милтон Хелперн в Нью-Йорке, доктор Джозеф Спелман в Филадельфии, доктор Джейфри Манн в штате Вирджиния, доктор Элан Моритц в Кливленде и т. д. Они бы не замедлили откликнуться на просьбу правительства оказать помощь. Вся ирония в том, что эти эксперты приглашались военными ведомствами в прошлом многократно. Но на сей раз правительство словно забыло о них, хотя 22 ноября 1963 года в Бетесде производилось, вероятно, самое важное вскрытие нынешнего века. Трагическое решение правительства не приглашать гражданских экспертов породило множество противоречий и загадок в этом деле».

В последующие годы Вехт неоднократно возвращался к этой теме, высказывал мнение, что ряд решений, принятых Хьюмсом и его коллегами, был навязан им вышестоящим военным начальством. Лифтон идет дальше в своих рассуждениях о характере действий военных патологоанатомов. Мало того, что они были некомпетентны проводить вскрытие, что им навязывали решение, их вовлекли — быть может, даже против их собственной воли — в нечистоплотную игру, требовавшую во многих случаях идти на заведомый обман.

Но все элементы аферы замаскировать не удалось, и Лифтон, наблюдая в разные годы и в разных ситуациях за Хьюмсом, его бывшими ассистентами, не может освободиться от впечатления, что они постоянно живут в страхе быть разоблаченными. Им не по себе от публикуемых вот уже второе десятилетие статей и книг об их некомпетентности, неспособности отличить входные раны от выходных. Можно себе представить, какие мысли обуревают их, когда они слышат реплики, что не выдержали главного экзамена в своей карьере.

У них уже вырывались намеки, полупризнания. Они видели в 1973—1974 гг. во время уотергейтского дела, как постепенно вскрывалась вина одного за другим вышестоящих деятелей, как разваливался подобно карточному домику механизм «кавер-ап» — сокрытия фактов, как за попытку помешать следствию был вынужден уйти в отставку президент Никсон.

Когда в 1977—1978 гг. военных патологоанатомов пригласили в специальную комиссию по расследованию убийств дать показания, они вначале опасались разоблачения. Но тревоги были напрасны. С ними,

помимо открытых слушаний, беседовали еще и в предварительном конфиденциальном порядке, а также на закрытых заседаниях комиссии. Что-то из этих бесед попало в доклад и 12 томов слушаний СКРУ. Но основная масса этих материалов засекречена конгрессом на 50 лет. Кто знает, может быть Хьюмс и очистил свою совесть за закрытыми дверями? Но на публичных слушаниях он сохранял свою прежнюю позу и во многих случаях пускал в ход эзоповский язык. Видимо, на открытых заседаниях он ждал все же более острых вопросов, более профессиональных. И не дождался. Когда он вернулся после показаний в зал, к нему подсел Лифтон, который освещал работу СКРУ для одной телевизионной станции. Он заметил, как дрожали руки Хьюмса, и спросил:

— Доктор Хьюмс, почему вы без адвоката?

— Мне не нужен адвокат. Мне нечего скрывать.

— Доктор Хьюмс, вы меня помните? Я звонил вам в 1966 году и спрашивал о докладной двух агентов ФБР, в которой говорилось, что в области головы президента были обнаружены следы хирургического вмешательства.

— Нет. Я не знаю, кто вы. Я не знаю о подобной докладной.

Через два дня Хьюмса интервьюировал независимый следователь Хоч. Хьюмс, в частности, сказал: «Я желал, чтобы они задали мне больше вопросов. Члены комиссии меня поразили... Знаете, ведь им представился золотой случай. Я был перед ними, но они не захотели — и это меня нисколько не беспокоит. Что бы ни устраивало их, устраивало меня».

Для распутывания клубка загадок, возникших вокруг вскрытия, независимые следователи считают крайне важным выяснить следующее обстоятельство. Какую роль играли во время этой процедуры в секционном зале госпиталя ВМС находившиеся в нем главный хирург ВМС США адмирал Кенни, начальник национального военно-морского медицинского центра в Бетесде адмирал Гэллоуэй, начальник госпиталя ВМС капитан Кэннад, начальник медицинской академии ВМС США капитан Стоувер, врач Белого дома адмирал Беркли? Агент секретной службы Келлерман в показаниях комиссии Уоррена утверждал, например, что Гэллоуэй надел халат и хирургический фартук и

стал четвертым анатомирующим врачом. Гэллоуэй отрицает такой факт. Ранее он отрицал, что сел за руль «кареты» скорой помощи, в которой находился пустой бронзовый гроб. Очень активно вел себя в секционном зале адмирал Беркли. Явно оказывая давление на врачей, производивших вскрытие, ближе к полуночи 22 ноября личный врач президента Кеннеди, ставший уже личным врачом президента Джонсона, адмирал Беркли повторял, что при составлении заключения надо учитывать, что «Освальд стрелял сзади». «Неужели он это говорил?» — переспросил одного из присутствовавших в секционном зале Лифтон.

— Я прекрасно помню слова Беркли о том, что «они поймали Освальда и что им нужна только пуля, чтобы закрыть дело», — ответил тот.

Тут же в секционном зале адмирал Кенни отдает приказ, запрещающий врачам и младшему персоналу обсуждать с кем бы то ни было все, что они видели и слышали во время вскрытия. Через несколько дней с них взяли подписки молчать. Всех, кто давал подпись, предупреждали устно и многократно, что все происходившее относится к категории «сверхсекретной» информации и не подлежит разглашению ни при каких обстоятельствах. Медицинскому персоналу ВМС говорили, что этот приказ исходит из Белого дома, подразумевая секретную службу. Какие меры предосторожности! Какая бдительность! И ради чего все это? Разве не убил президента маньяк-одиночка двумя выстрелами сзади? Разве не доказывало это официальное «лучшее свидетельство»?

Но дело обстояло не так просто, поэтому-то и нужны были тайны, секреты, маскировка. Загадительную стену вокруг вскрытия выстроили ВМС и секретная служба. Часть документации была запрятана в секретных архивах министерства обороны, все остальное — в тайниках секретной службы. Независимых исследователей по-прежнему не подпускают к основной массе этих материалов.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОМИССИЯ КОНГРЕССА

Лифтон начал свое исследование и до самого выхода своей книги продолжал придерживаться точки зрения, что не все участвовавшие в процедуре вскрытия, не все сотрудники комиссии Уоррена были заговорщиками или соучастниками после факта совершения преступления в Далласе и Бетесде. Вот почему, как бы снимая часть своих подозрений в отношении бетесовских патологоанатомов, Лифтон писал, что заключение о вскрытии могло быть «плодом неясной двусмысленной и, возможно, зловещей ситуации».

Независимые следователи поначалу надеялись, что работавшая в 1976—1978 гг. специальная комиссия конгресса по расследованию убийств (СКРУ) рассеет эти неясности и двусмысленности. Лифтон долго беседовал с Бэлфордом Лоусоном, который в комиссии занимался секретной службой. Он убеждал его, что имеется достаточно подозрительных фактов для проведения нового расследования: при каких обстоятельствах секретная служба составляла маршрут президента в Далласе, как она обращалась с телом покойного, фотографиями и рентгеновскими снимками, пулей, осколками и пр. Лоусон сидел, как сфинкс, не проявив никакого интереса, по крайней мере внешне. Специальную комиссию, как и комиссию Уоррена пятнадцать годами раньше, не заинтересовало таинственное поведение секретной службы.

Неисповедимыми путями шло расследование, проводившееся СКРУ. Противники комиссии в конгрессе пытались несколько раз распустить ее под различными предлогами (отсутствие средств, бесполезность ее усилий и т. п.). Не выдержал давления и ушел со своего поста первый председатель комиссии техасский конгрессмен Генри Гонзалес, находившийся в президентском кортеже 22 ноября 1963 года в Далласе. Такая же

участь постигла главного советника и административного директора СКРУ, бывшего окружного прокурора Филадельфии Ричарда Спрайга. Оба они слишком серьезно взялись за выяснение роли ЦРУ и ФБР в преступлении века.

Сотрудники комиссии пользовались огромными полномочиями, они проходили доскональную проверку перед зачислением в штат комиссии. По своему усмотрению они могли докладывать или не докладывать членам комиссии — конгрессменам о том, что они узнавали в ходе расследования на отведенном им участке.

Работа СКРУ не обошлась без «маленького скандалчика». Но конгрессмены — члены СКРУ узнали о нем постфакту из газеты «Вашингтон пост» в июне 1979 года, когда специальная комиссия по расследованию убийств была уже распущена. Расскажем обо всем по порядку.

К сейфу с наборным замком, в котором хранились «крыскающая пуля», фотографии и рентгеновские снимки мертвого тела президента Кеннеди, имели допуск несколько сотрудников комиссии. В июле 1978 года один из них, не закрыв двери сейфа, покинул комнату, а когда вернулся, то застал там человека, воршившего одну из папок в сейфе. Сразу же было доложено о случившемся главному советнику и административному директору СКРУ Роберту Блейки. Но схваченный с поличным отрицал все напрочь. На фотографиях тела президента, папке с рентгеновскими снимками, на двери сейфа были обнаружены отпечатки пальцев этого человека, и тогда он признал, что копался в сейфе. Пойманым оказался сотрудник ЦРУ Реджис Блэхут, прикомандированный к СКРУ для связи с разведывательным ведомством и для охраны документов ЦРУ, переданных в распоряжение комиссии.

Блейки не сообщил об этом ни одному из членов СКРУ, хотя случай был экстраординарный. Из газетных отчетов следует, что он взял на себя выяснение отношений с разведкой. В обмен на молчание Блэхут был уволен, его непосредственные начальники получили выговоры, а ЦРУ представило Блейки какие-то материалы из своих архивов, которых до этого он безуспешно добивался. Замяли много вопросов, в частности и такой, зачем потребовалось Блэхуту вырывать из папки фотографии головы покойного президента.

Когда «маленький скандаличик» всплыл в июне 1979 года в печати, директор ЦРУ С. Тэрнер отмежевался от Блэхута, заявив, что тот «действовал в одиночку и из любопытства». Поначалу Блэхут тоже придерживался этой версии, однако прижатый вопросами корреспондентов, сменил песню. «Есть другие вещи, которые связаны с этим, но сказать о них означало бы повредить кое-чему». На вопрос, что он имеет в виду, Блэхут ответил: «Я дал ЦРУ письменную клятву хранить тайну. Я не могу обсуждать это...»

С подобными ответами как-то не вяжется последующая версия ЦРУ о возможной причине «набега» Блэхута на сейф. Был пущен слух, что он хотел украсть фотографии головы покойного президента, чтобы подзаработать на них, продав каким-нибудь органам печати.

Независимые следователи связывают «любопытство» Блэхута с давним подозрением, что некоторые фотографии, как и рентгеновские снимки, были фальсифицированными (вспомним подозрение Лифтона, что съемки производились и после официального окончания вскрытия). Не эти ли фальсифицированные фотографии и рентгеновские снимки имел задание «изъять» из папок и конвертов Блэхут? В июле 1978 года те, кто действовал руками Блэхута, еще не знали, какой будет реакция СКРУ на гипотезу Лифтона о «перекройке» тела. От тех, кто следил за Лифтоном, не могли ускользнуть его продолжительные беседы с Блейки, с сотрудниками СКРУ Пэрди и Флэнаганом, занимавшимися вопросами бетесдовского вскрытия тела президента. Следившие как огня боялись настоящего расследования «перекройки», тем более что министр обороны Браун разрешил свидетелям вскрытия давать показания. Но опасения оказались напрасными.

Специальная комиссия конгресса по расследованию убийств столкнулась с фактами и оценками, которые поставили перед ней труднейшие вопросы. Как прореагировать на вывод своей группы медицинских экспертов во главе с доктором Баденом об «изъянах», допущенных при вскрытии? Что делать с гипотезой Лифтона о «перекройке» трупа, которая, если вызвать на слушания в специальной комиссии людей, наблюдав-

ших необычные «происшествия» в секционном зале, может подтвердиться?

СКРУ не собиралась вникать в эти вопросы, но и отмахнуться от них так просто она не могла. Было принято двойственное решение, характерное для всего стиля работы специальной комиссии конгресса.

Упоминавшиеся выше сотрудники СКРУ Пэрди и Флэнаган изложили в своей интерпретации некоторые факты в докладе, помещенном в седьмой том документов специальной комиссии. Они писали: «Имеется значительное расхождение в различных отчетах о характере ран президента... Описание ран врачами в Парклэндском мемориальном госпитале отличается от описаний в заключении о вскрытии, а также от того, как выглядят ранения на фотографиях и рентгеновских снимках. Далее, докладная агентов ФБР Сайберта и О'Нейла упоминает о «хирургической операции» на голове, которая была очевидна по прибытии тела для вскрытия; тем не менее известно, что никаких хирургических операций не производилось».

После такого, в общем, многообещающего начала сотрудники СКРУ выливают ушат холодной воды на головы тех, кто поспешил поверить, что вот сейчас-то все и начнется. «Если врачи, совершившие вскрытие, правы, тогда парклэндские медики не правы, и они либо лгут, либо ошибаются... Не кажется вероятным, что они лгут... С другой стороны, представляется возможным, что персонал Парклэндского госпиталя мог ошибиться».

Наконец, Пэрди и Флэнаган подходят к гипотезе Лифтона. «Теоретически возможно также, что как парклэндские, так и бетесдовские медики правы в своих наблюдениях и что фотографии и рентгеновские снимки точно отражают наблюдения врачей, произведивших вскрытие. Это могло произойти, если кто-то изменил труп, пока он перевозился из Парклэндского мемориального госпиталя в бетесдовский военно-морской госпиталь. Это, однако, крайне невероятно или даже невозможно. Агенты секретной службы проявляли постоянную бдительность при перевозке тела из Парклэнда в Бетесду и заявили, что никто не изменил труп. Кроме того, если бы такое изменение и произошло, вероятно, люди, присутствовавшие на вскрытии, заметили бы его; в таком случае они злоу-

мышленно исказили свои наблюдения... это вряд ли возможно».

И напоследок составители доклада еще раз «проезжаются» по медикам из Парклэндского госпиталя, указывая: «кажется более вероятным, что наблюдения парклэндских врачей были ошибочными». Да, трудно было Пэрди и Флэнагану свести концы с концами, спасая тонущее, как утлое суденышко, заключение военных патологоанатомов-фальсификаторов о вскрытии.

Посмотрим теперь, как выкручивались составители заключительного доклада СКРУ.

«Определение числа и расположения президентских ран,—говорится в этом документе,—критически важно для разрешения вопроса, сколько было убийц—один или больше. Секретность, окружавшая процедуру вскрытия, породила значительный скептицизм в отношении выводов комиссии Уоррена. Беспокойство не ослабевает в связи с тем, что власти вели себя далеко не искренне. Главный патологоанатом, проводивший вскрытие в госпитале ВМС, уничтожил свои записи, а комиссия Уоррена решила отказаться от изучения рентгеновских снимков и фотографий или позволить кому-либо еще их проанализировать. Решение комиссии положиться целиком на показания врачей исключило возможность создания своеобразного консилиума независимых медицинских экспертов, которые рассмотрели бы данные вскрытия и решили, соответствуют ли они выводам врачей в Парклэндском госпитале и в Бетесде».

Критика действий военных патологоанатомов и стоящих за ними властей выглядит довольно сурово. Но она повисает в воздухе, за ней не следует надлежащих выводов о необходимости доскональной проверки всех обстоятельств бетесдовской аферы.

Среди девяти членов группы медицинских экспертов СКРУ был и знакомый нам эксперт судебной медицины Вехт. Он пытался доказать несостоятельность версии о том, что президент Кеннеди был убит выстрелами сзади. Но с ним не согласились. В результате на основе мнения восьми членов группы конгрессмены подтвердили в своем докладе выводы комиссии Уоррена, основывавшиеся на показаниях Хьюмса, Бо-

суэлла и Финка, что президент был поражен выстрелами сзади.

Противоречивая позиция СКРУ в различных вопросах расследования преступления века отражает те размежевания в конгрессе и двух крупнейших буржуазных партиях Америки, которые существуют вот уже второе десятилетие и по делу об убийстве Джона Кеннеди и его брата — сенатора Роберта Кеннеди. Критика комиссии Уоррена, которая содержится в докладе СКРУ,— результат натиска влиятельных сил в конгрессе, желающих найти ключ к разгадке если не всех, то хотя бы некоторых тайн далласской трагедии.

И в связи с этим обращает на себя внимание серьезный упрек, брошенный СКРУ в адрес министерства юстиции США за то, что оно не предприняло сразу же после событий в Далласе продуманного, высокоэффективного уголовного расследования убийства, включая возможность заговора; что оно не использовало для этого своих колоссальных ресурсов, в том числе полномочий Федерального большого жюри, права представления этим жюри иммунитета и безопасности всем лицам, которые пожелали бы сообщить известные им данные, относящиеся к убийству президента.

Специальная комиссия выслушала объяснения по этому поводу Николаса Катценбаха, занимавшего в 1963 году пост заместителя министра юстиции. Он ссылался на то, что вмешательство в следствие министра юстиции было неэтично, поскольку министром тогда был Роберт Кеннеди.

К чести СКРУ, она не сочла серьезным такой ответ. Ибо нет, в частности, данных и о том, что Роберт Кеннеди препятствовал ведению следствия силами его министерства.

Спустя много лет после далласского убийства стало известно, что начальник управления уголовных дел министерства юстиции Дж. Миллер вылетел на место преступления немедленно после его совершения. Но, как выразился один из бывших сотрудников министерства, «заполнившие Даллас агенты ФБР начисто отделались от Миллера». «Отношения с Гувером,— продолжает он,— изменились за одну ночь. Он не хотел иметь никаких дел с нами. Почитайте донесения ФБР и вы увидите, какого рода расследование они провернули».

Есть, кстати говоря, еще одно косвенное свидетельство, что Роберт Кеннеди не возражал против любых усилий, которые можно было бы предпринять для расследования преступления века. В своих мемуарах «С выигрышной позиции: взгляд на президентство, 1963—1969» экс-президент Джонсон писал: «Одной из самых настоящих задач, вставших передо мной после прихода к власти, было успокоить страну, заверить ее, что делается все возможное для того, чтобы раскрыть правду об убийстве президента Кеннеди. Джон Кеннеди был убит, и обеспокоенная, недоумевавшая и возмущенная нация хотела знать факты. ФБР, подчиненное министру юстиции Роберту Кеннеди, который хотел не оставить камня на камне, трудилось над этим делом двадцать четыре часа в сутки, и директор Эдгар Гувер был в постоянном контакте со мною».

Итак, министр юстиции Роберт Кеннеди хотел «не оставить камня на камне». С этим фактом вряд ли можно спорить. И будь у него реальная власть, так бы оно и было. Но вот с другими положениями приведенного пассажа не согласуются многие известные теперь факты. От Миллера агенты ФБР в Далласе начисто отделались. ФБР подчинялось не Роберту Кеннеди, а Гуверу. И если директор ФБР находился в постоянном контакте с Джонсоном, то со своим непосредственным начальником — министром юстиции Робертом Кеннеди он имел последний контакт по телефону днем 22 ноября. Ледяным голосом Гувер сообщил Роберту, находившемуся в своем имении под Вашингтоном, что президент скончался от ран в Далласе. После этого Гувер несколько месяцев, почти до самого ухода Р. Кеннеди с поста министра, контактов с ним не имел. И сделал Гувер немало для того, чтобы многие камни остались «неперевернутыми».

В конце ноября 1963 года политические наблюдатели были захвачены психологической драмой высшего накала. Все ждали, что вот-вот Роберт что-то предпримет. И не дождались. Знал ли министр юстиции хоть что-то о подозрительныхделах вокруг госпиталя в Бетесде и внутри секционного зала? Никаких указаний на этот счет нет.

Потерял ли он свое хладнокровие политика и бойцовский дух? Или он был убит горем и полностью

отрешился от своих непосредственных обязанностей министра юстиции, диктовавших ему ряд предписываемых в таком случае законом шагов? Ответов на эти загадки психологической драмы пока нет. На том этапе бой выиграл Гувер, взяв реванш за предыдущих два года, которые были, с точки зрения босса ФБР, преддверием его неизбежной отставки, чему он всячески противился. Убийство сенатора Роберта Кеннеди в 1968 году в момент, когда у него возникли реальные шансы стать президентом США, подчеркнуло превосходство ультрапрекционных сил над Джоном и Робертом Кеннеди.

Джонсон писал о беспокойстве, недоумении и возмущении американского народа. Что касается близкого окружения клана Кеннеди, то эти чувства были накалены до предела. Преданность президенту, простое человеческое негодование, несбывшиеся честолюбивые планы быть еще долгие годы у штурвала государственного корабля — все это переплелось воедино и прорывалось наружу при самых различных обстоятельствах.

Один из тех, кого называли членами «ирландской мафии» Кеннеди, помощник министра труда П. Майнихэн, ожидая прибытия из Далласа «BBC-1» с телом покойного президента, обходил на аэродроме Эндрюс ответственных должностных лиц и повторял: «Нам следует взять в свои руки дело расследования». Майнихэн говорил:

— Американские полицейские — народ эмоциональный. Они не признают никаких правил и до такой степени скомпрометированы коррупцией, что готовы переусердствовать, как только они сталкиваются с действительно крупным делом. Положиться на них нельзя. Просто недопустимо передоверять полиции решение вопросов, жизненно важных для страны. Никто не в силах предугадать, как поступит полиция Далласа. Они называют преступника коммунистом, но это еще отнюдь не доказывает, что он действительно коммунист.

— Да, вы правы,— отвечал ему заместитель государственного секретаря Дж. Болл,— я поговорю об этом с Раском (государственным секретарем.— *Прим. авт.*).

Ответ явно не устроил Мойнихэна. Раска в тот момент не было в Вашингтоне.

— Я,— настаивал Мойнихэн,— хочу знать реальные факты. У меня нет никаких предвзятых мнений, но я знаю, что республика зиждется на правопорядке, а в Далласе — хаос. Мы не должны терять ни минуты.

Кто-то ответил Мойнихэну:

— Ну, это вы уже хватили через край.

Мойнихэн взорвался:

— Ах ты, несчастный ублюдок! Президент Соединенных Штатов, избранный народом, лежит в гробу, а ты еще болтаешь о том, что я хватил через край! Да, вся история состоит из одних невероятных событий. В свое время тот, кто говорил, что Цезаря убьют кинжалом на Форуме, тоже, по-твоему, хватил через край?

Мы позволили себе воспроизвести эту трагически выразительную сценку из книги Манчестера, чтобы показать, какие мысли обуревали в тот момент близких Кеннеди и как они были беспомощны. Ибо, по свидетельству Манчестера, попытки Мойнихэна и других организовать расследование, которое выяснило бы факты в охваченном хаосом Далласе, были безуспешными.

Министерство юстиции Роберта Кеннеди было убрано с политической арены Гувером и стоявшим за ним Джонсоном и заменено совершенно беспомощной комиссией Уоррена.

СКРУ в своем докладе выразила недоумение по поводу того, что «в течение критически важных дней, предшествовавших созданию комиссии Уоррена (29 ноября 1963 года. — Прим. авт.), официальные лица министерства юстиции не играли какой-либо значительной роли в формировании, проверке или оценке расследования, проводившегося ФБР, несмотря на его административный статус как составной части министерства юстиции».

И вновь оправдывавшийся Катценбах говорил о том, что Роберт Кеннеди не мог возглавить расследование смерти его брата по этическим соображениям.

Специальная комиссия и здесь дала двойственную оценку. Она согласилась с «общим мнением» Катценбаха, но «тем не менее выразила сожаление, что мини-

стерство юстиции было исключено из расследования, какими бы причинами это ни было вызвано». «Прискорбно, — заявляют конгрессмены, — что министерство юстиции сыграло такую незначительную роль в том, чтобы обеспечить тщательное расследование убийства президента Кеннеди».

При обсуждении вопроса, могло ли министерство юстиции предпринять шаги в расследовании убийства президента, слышатся порою высказывания вроде того, что американские законы и вся юриспруденция Нового Света — это сплошной дремучий лес. И так и не так. Американская система юриспруденции дает простор для всевозможных лазеек, позволяющих неоднозначно толковать те или иные юридические факты. И поэтому американская Фемида довольно часто неумышленно или умышленно ведет дело к запутыванию вместо распутывания перипетий того или иного преступления.

Судебное уголовное расследование в США может возбуждаться только против живого человека. Освальд, видимо, был убит еще и потому, чтобы некого было судить. После смерти Освальда у американской Фемиды была отнята возможность судебного уголовного расследования. Здесь, в частности, надо искать ключ и к разгадке беспомощности министра юстиции Роберта Кеннеди — юриста по образованию. Он знал, что в американской юриспруденции не было в тот момент ни федерального закона, ни precedента, который можно было использовать, чтобы запустить в ход, в частности, и его министерство юстиции с целью расследовать уголовное дело об убийстве в Техасе его брата-президента.

Какие-то силы определенно воспользовались — причем блестяще — этим юридическим «вакуумом», что породило уже не просто психологическую драму, а трагедию и фиаско заокеанского правосудия.

Убийство президента в Далласе, убийство лауреата Нобелевской премии лидера американских негров Мартина Лютера Кинга в Мемфисе, убийство сенатора Роберта Кеннеди в Лос-Анджелесе, убийство более 100 прямых и косвенных свидетелей преступления века. И почти однозначные ответы — убиты одиночками, умерли «естественней смертью», погибли в «катастрофах», покончили жизнь «самоубийством» и т. п. И все это случайно! Все — без исключения!

Нет, при желании американское правосудие может не быть дремучим лесом. В Америке юрист — одна из самых престижных, высокооплачиваемых профессий. Асы американской юриспруденции могут обходиться без лазеек, решать головоломные юридические ребусы, выигрывать процессы, особенно если за это они получают хороший гонорар. У клана Кеннеди, с этой точки зрения, были огромные возможности. Семейство миллионеров, оно никогда не жалело средств на достижение своих политических целей. Но их капиталы, если допустить на мгновение идею о гонораре юристам, здесь были бессильны. Они натолкнулись, судя по всему, на недовольство — а может быть и ненависть — обладателей более мощных капиталов.

Независимые расследователи называли себя часто критиками доклада комиссии Уоррена. Теперь они говорят о себе и как о критиках доклада СКРУ. Не отрицая того, что СКРУ выявила ряд новых важных фактов, критики, анализируя весь ход работы специальной комиссии по расследованию убийств и опубликованные ею материалы, еще с большей силой укрепились во мнении о тщательной замаскированности заговора против Джона Кеннеди.

«Несмотря на то что специальная комиссия по расследованию убийств палаты представителей конгресса проложила новые пути (в расследовании далласского преступления. — Прим. авт.), виновные в убийстве Джона Кеннеди оказались нетронутыми, — пишет в заключение своей книги профессор истории Куртц. — Они успешно укрылись от ареста и судебного преследования. Этому помогла некомпетентность комиссии Уоррена, а также энергичные усилия палаты представителей конгресса и органов исполнительной власти правительства, направленные на сокрытие улик в этом деле. Американскому народу по-прежнему не дают возможности увидеть все свидетельства, которыми располагает его правительство в преступлении века».

КЛАН КЕННЕДИ И ЛИНДОН ДЖОНСОН

Были и есть до сих пор в Америке люди, которые подозревают Джонсона в организации заговора против президента Кеннеди. Еще когда Джонсон восседал в Белом доме, в различных городах страны шла сатирическая пьеса «Макберд». «Берд» — прозвище жены президента Джонсона, мак — от шекспировской Макбет. В аллегорической форме президент Джонсон выводился как убийца Кеннеди, верховный судья Уоррен как отъявленный мошенник. Мы видели эту пьесу и должны сказать, что она имела огромный успех у нью-йоркской публики. Из других городов также поступали сообщения об успехе сатиры.

То было время, когда популярность Джонсона упала до самого низкого уровня. Общественность перестала ему доверять, видя неисчислимые жертвы американцев в «грязной войне» во Вьетнаме, крах планов построения пресловутого «Великого общества», нарастающую коррупцию на берегах Потомака.

Все это так, однако никаких фактов причастности Джонсона к убийству Кеннеди обнаружено не было ни тогда, ни в последующие годы, если не считать подозрений о том, что во время перелета из Далласа в Вашингтон 22 ноября 1963 года новый президент был в курсе приготовлений армейского госпиталя имени Уолтера Рида к вскрытию тела Кеннеди. Вместе с тем Джонсон предпринимал шаги, которые можно истолковать как попытку скрыть одни факты и, наоборот, «подкрепить» другие, касающиеся далласской эпопеи.

В 1967 году известнейший американский телевизионный комментатор Уолтер Кронкайт интервьюировал члена комиссии Уоррена известного юриста, дипломата, политика, миллионера Мак-Клоя.

«Я думаю,—сказал Мак-Клой,—что есть одна вещь, которую я бы обязательно сделал тогда (во время работы комиссии Уоррена.—*Прим. авт.*). Я настаивал бы на том, чтобы нам представили эти фотографии и рентгеновские снимки» (вскрытия трупа Кеннеди.—*Прим. авт.*).

Точно неясно, что побудило Мак-Клоя сделать это заявление. Но определенно известно, что осенью 1966 года именно Мак-Клою первому сообщил бывший юристконсульт комиссии Уоррена Уэсли Либелер о гипотезе Лифтона относительно «перекройки» тела президента. Либелер в разговоре с Лифтоном был настроен скептически в отношении точки зрения последнего. Но в конфиденциальной беседе с одним из редакторов журнала «Лайф», как стало известно Лифтону, Либелер допускал вероятность, что заключение о вскрытии было переделано Хьюмсом.

Осенью 1966 года президент Джонсон находился на своем техасском ранчо после удаления ему желчного пузыря в военно-морском госпитале Бетесды. Джонсон принял на ранчо Мак-Клоя, хотя визит и не был объявлен. Один из авторов этой книги был аккредитован при пресс-центре «техасского Белого дома» и находился той осенью в Остине. Обо всех визитах, в частности двух других членов комиссии Уоррена—Боггса и Форда, сообщалось, однако о посещении ранчо Мак-Клоем объявлено не было. Для независимых следователей остается загадкой, обсуждал ли Мак-Клой с Джонсоном гипотезу о «перекройке».

Видимо, обсуждал. Ибо вскоре последовал излюбленный маневр гроссмейстеров американской политической игры. Джонсон создал, пока в тайне, комиссию во главе с министром юстиции Рамзеем Кларком для изучения документов вскрытия тела покойного президента. Зимой 1967 года «комиссия Кларка», как ее стали именовать позднее, представила Джонсону свое заключение, что вскрытие было произведено правильно и это подтверждается фотографиями и рентгеновскими снимками, сделанными в Бетесде. Заключение «комиссии Кларка» было обнародовано в январе 1969 года за шесть дней до окончания срока пребывания президента Джонсона у власти, но почему-то, однако, было решено не сообщать о пропаже мозга Кеннеди и ряда фотодокументов.

Джонсон как бы страховался от возможного обвинения в сокрытии известных ему подозрений независимых следователей о «перекройке». Эта перестраховка не была единственной. Когда ему вручили доклад комиссии Уоррена, он создал другую комиссию в составе министра финансов Дугласа Диллона, заместителя министра юстиции Катценбаха (тогда министром юстиции был еще брат покойного президента Роберт Кеннеди и просить его войти в эту комиссию было неэтично), директора ЦРУ Джона Маккоуна и помощника президента по национальной безопасности Макджорджа Банди. Джонсон поручил им изучить доклад и доложить ему свое мнение. Это был ловкий ход: Маккоун считался другом Роберта Кеннеди, Банди — выдвиженцем Джона Кеннеди. Комиссия высших правительственных сановников одобрила доклад комиссии Уоррена, а Джонсон дал понять, что он его и не читал...

Но если с этой стороны неприятностей у Джонсона не было, то независимые следователи причиняли ему немало хлопот. До осени 1966 года он отмахивался от них как от назойливых мух. Осенью 1966 года после «прорыва» Лифтона он приказал ФБР составить ему досье на следующих независимых следователей: Эдварда Эпштейна*, Силвана Фокса, Йоахима Джостена, Пенна Джоунса, Марка Лейна, Ричарда Попкина, Лео Соважа и Гарольда Уэйсберга. Директор ФБР Гувер передал Джонсону подготовленные досье в ноябре 1966 года. О целях запроса Джонсона ничего не известно.

Ближе к завершению срока президентских полномочий Джонсон наставлял членов правительственного кабинета: «Каждому из вас лучше покинуть этот город (Вашингтон. — Прим. авт.) чистенькими как стеклышико... Первое, что делаем мы, демократы, беря власть, — нащупываем рычаги контроля. Но пер-

* Э. Эпштейн с самого начала своей деятельности был близок к ФБР. Хотя это давало ему возможность получать «сенсационные» материалы, к которым других не подпускали, он старался поддерживать репутацию независимого борца за правду. С 1967 года начал распространять со слов ФБР и ЦРУ версию о том, что Освальд якобы был «советским или кубинским агентом». Вместе со своими друзьями он пытался сделать все, чтобы дискредитировать окружного прокурора Нового Орлеана Гаррисона и проводившийся им судебный процесс.

вое, что делают республиканцы,— расследуют демократов. Я не знаю, почему они это делают, но вы можете не сомневаться, что последует именно это».

Провидец из Джонсона не вышел. На этот раз республиканская администрация Никсона повела себя по-джентльменски. Более того, если говорить о расследовании далласского преступления, то она постаралась торпедировать новоорлеанский процесс по делу видного деятеля демократической партии штата Луизиана, бизнесмена Клея Шоу, обвиненного окружным прокурором Гаррисоном в организации заговора против президента Кеннеди.

Удалившись на свое техасское ранчо, Джонсон окунулся с головой в преумножение своих капиталов, ради чего он ранее использовал и пост президента. За короткий срок Джонсон удвоил свое состояние. Он был совладельцем девяти техасских банков, радио- и телевизионных станций в трех штатах, скупал земли в различных районах США, в Мексике и странах Карибского бассейна.

Его политический вес в демократической партии, в которой за 38 лет он вырос от помощника конгрессмена до президента, после отставки был равен практически нулю. Когда в 1972 году в Майами-бич собрался съезд демократической партии, его даже не пригласили. В окружении кандидата демократов сенатора Джорджа Макговерна находились бывшие советники Джона и Роберта Кеннеди, и Джонсону, уже паковавшему чемодан в Майами-бич, дали понять, что его там не ждут.

Внешне Джонсон также изменился. Он покинул Белый дом в шестьдесят лет до предела изнуренным, угнетаемым мыслью, что ему осталось немного лет жизни. Он заказал прогноз врачам страховой компании и астрологам, предоставив им все известные ему данные о мужской ветви своего рода. Джонсон сам избрал 1973 год как год смерти, все чаще показывал гостям ранчо место на семейном кладбище, где он будет захоронен. Оставшееся время он решил жить как ему хочется. Он не отказывал себе в еде и сильно растолстел, беспрерывно курил, хотя врачи запрещали ему это, напоминая о двух перенесенных инфарктах. Когда его поразил третий, за семь месяцев до смерти, Джонсон не захотел слушать советов и приказал везти себя на

самолете из Вирджинии, где застала его болезнь, в Техас. Отпустив волосы до плеч, экс-президент был похож то ли на восточного гуру, то ли на калифорнийского хиппи.

У него было около 15 оплачивавшихся правительством помощников, среди которых были журналисты и историки, трудившиеся над его мемуарами. Основным требованием Джонсона было: ни одного факта, который не подтвержден документами. Он предоставил в их распоряжение даже тысячи страниц своих телефонных разговоров, которые, оказывается, тайно стенографировались в Белом доме и других местах. Экс-президент забраковал двадцать вариантов глав, анализирующих его вьетнамскую политику. Несколько раз он браковал «вьетнамские куски» в интервью, которое готовил с ним телекомментатор Уолтер Кронкайт.

В 1971 году вышли мемуары Джонсона «С выигрышной позиции: взгляд на президентство, 1963—1969». Даже по отзывам близких к нему людей книга представляет собой апологию вьетнамской политики джонсоновской администрации. Джонсон выставил себя поборником переговоров о мире в Юго-Восточной Азии, который пошел на «постепенную эскалацию» лишь потому, что «другая сторона» вынудила его сделать это. Критики мемуаров отвергли центральный тезис, состоящий в том, что во Вьетнаме Соединенные Штаты проводили «политику Кеннеди—Джонсона». В сознании американского народа война США во Вьетнаме была «войной Джонсона», затем «войной Никсона», и тезис экс-президента никто всерьез не принял, хотя не вызывает сомнения, что Кеннеди тоже несет вину за развязывание интервенции.

Немало места в мемуарах отведено взаимоотношениям клана Кеннеди и автора. Проводилась мысль, что Джонсон унаследовал власть своего предшественника не только в соответствии с конституцией, но и в результате политической близости к окружению Кеннеди, скрепленной многолетним сотрудничеством. Прежде чем разбирать данный тезис о всестороннем легитимизме президентства Джонсона, приведем одно его высказывание о себе, которое не вошло в мемуары, но хорошо известно. В бытность еще сенатором Джонсон писал:

«Я — свободный человек, американец, сенатор Соединенных Штатов и демократ — в таком порядке.

Я также либерал, консерватор, техасец, налогоплательщик, владелец ранчо, бизнесмен, родитель, избиратель... И все эти качества без зафиксированного порядка — это я.

Мне не под силу выбрать какое-то описательное слово из второго предложения, которое бы видоизменило, определяло, дополняло или просто просилось быть приставленным посредством дефиса к терминам, перечисленным в первом предложении. В результате я не способен определить мою политическую философию выбором однословного или двусловного ярлыка».

Для иллюстрации выписанного с поразительной тщательностью кредо Джонсона приведем два примера.

Джонсон-либерал. До второй мировой войны он старался приблизиться к либералам, окружавшим президента Франклина Делано Рузвельта. Будучи молодым конгрессменом, он отстаивал «новый курс» президента даже с более радикальных позиций, чем жена президента Элеонора Рузвельт — основательница либеральной организации «Американцы — за демократические действия». В Техасе Джонсон говорил о президенте Рузвельте: «Для меня он словно батюшка». Линдон подружился с вице-президентом Генри Уоллесом, советником президента Гарри Гопкинсом и др. Ведущие вашингтонские обозреватели Джозеф Олсон и Роберт Кинтнер писали о Линдоне как о «человеке Рузвельта».

Джонсон-консерватор. «Крестным отцом» Джонсона в политике был техасец, спикер палаты представителей Сэм Рэйборн. Его поддерживали влиятельные техасские миллионеры, бывшие в разное время губернаторами Техаса, — Прайс Дэниэль и Джон Коннэли. На Джонсона делали ставку президент Гарри Трумэн, государственные секретари Дин Ачесон и Дин Раск, идеолог ультраправой реакции техасец Г. Л. Хант.

Есть еще одна черта характера Джонсона, о которой он умолчал. Ее отмечает известный техасский консервативный историк Эветтс Хейли. Анализируя многие главы из жизни Джонсона, в частности его поведение во время убийства Кеннеди и в первые часы после

возвращения в Вашингтон, Хейли пишет, что тогда отчетливо «обнажилась холодная прагматическая натура Линдона Б. Джонсона».

Схвачено верно, как и другое, что постарался показать Хейли в своей книге «Взгляд техасца на Линдона. Исследование незаконной власти», — политический оппортунизм своего героя. Генезис незаконности власти Джонсона он относит к концу 40-х годов, когда в Техасе на выборах в сенат была произведена нашумевшая в свое время подтасовка голосов партийной машиной Джонсона. При этом друзья будущего сенатора перестарались — они убили радиокомментатора, не желавшего молчать. И по сей день дебатируется вопрос: причастен ли был лично Джонсон к убийству или же преступление лежало на «совести» его друзей и он ничего не знал об этом. Отсюда вывод Хейли: Джонсон был незаконным сенатором, а следовательно, и вице-президентом, готовым занять Белый дом. Это, так сказать, вопросы легитимизма власти. А как выглядит политический легитимизм?

В своих мемуарах, названных одним критиком «музеем восковых фигур на вкус Линдона Джонсона», автор пытается доказать свою близость к клану Кеннеди. Вот, например, рассказ о телефонном звонке в 1955 году патриарха клана Джозефа Кеннеди. «Отец сенатора Кеннеди, — читаем мы, — позвонил мне на ранчо и сказал, что он и Джон Кеннеди желают, чтобы я стал президентом. И в связи с этим они хотели бы добиваться выдвижения моей кандидатуры, если я не возражаю, на съезде демократической партии в 1956 году. Я поблагодарил его, но ответил, что не хочу быть кандидатом. Как случилось позднее, что моя кандидатура была выдвинута на съезде, не знаю, видимо, по причинам местной техасской политики... Я отдал голос техасской делегации за кандидатуру Джона Кеннеди в вице-президенты».

После чикагского съезда демократической партии, где «случайно» кто-то выдвинул кандидатуру Джонсона в президенты, он написал письмо Джозефу Кеннеди. Поскольку молодого Джона Кеннеди уже в Чикаго обуревали президентские амбиции и выдвижение кандидатуры Джонсона могло означать лишь подножку, Линдон объясняет случившееся: «...Вы, наверное, мистифицированы по поводу моих действий в Чикаго на

прошлой неделе. Когда я увижу вас, я объясню, как они запутали местную политическую ситуацию здесь, в Техасе, и это не расходится с тем, что я вам говорил в октябре прошлого года». Вряд ли Джозеф Кеннеди мог что-то понять из этого «объяснения», но последуем дальше.

Отложив в сторону «мистификации» техасской политики, Линдон решает загладить свою вину и рассыпается в лести по адресу Джона Кеннеди: «Но это письмо, Джо, я пишу, чтобы заверить вас, как я горжусь демократическим сенатором от штата Массачусетс* и как горжусь я техасской делегацией и другими делегациями Юга за их поддержку его кандидатуры на послеполуденном заседании в прошлую пятницу в Чикаго. По моему мнению, это заседание съезда зажгло ярчайший светильник надежды для воистину великой демократической партии. Я надеюсь, что мы сможем поговорить об этом, когда вы появитесь в Вашингтоне».

Кандидатура Кеннеди вице-президенты не собрала большинства голосов, и массачусетский сенатор вместе со всем кланом начал готовиться к битве на следующем съезде партии, который состоялся летом 1960 года в Лос-Анджелесе. Не терял времени даром и Джонсон, он не делал секрета из своего желания стать президентом, используя для подготовки прежде всего свой пост лидера демократической партии в сенате и помочь спикера палаты представителей Сэма Рэйборна.

Конец 40-х и все 50-е годы проходили для клана Кеннеди под знаком непрекращающихся политических маневров, ставивших целью заручиться поддержкой для Джона консервативных, либеральных и центристских, или «умеренных», кругов демократической партии. На этих трех китах политического плюрализма ему предстояло въехать в Белый дом. Клан Кеннеди, по сути дела, копировал традиционный американский политический оппортунизм, доведенный Джонсоном до гротеска. Прагматик Джозеф Кеннеди не жалел денег, создавались всевозможные политические орга-

* Джон Ф. Кеннеди был сенатором-демократом от штата Массачусетс. (Прим. ред.)

низации во всех штатах. Их целью было обеспечить Джону голоса делегатов съезда.

Клан завалил Лос-Анджелес книгой Джона Кеннеди «Стратегия мира», его биографией «Профили смелости», в которой центральное место отводилось описанию морской службы Джона во время войны. Джонсон привез из Остина полтонны техасских конфет из сахара и молока. Ему действительно необходимо было подсластить то, что он собирался предпринять.

Рэйборн и Коннэли натолкнулись на мощную машину клана. Большинство делегатов было за Кеннеди, Коннэли прибег к неожиданному маневру: он созвал пресс-конференцию и объявил, что Джон Кеннеди «болен контролируемой, но неизлечимой Аддисоновой болезнью». В ответ Роберт Кеннеди обрушился на Джонсона за то, что последний не отказывается от поддержки лидера профсоюза шоферов и складских рабочих Джимми Хоффы, изобличенного в ходе сенатского расследования, которым руководил Роберт, в связях с организованной преступностью.

Следующий ход был за Джонсоном, настоящим на проведении диспута между ним и Джоном. Большой зал отеля «Билтмор» не мог вместить всех желающих. Вот что услышал о себе «ярчайший светильник надежды» демократической партии. Его послужной список в сенате — это не только частые отлучки, незрелость, неопытность, но и «слабость» в подходе к проблеме гражданских прав негров. Кроме того, когда он, Джонсон, боролся против сенатора Маккарти и всего реакционного маккартизма, Кеннеди отсиживался и прятался. Более того, когда он, Джонсон, вместе с Рузвельтом добивался вступления Америки во вторую мировую войну, его «старик Джо» боролся против этого, ибо он симпатизировал Гитлеру и нацистам. Лицо Кеннеди покрылось потом, руки дрожали. Джонсон перешел к вопросу о религии и дал понять, что католик не подходит на роль президента.

Но, несмотря на все ухищрения Джонсона и К*, лос-анджелесский съезд избрал кандидатом в президенты от демократической партии Джона Кеннеди.

Ко всеобщему изумлению, Джонсон повел себя так, как будто диспута в «Билтморе» и не было. Он потребовал поста вице-президента и заявил, что будет сражаться до последней капли крови и станет вице-

президентом, если даже клан Кеннеди не захочет иметь с ним дело. (Невольно в памяти всплывают слова, которые леди «Берд» Джонсон прошептала убитой горем Жаклин Кеннеди на борту «BBC-1»: «О, Джекки, вы же знаете, мы никогда не стремились стать даже вице-президентом».) Клан сдался, но в процессе борьбы Джонсон и Роберт Кеннеди, который особенно воспротивился идее тихасца, превратились в непримиримых врагов, унеся оба в могилу жгучую неприязнь друг к другу, а по мнению некоторых, даже ненависть.

Так обстоит дело с политическим легитимизмом власти Джонсона, о котором критик мемуаров «Свыигрышной позиции...» Майкл Джейнуй писал: «На сложном фоне подозрений в подтасовке голосов избирателей (сенатские выборы Джонсона.—Прим. авт.), когда воздух отравлен обвинениями в предательстве (убийство Кеннеди в Далласе.—Прим. авт.), когда заговор включает в себя нечто вроде элементов средневекового порядка: политическое убийство, затаивший обиду род и украдкой проводимая война сомнительного происхождения и целей,—говорить о политическом легитимизме столь же уместно, сколь уместно обсуждать подобные вопросы и во времена Макиавелли или Шекспира».

И нужно сказать, что мало ктоставил эти вопросы, пока Джонсон занимал президентское кресло. В первые годы после далласской трагедии почти все ведущие советники и помощники Кеннеди выпустили солидные книги. Но в них сквозили лишь намеки на парадоксальность альянса Кеннеди—Джонсон. Онисыпали похвалами Джонсона за то, что он принес Кеннеди в 1960 году голоса избирателей Юга, что он верой и правдой служил президенту и пр.

Диссонансом прозвучали лишь книги Хейли (1964 год) и доверенного секретаря Кеннеди миссис Эвелин Линкольн. Она выпустила в 1968 году мемуары «Кеннеди и Джонсон», где сообщила, что Кеннеди твердо решил взять вице-президенты на выборах 1964 года другого политика*. Этого опасался и сам

* Эвелин Линкольн выпустила в 1965 г. книгу «Мои 12 лет с Джоном Кеннеди». Ею написана еще одна книга о Кеннеди, которая хранится в тайнике, неизвестном даже ее мужу. По словам Линкольн, эта книга будет издана только после ее смерти, «если что-то не изменится». (Прим. авт.)

Джонсон, когда осенью 1963 года вспыхнул скандал вокруг его бывшего помощника по сенату, бизнесмена Бобби Бейкера. Уличенный во взяточничестве и темных махинациях, он грозил потянуть за собой Джонсона, который, будучи вице-президентом, посещал устроенное Бейкером злачное место в двух часах езды от Вашингтона на берегу Атлантики. Джонсон был убежден, что разоблачение Бейкера — дело рук Роберта Кеннеди, имевшего целью дискредитировать вице-президента и сделать невозможным его пребывание на этом посту.

Да, отношения между кланом и техасцем были крайне сложны. Джейнэй на страницах журнала «Атлантик» в 1972 году предлагал читателям даже гипотезу, что «секретная история» этих отношений еще ждет своего раскрытия. «Это,— пишет он,— секретная история приватных войн Линдона Джонсона с его техасскими избирателями, с семейством Кеннеди, с общественным мнением и с самим собою».

Дело, конечно, не в «приватных войнах», которые вели между собой партнеры по альянсу, хотя значение их мы не собираемся преуменьшать. За этими междоусобными стычками представителей различных монополистических группировок стояли жизненно важные проблемы внутриполитического и международного плана, по которым к осени 1963 года наметились серьезные разногласия внутри правящей элиты Америки.

Подписание Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космическом пространстве (1963 год) вызвало злобный вой американской реакции. Джонсон энергичными действиями способствовал ратификации договора сенатом. Но он же, выполняя волю техасских нефтяников, давил на Кеннеди, стараясь не допустить внесения им законопроекта о сокращении налоговых льгот нефтяным королям, хотя знал, что большинство конгресса «созрело» для этой меры, отражая интересы представителей других сфер бизнеса, которые считали, что у владельцев «черного золота» и без того достаточно сверхприбылей.

Юг Джонсона был недоволен «мягкотелостью» Кеннеди в отношении Латинской Америки, которой президент сулил златые горы своей программой «Со-

юз ради прогресса»*. Особенно же бесила их «пассивность» Кеннеди в отношении «коммунистической Кубы». «Ультра» требовали нового вторжения на Кубу, «закручивания гаек» во всем Западном полушарии. Они считали недопустимыми конфиденциальные попытки Кеннеди добиться нормализации отношений с Кубой. Первый сигнал быть осторожным и «не зарываться» прозвучал, когда осенью 1963 года ЦРУ без ведома Белого дома организовало свержение законно избранного президента Доминиканской Республики Хуана Боша, которого Кеннеди лично поддерживал и ставил как пример демократичности другим правителям Латинской Америки.

Наиболее интенсивные подспудные дебаты шли, однако, вокруг азиатской политики, и в частности политики во Вьетнаме. В своем последнем интервью для журнала «Атлантик» в начале 1973 года Джонсон говорил: «Мы допустили две ключевые ошибки. В начале 60-х годов Кеннеди должен был бы послать во Вьетнам более чем 18 тысяч военных советников. А затем я еще больше ухудшил ситуацию, прождав 18 месяцев, прежде чем направить туда солдат».

Да, Кеннеди не расширил контингента «советников», хотя военные руководители Пентагона настойчиво убеждали его пойти на это. Считая, что вьетнамская проблема должна быть урегулирована политическим путем, Кеннеди приводил различные аргументы, в том числе и советы бывших военачальников Макартура и Риджуэя не повторять войны, которую США вели в Корее. Или аргумент такого рода: как можно оправдать отправку американских солдат на войну в Юго-Восточную Азию, расположенную за девять тысяч миль от США, если нельзя оправдать вооруженное вторжение на Кубу, которая лежит всего лишь в 90 милях от американских берегов? Но аргументы не действовали. Пентагон, вспоминает в своих мемуарах бывший советник президента Кеннеди, историк Шлезингер, предлагал «при случае подвергнуть ядерной бомбардировке Ханой и даже Пекин».

* «Союз ради прогресса» — программа экономической «помощи» США странам Латинской Америки в 1961—1964 гг. Служила средством усиления зависимости латиноамериканских стран от своего северного соседа. (Прим. ред.)

«На одном из заседаний Совета национальной безопасности,— пишет Шлезингер,— генерал Лемнитцер (начальник штаба ВВС. — Прим. авт.) изложил стратегию, в соответствии с которой каждое американское действие будет провоцировать китайское противодействие, вызывая, в свою очередь, еще более решительный американский ответ. Он заключил: «Если мы получим право использования ядерного оружия, мы можем гарантировать победу». Президент невозмутимо слушал, потирая верхний коренной зуб, и ничего не ответил. Через секунду кто-то сказал: «Мистер президент, возможно, вы могли бы попросить генерала объяснить нам, что он имеет в виду под такой победой». Кеннеди что-то пробормотал и закрыл заседание». Позднее он сказал Шлезингеру: «Поскольку он (Лемнитцер. — Прим. авт.) не мог придумать никакого продолжения, он и пообещал нам победу».

«Ядерные милитаристы», как называли американские журналисты лемнитцеров, имели огромную власть в Вашингтоне в годы президента Эйзенхауэра. Поднятые на пьедестал доктриной «массированного возмездия» и политикой «балансирования на грани войны» Джона Фостера Даллеса, они, как указывают американские историки, не имели иных планов ведения войны, кроме как с применением ядерного оружия. И поэтому «ядерные милитаристы» восприняли как удар по своему влиянию провозглашенную новой администрацией демократов «более реалистичную» доктрину гибкого реагирования, которая дополняла потенциал ведения всеобщей ядерной войны потенциалом ведения ограниченных войн — ядерных и обычных*.

Джон Кеннеди немало сделал для военно-промышленного комплекса, при нем США совершили один из мощнейших и дорогостоящих рывков в сфере ракетно-ядерного оружия, при нем были созданы контингенты «противоповстанческих» войск — предшественников нынешних «сил быстрого развертывания». Однако военно-промышленный комплекс в целом и в особенности монополистические группировки юго-западных и западных штатов, обуреваемые не-

* См. подробный критический анализ доктрины гибкого реагирования в кн.: США: военно-стратегические концепции. М.: Наука, 1980.

умолимой жаждой новых прибылей и милитаристских авантюров, были недовольны политикой Кеннеди.

Именно они с вожделением смотрели на богатства азиатского континента.

Если Трумэн, рассуждали они, мог сбросить две атомные бомбы на Японию, то почему бы не сбросить ядерные бомбы на Ханой и Пекин? «Ястребы» не могли простить Трумэну, что он не пустил в ход атомное оружие в Корее, и теперь надеялись с помощью пресловутой эскалации пустить его в ход в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. И при Джонсоне его помощник по национальной безопасности Уолт Ростоу говорил в 1966 году одному из авторов этой книги, что США не исключают возможности применения ядерного оружия во Вьетнаме.

Кеннеди воспринимал «ядерных милитаристов» вполне серьезно. Когда вышел детективный роман Ф. Нибела и Ч. Бейли «Семь дней в мае»* о попытке военного переворота в США, Кеннеди бросил реплику: «Это возможно. Это может случиться у нас в стране. Я знаю парочку таких генералов, которые хотели бы, чтобы у них получилось это». Приведя эти слова в своей книге «Кеннеди», его советник Т. Соренсен писал: «Отношения между начальниками штабов и их главнокомандующим оставались неудовлетворительными в течение почти всего срока пребывания Кеннеди у власти».

Трудно судить, насколько серьезными были эти трения. Во всяком случае Кеннеди поставил между ними и собой своего военного помощника генерала Максуэлла Тэйлора. Он отвечал требованиям обеих сторон, устраивая начальников штабов, поскольку был «ястребом» и по сути дела таким же «ядерным милитаристом», как Лемнитцер (он призывал, например, нанести ядерный удар по Кубе во время Карибского кризиса 1962 года); он устраивал также и президента Кеннеди, разрабатывая вместе с так называемыми «военными интеллектуалами» доктрину гибкого реагирования.

Известно, что вице-президент Джонсон считался ультраправой военной верхушкой своим человеком. Они были убеждены, что с ним им легче ладить. Исто-

* Переведен в Советском Союзе и выпущен Воениздатом.

рия в общем и целом подтвердила их ожидания. И притом с первых же его шагов в Белом доме.

Незадолго до убийства в Далласе президент Кеннеди вопреки протестам генералов принял решение начать вывод американских «советников» из Южного Вьетнама. До конца 1963 года планировалось вывести первые 1.000 человек. К 1965 году президент рассчитывал завершить вывод всех «советников». На следующий день после похорон Джона Кеннеди Джонсон уже отменил приказ о выводе тысячи военнослужащих и отдал другой, конечным результатом которого стало появление в Южном Вьетнаме полумиллиона американских солдат и офицеров.

Историки предостерегают от гаданий, что мог сделать Кеннеди, останься он жив. Правильно, это — бесполезное занятие. Но американцы и по сей день справедливо отмечают, что президентский поезд в результате убийства в Далласе был переведен на другие рельсы. Современная американская большая политика оказалась видоизмененной: угроза политического убийства получила постоянную прописку в «демократическом» обществе, связывая по рукам и ногам трезвомыслящих и реалистически настроенных деятелей. Ведь до чего дошел цинизм: выпущена беллетристическая книга, в которой сенатор Эдвард Кеннеди (под его настоящим именем) погибает в результате политического убийства. Тут уж, простите, как говорится, и ехать дальше некуда!

В статье «Как убийство Джона Кеннеди изменило президентство ...и вашу жизнь» Сандра Стенсел делилась с читателями такими соображениями: «Вероятно, ни одна другая форма домашнего насилия — кроме гражданской войны — не вызывает больше боли и всеобщего ужаса среди граждан, чем убийство уважаемого национального лидера. Убийство, особенно когда жертвой является президент, поражает в сердце демократический процесс. Оно позволяет аннулировать волю народа. Оно отражается на жизни всех людей нации. Мало других событий в современной истории имело такое же воздействие на американцев, как убийство президента Кеннеди. Вероятно, ни одно событие на политической арене со временем японской атаки на Перл-Харбор не затронуло так глубоко общественное сознание».

Историк и журналист Теодор Уайт также не находит другого сравнения и ставит преступление в Далласе в один ряд с Перл-Харбором. «Пятница, 22 ноября 1963 года. Даллас,— писал он в 1965 году в книге «Как создавался президент в 1964 году».— Американская история навечно будет проколота этой кровавой датой. Правительство будет продолжать функционировать; но сейчас, в данный момент, направление его политики было переломлено. Весь следующий год и многие последующие годы американцы будут спорить, каким стало это новое направление». Уайт писал по горячим следам, был только 1965 год, но уже вскоре американцам стало ясно по крайней мере одно: Джонсон беспочвенно присваивал своей политике титул политики Кеннеди — Джонсона.

Уайт высоко отозвался о первом этапе пребывания Джонсона в Белом доме: «...не поддался озлоблению, не начал ловли красных, не предпринял акта возмездия» (против Кубы.— Прим. авт.), «не поколебался и не дал конгрессу или правительству отобрать у него лидерство», «понял, что нация находилась в начальной стадии расового кризиса», «осознал неотложность запутанных международных дел» и пр. В данном списке нас интересует первая «заслуга» Джонсона. Раскрывая ее смысл, Уайт писал, что «Ли Харви Освальд сразу же провозгласил свою лояльность Фиделю Кастро». Ниже мы коснемся версии об этой «лояльности» и вскрывшемся позднее загадочном состоянии повышенной боевой готовности, в котором находились в момент покушения на Кеннеди армейские десантные подразделения во Флориде (до сих пор неизвестно, с какой целью и кем они были приведены в это состояние). Здесь же только отметим: Джонсон мог, но не предпринял «акт возмездия» против Кубы. Американские независимые исследователи высказывают предположение, что одной из целей убийства Кеннеди было спровоцировать «мгновенный реванш за любимого президента». Исключать такую версию не приходится.

Джонсон продолжал лгать в своих мемуарах о прокубинских симпатиях Освальда. Он пишет, что последние годы жизни Освальд «маршировал под знаменем Фиделя Кастро». Далее Джонсон пересказывает версию, созданную черной пропагандой ЦРУ: «...Мы знали рассказы о том, что Кастро, у которого все еще

была жива обида за наше нападение в Заливе свиней и который лишь незадолго до этого обвинял нас в засылке агентов ЦРУ с целью убить его, был инициатором преступного заговора Освальда». Эти «рассказы» якобы были одной из важных причин, почему Джонсон решил создать комиссию Уоррена. Только такая комиссия «могла успокоить нацию». В докладе Освальд был представлен как ни с кем не связанный одиночка. Тем не менее, воспроизведя в своих мемуарах насквозь лживые «рассказы», Джонсон продолжал лить воду на мельницу ЦРУ.

Следует иметь в виду «дьявольский характер» Джонсона, как писал о нем техасский историк Хейли, чтобы понять неожиданный ход, сделанный им в 1967 году. Через свое доверенное лицо, заместителя директора ФБР Карта де Лоача (у них в спальнях стояли прямые телефоны друг к другу), Джонсон пустил слух, что в заговоре против Кеннеди было замешано... ЦРУ. Симбиоз двух противоположных версий содержится в статье бывшего сотрудника Белого дома, публициста Лео Джаноша «Последние дни президента», которая появилась уже после смерти экс-президента в июльском номере журнала «Атлантик» за 1973 год. В основе ее лежало последнее интервью Джонсона.

За кофе разговор у Джаноша и Джонсона зашел о президенте Кеннеди, и Линдон выразил убеждение, что убийство в Далласе было составной частью заговора.

— Я, — сказал экс-президент, — никогда не верил, что Освальд действовал в одиночку, хотя я могу допустить, что именно он нажал на спусковой курок.

Джонсон сказал далее, что когда он пришел к власти, то узнал, что «мы содержали в Карибах проклятую «Корпорацию Убийство» (“We had been operating a damned Murder Inc. in the Caribbean”). За год до смерти Кеннеди связанная с ЦРУ команда убийц была арестована в Гаване. Джонсон, утверждал Джанош, не исключал мысли, что в Далласе отплатили за эту сорванную попытку убийства Кастро, хотя экс-президент не мог доказать этого.

В этом весь макиавеллизм Джонсона. Итак, «мы», то бишь правительство, а еще точнее братья Кеннеди, орудовали в Карибах руками некоей «Корпорации Убийство», а он, Джонсон, ничего не знал и не подозревал до самого судного дня своего предшественника.

Первые планы покушения на Кастро были разработаны ЦРУ еще в последний год пребывания у власти Эйзенхауэра, затем они были запрещены Джоном и Робертом Кеннеди. Вопреки запретам Центральное разведывательное управление продолжало готовить покушения без ведома братьев Кеннеди. Это доказано бывшими советниками и помощниками покойного президента и подтверждено в середине 70-х годов комиссией сената по изучению деятельности разведывательных органов (комиссия Черча). Однако противники Кеннеди и по сегодняшний день продолжают муссировать версию, что братья Кеннеди санкционировали попытки покушений на лидера кубинской революции и в отместку был убит американский президент.

Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс уже после смерти Джонсона, приглашавшего его частенько на ранчо, сообщил, что по заданию президента он составил 150-страничный портрет «Корпорации Убийство». Джонсон прочитал резюме доклада и приказал все засекретить. Попытки дотошных washingtonских журналистов разнюхать, что было в том докладе (если он действительно был и есть), успеха не приносят. Но ясно, кого имел в виду президент, когда он предложил убийственный термин «Корпорация Убийство»: мафию, кубинских контрреволюционеров, убийц из фашистских стран Центральной Америки и Карибского бассейна и, наконец, ЦРУ, управляющее ими. Большого секрета Джонсон не открыл, ему мы только обязаны метким определением.

Внимательное чтение пассажа из статьи Джаноша показывает, однако, что слова Джонсона были подобраны и построены так, что они не исключают иного толкования, а именно: Освальд мог быть орудием «Корпорации Убийство». Экс-президент словно страховался на тот случай, если будет доказано именно это. И строил он свою страховку не на пустом месте. К тому времени, как он давал свое последнее интервью, накопилось множество фактов, которые показывали связи Освальда и с ЦРУ, и с военной разведкой, и с кубинскими контрреволюционерами, и с мафией. Еще больше фактов такого рода было обнаружено в 70-е годы.

ЧЕРНАЯ ПРОПАГАНДА ЦРУ

Вскоре после убийства президента на имя Роберта Кеннеди пришло письмо из Гаваны от некоего Марио де Росарио Молина. В нем говорилось: «Ли Харви Освальд убил президента Кеннеди по указанию Педро Чарльза, кубинского агента». Сообщалось, что этот Чарльз встречался с Освальдом в начале 1963 года в Майами и уплатил ему 7 тысяч долларов. 28 ноября 1963 года на далласский адрес Освальда пришло письмо из Гаваны от... Педро Чарльза, в котором содержалось напоминание, что Освальд получил деньги за «выполнение задания, связанного с точной стрельбой». Приходится удивляться топорной работе тех, кто оформлял письма Чарльза и де Росарио. Оба были напечатаны на одной машинке, к тому же Освальд никогда не был в Майами.

Следующим ходом заговорщиков было появление на арене «известного никарагуанского коммуниста», который явился в посольство США в Мексике и заявил, что он передал Освальду 6.500 долларов во время их встречи в кубинском консульстве в Мехико. Сведения о том, что «никарагуанским коммунистом» был некий Джильберто Альварадо Угарте, поступили от агентов ЦРУ в Манагуа в ответ на запрос резидентуры ЦРУ в Мехико. В донесении Центрального разведывательного управления Белому дому никарагуанец характеризовался как «очень серьезный человек, который убежден в том, что говорит». Эта история, названная рассказом «Д», не произвела большого впечатления даже на комиссию Уоррена, тем не менее именно ее имел в виду Джонсон, когда писал в мемуарах о «рассказах» относительно причастности Кубы к заговору против Кеннеди. Финалом рассказа «Д» явилось

разоблачение Альварадо как агента никарагуанской секретной службы.

Но все эти махинации блекнут по сравнению с поистине иезуитской операцией ЦРУ, цель которой — создать впечатление о мести Кубы братьям Кеннеди.

За три недели до преступления в Далласе произошла очередная встреча между вставшим на путь предательства своей родины кубинцем Роландо Кубеласом Секадес и «личным представителем Роберта Кеннеди», «высокопоставленным американским сенатором», который пожелал сохранить в тайне свое имя. Роберт Кеннеди ничего не знал ни о встрече, ни о том, что «сенатор» выступает от его имени. Речь шла об организации покушения на Кастро. «Сенатор» вручил кубинцу шариковую ручку, заряженную отравленной пульей, и подчеркнул, что покушение на Кастро санкционировано Р. Кеннеди. Встреча происходила в Париже. Она повторилась там же 22 ноября, в день убийства президента. Сейчас известно, что под маской «высокопоставленного сенатора» выступал начальник Специальной кубинской группы ЦРУ Десмонд Фитцджеральд. Во второй раз он требовал ускорить покушение на Кастро. В 1966 году кубинская контрразведка арестовала Кубеласа. Многое прояснилось.

Вскоре по удивительному «совпадению» скоропостижно скончался на теннисном корте в Вашингтоне Фитцджеральд, ставший к тому времени начальником Директората тайных подрывных операций, заместителем директора ЦРУ. Фитцджеральду было немногим более 50 лет, он был одним из лучших теннисистов-любителей Вашингтона, играл по два-три часа в самую жаркую и влажную погоду. Составители некрологов в «Вашингтон пост», «Вашингтон ивнинг стар» и «Вашингтон дейли ньюс» были в полном недоумении, вопрошая лишь, как такое могло случиться. Но в Америке все может случиться. Фитцджеральд много, слишком много знал...

Летом 1978 года в Гаване во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов состоялся Международный суд «Молодежь обвиняет империализм». Выступая на IV заседании суда, Идальберто де Гевара Кинтана (ныне Генеральный прокурор Республики Куба) сделал подробный анализ операций официального Вашингтона, направленных на то, чтобы обвинить

кубинскую революцию в участии в убийстве президента Кеннеди. ЦРУ, по его словам, распускает слухи о том, что заключенный Роландо Кубелас Секадес был «двойным агентом». Он, согласно версии, сфабрикованной ЦРУ, якобы информировал кубинские власти о планах покушения на жизнь высшего руководителя революции, и в отместку Куба решила организовать убийство Кеннеди.

Было несколько причин, почему в середине 70-х годов ЦРУ, молчавшее до тех пор о Кубеласе, решило сделать из него «двойного агента», встречавшегося с «личным представителем Роберта Кеннеди». В тот период появились данные о возможной причастности к убийству президента двух агентов ЦРУ — Ханта и Стэржиса. Американская общественность была возмущена связями разведки с мафией. Наконец, Центральное разведывательное управление было уличено в убийствах и попытках убийства иностранных лидеров. Чтобы отвлечь внимание от сенсационных разоблачений, специалисты по черной пропаганде ЦРУ и взялись за старое в несколько подновленном варианте.

Эта новая махинация американской разведки, указывал И. де Гевара Кинтана, преследует цель преднамеренно помешать расследованию и не допустить выявления подлинных инициаторов и исполнителей преступления в Далласе, а также одновременно еще раз попытаться связать Кубу с убийством президента США. Он также проанализировал мотивы клеветнической кампании, начавшейся сразу после убийства Кеннеди. Могущественные круги в США попытались сфабриковать версию о международном левом заговоре с целью убийства президента Кеннеди, в котором Куба играла якобы определяющую, главенствующую роль. Для того чтобы представить Ос瓦льда как исполнителя плана, разработанного правительством Кубы, указал И. де Гевара Кинтана, была разыграна сложная шпионская операция. Были состряпаны данные, чтобы связать с Кубой Освальда, который «с 1958 года был агентом ЦРУ».

Американская разведка рассчитывала добиться «окончательных результатов в борьбе с кубинской революцией». Если бы ей удалось «продемонстрировать» виновность Кубы в смерти президента Кеннеди, тогда любая акция, в том числе и прямая агрессия

против нашей страны, сказал И. де Гевара Кинтана, была бы полностью оправдана. Но несостоятельность фальшивых доказательств, с помощью которых ЦРУ пыталось инкриминировать Гаване участие в этом преступлении, обязательство США не вторгаться на Кубу, решимость кубинского народа любой ценой защитить революцию и новое соотношение сил на мировой арене явились факторами, сорвавшими агрессивные планы против кубинского народа. Имеющиеся сведения и данные различных расследований, продолжал он, заставляют предположить, что убийство президента США являлось центральным пунктом заговора, организованного могущественными политическими и экономическими силами Америки, представителями самых реакционных кругов, несогласных как с внешней, так и внутренней политикой Кеннеди. Несмотря на то что эта политика не означала какого-либо коренного отхода от целей капиталистической системы США, в определенном смысле проведенные изменения затрагивали интересы некоторых американских монополий (в частности, военно-промышленного комплекса и нефтяных корпораций), контрреволюционеров кубинского происхождения, мафии и в особенности ЦРУ.

В истории с Кубеласом проступает еще один подозрительный момент. Бывший советник президента Кеннеди, историк Шлезингер указывает, что ЦРУ не было посвящено в переговоры, которые проводились по указанию Белого дома с кубинцами. Однако в Лэнгли узнали об этом. Вот почему, подчеркивает Шлезингер, «вся история с Кубеласом вызывает такое сильное беспокойство. ЦРУ приняло поистине экстраординарное решение готовить покушение (на Фиделя Кастро. — Прим. авт.) в тот момент, когда Джон Кеннеди рассматривал возможность нормализации отношений с Кубой». Узнав об этих намерениях, говорит бывший посол Уильям Эттвуд, «наиболее безрассудные элементы в ЦРУ» вместе с кубинскими эмигрантами «могли предпринять такой бешеный акт насилия, как убийство президента».

Один из лидеров кубинских контрреволюционеров Марио Коли в ответ на вопрос журналистов, кто мог убить Кеннеди, ответил так: «Можно предположить, что убийство было совершено антикастровским движением... Если бы потом можно было возложить вину за

убийство президента Кеннеди на Гавану и вызвать негодование американского народа, наше движение получило бы больше поддержки в США, которая была необходима, чтобы взять назад власть на Кубе. Другими словами, американцы поддержали бы либо новое вторжение на Кубу, либо сами пошли бы на интервенцию против острова». Комментируя такие высказывания, многие американские журналисты призывают не забывать, что действиями антикастровцев всегда руководило ЦРУ.

Возвращаясь к Кубеласу, отметим, что его посетили в тюрьме представители СКРУ, а также английский журналист Энтони Саммерс — автор книги «Заговор», анализирующей роль американской разведки в убийстве Кеннеди.

Не имея на то никаких фактов, СКРУ воспользовалась встречей с Кубеласом как поводом, чтобы повторить инсинуированные намеки на «возможное кубинское участие в убийстве (Кеннеди) как в акте возмездия». Специальная комиссия обошла стороной вопрос, с какой целью ЦРУ приказали своему представителю выдать себя за уполномоченного Р. Кеннеди.

И наоборот, Саммерс обращает внимание именно на это обстоятельство. Он анализирует показания в СКРУ бывшего непосредственного начальника Фитцджеральда — Хелмса, занимавшего в 1963 году пост начальника Директората тайных подрывных операций и заместителя директора ЦРУ, и заключает, что оба они, видимо, принадлежали к той «фракции» в Центральном разведывательном управлении, которая стремилась любыми средствами сорвать предпринимавшиеся Кеннеди шаги по ослаблению международной напряженности.

Весьма заметной фигурой в этой «фракции» был один из ведущих специалистов ЦРУ в области черной пропаганды Дэвид Этли Филлипс. Выйдя в 1975 году в отставку с поста начальника управления Западного полушария Директората тайных подрывных операций, он создал Ассоциацию отставных офицеров разведки, примкнувшую в своей деятельности к самым ультраправым организациям, борющимся против разрядки и международного сотрудничества. В 1977 году Филлипс опубликовал свои мемуары «Ночное бдение», сообщив в них, что из 25 лет службы в разведке он большую

часть времени занимался пропагандистскими операциями. В 1954 году на него было возложено руководство «психологической войной» против законного правительства Гватемалы во главе с Гусманом Арбенсом. В ходе военного переворота, спланированного ЦРУ, радиостанция Филлипса «Голос освобождения» стремилась посеять панику в войсках Арбенса, передавая сообщения о вымышленных боях, об атаках мятежников в ложных местах и т. п. В 1961 году Филлипс руководил черной пропагандой во время вторжения наемников ЦРУ на Кубу. Но на сей раз его «Радио Суон» успеха не имело.

Черная пропаганда — это ударное оружие в руках стратегов «психологической войны». Она предполагает распространение фальшивок, приписываемых ничего не подозревающим лицам, организациям, правительствам; она строится на вымысле, включающем для «удобоваримости» отдельные правдивые и полуправдивые сведения. Цель дезинформации — создать предлог для опасных действий против тех, кому она приписывается, спровоцировать конфликт.

На Филлипса падает подозрение как на руководителя черной пропаганды, которая, как указывал И. де Гевара Кинтана, должна была обеспечить фальшивые доказательства, инкриминирующие Кубе участие в убийстве Кеннеди. Дезинформаторы имели задание вылепить из Освальда образ «марксиста», «сторонника Кастро», человека «левых» взглядов. Освальд выписывал газету американских коммунистов «Уоркер»*, не упускал возможности порассказать, что он читает марксистскую литературу, разучивал «Интернационал».

В Новом Орлеане Освальд словно напоказ выставлял свои симпатии к революционной Кубе. В Далласе он якобы участвовал в покушении, хотя и неудачном, на отставного генерала Э. Уокера, получившего общегосударственную известность своими фашистскими замашками. В первом случае Освальд делал все сам, хотя и нет свидетельств, что ему были известны истинные цели этого маскарада. Во втором случае покушение на Уокера было приписано Освальду, когда последнего не было уже в живых.

* Ныне — «Дейли Уорлд». (Прим. ред.)

Американские независимые расследователи задаются вопросом, знал ли Освальд, что у него был двойник, который действовал таким образом, чтобы, в частности, оставить у свидетелей воспоминание о себе как о человеке, готовящемся совершить покушение. Профессор философии Калифорнийского университета Ричард Попкин выпустил книгу «Второй Освальд», в которой он подробно анализирует проблему двойника. Похоже, пишет ученый, что Освальд не подозревал, что делалось у него за спиной. Вместе с тем Попкин не исключает возможности, что реальный Освальд был посвящен в игру с двойником и даже участвовал в ней.

Зафиксировано по меньшей мере 14 эпизодов за шесть дней осени 1963 года, когда Освальда одновременно видели в разделенных значительным расстоянием точках. При этом тот Освальд, который по всем приметам был «поддельным», делал заявления о своем намерении убить президента. Двойник упражнялся в стрельбе на платном полигоне, вел себя там нарочито вызывающе, чтобы его запомнили. Он отдавал в одну из далласских оружейных мастерских винтовку типа «маузер» для оснащения ее оптическим прицелом. У оружейного мастера сохранилась бирка с фамилией «Освальд», но ФБР не пожелало расследовать данный эпизод.

Кстати, по описаниям свидетелей, таинственный человек, посещавший стрельбище и оружейную мастерскую, имел большое сходство с Освальдом. Но он выдал себя тем, что разъезжал в автомобиле, а комиссия Уоррена утверждает, что у Освальда не было водительских прав, что он не владел машиной и не заимствовал ее у других лиц.

Бывший юрист консультант комиссии Уоррена Дэвид Слоусон утверждает, что ни он, ни его коллеги якобы не знали о проблеме двойника: «Я не знаю, куда бы привела нас информация о двойнике, возможно, никуда. Но суть в том, что мы не знали о нем. И почему? Можно допустить, что это дело было как-то связано с ЦРУ... Оно предпринимало мощные усилия, чтобы скрыть все, что касалось своего ведомства. Возможно, и в проблеме двойника не обошлось без участия ЦРУ, хотя я высказываю лишь предположение».

Наряду с человеком, который имел определенное сходство с Освальдом, в качестве двойника действовал

и совершенно непохожий на него субъект. Так было в столице Мексики — Мехико. Американские независимые расследователи допускают, что в Мехико могли быть либо настоящий Освальд и непохожий на него человек, либо двойник Освальда и лицо, выдававшее себя за подлинного Освальда.

Комиссия Уоррена признала за факт пребывание Освальда в Мексике в течение недели. Она не задавалась вопросами, почему он ездил туда и на какие средства. В докладе комиссии отмечается: «...нет заслуживающих внимания данных, что он находился в Мексике в связи с планом убийства президента Кеннеди». Таким образом, комиссия, не имея «заслуживающих внимания данных», говорила одно, а ЦРУ и Джонсон на основе «слухов» и «рассказов» гнули свою линию — поездка Освальда в Мехико была частью «кубинского заговора».

Эусебио Аске Лопес, занимавший в сентябре 1963 года должность консула Кубы в Мехико, выступая на IV заседании Международного суда «Молодежь обвиняет империализм», подробно рассказал о двух посещениях консульства американцем, назвавшимся Освальдом. 27 сентября 1963 года он обратился за визой для поездки на Кубу, предъявив документы, которые якобы свидетельствовали о его принадлежности к Коммунистической партии США и к американскому Комитету за справедливое отношение к Кубе. Он настойчиво просил и даже требовал от Аске ускорить процедуру выдачи визы.

На следующий день он явился вновь, пришел в раздражение из-за того, что необходимо ждать разрешения на визу из МИД Кубы, повышенным тоном обвинил кубинских служащих в бюрократизме и с ворчанием ушел, хлопнув дверью. Когда Аске, по его словам, посмотрел киножурнал с сюжетом об убийстве Освальда Джеком Руби, он смог заметить, что жертва нисколько не походила на посетителя консульства. Впоследствии он утвердился в своем мнении, увидев на переданной в комиссию Уоррена фотографии человека, запрашивавшего визу в консульстве: он абсолютно не был похож на настоящего Освальда.

Никаких объяснений, почему после второго визита у посетителя пропал интерес к поездке на Кубу, нет. Но причины были, видимо, веские. Ведь поначалу

«Освальд» заполнил анкеты, представил фото и т. д. Можно высказать, конечно, предположение, что существовал расчет на психологическое воздействие «документов» о принадлежности к Компартии США, заявлений «Освальда», что он проживал ранее в Советском Союзе и женат на бывшей советской гражданке. Такое воздействие, могли надеяться стоявшие за «Освальдом» лица, ускорило бы выдачу визы и одного этого, вероятно, было достаточно заговорщикам, чтобы потом продемонстрировать «доказательство» связей с Кубой.

В тот период времени, когда явно непохожий на Освальда его двойник посещал кубинское консульство в Мехико, в резидентуре ЦРУ в мексиканской столице служил Филлипс. Из его мемуаров «Ночное бдение» мы узнаем, что в телеграмме от 10 октября 1963 года, направленной агентами ЦРУ в Мексике по трем адресам — ФБР, государственный департамент и разведка ВМС (учитывая то, что Освальд служил в Корпусе морской пехоты), — сообщалось о посещавшем кубинское консульство «американце Ли Генри Освальде (второе имя было указано ошибочно вместо Харви), около 35 лет, атлетического сложения, ростом около шести футов, с редеющими волосами». Освальду не было 24 лет, он был худощав, имел рост пять футов девять дюймов (1 фут = 0,303 м, 1 дюйм = 2,62 см).

Посмотрим, как Филлипс пытается объяснить поразительное отсутствие сходства между настоящим Освальдом и человеком атлетического сложения, о котором сообщало ЦРУ. В резидентуре ЦРУ в Мехико работал офицер под кодовым именем «Крэйг» (когда Филлипс и его коллеги не хотят, чтобы их заявления проверяли, они не дают настоящие фамилии сотрудников ЦРУ; когда их свидетели надежны и говорят то, что от них требуется, тут обходятся без псевдонимов). Жена «Крэйга» также работала в резидентуре, и именно на ее «неопытность» сваливает Филлипс ошибку в описании Освальда. Если произошла ошибка, то кто же был тогда мужчина «атлетического сложения»? «Таинственный человек» — так фигурирует он в мемуарах «Ночное бдение». Им мог быть, читаем мы, «любой американский или советский моряк с судна, бросившего якорь в одном из мексиканских портов».

Филлипс утверждает, что, «перерыв сотни фотографий, сделанных у кубинского консульства», в резидентуре ЦРУ в Мехико не обнаружили ни одной фотографии Освальда. Он или вводит читателя в заблуждение, или имеет в виду фотоснимок реального Освальда. Ибо вместе с телеграммой в ФБР было послано несколько «фотографий Освальда» в Мехико. Не разобравшись в хитросплетениях, созданных родственной спецслужбой, ФБР в порядке опознания показало их матери Освальда, когда он находился в руках далласской полиции, и другим лицам, знаявшим «убийцу» президента. Разумеется, мать Освальда сразу же заявила, что на фотографии изображен не ее сын. Позднее, когда факт попыток опознания скрыть было невозможно, ФБР вынуждено было предоставить один фотоснимок комиссии Уоррена, произведя вместе с ЦРУ предварительную его обработку, убрав весь фон в «интересах сохранения в тайне методов разведывательной съемки». Этот документ так и значится как «фотоснимок таинственного человека».

Если верно предположение английского журналиста Саммерса, что к убийству президента Кеннеди была причастна какая-то «фракция» в ЦРУ (убежденность в этом высказывали также новоорлеанский прокурор Гаррисон и др.), то напрашивается, на наш взгляд, ответ на загадочный вопрос (который якобы не может разрешить Филлипс): куда девались снимки реального Освальда в резидентуре ЦРУ в Мехико, если таковые там имелись. Снимки могли быть уничтожены «фракцией», дабы не давать объяснений высшему начальству американской разведки. Ведь, еслипомнит читатель, директор ЦРУ Маккоун считался другом Роберта Кеннеди.

Публицист и писатель Тэд Шульц, в прошлом обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» по Латинской Америке, доверенное лицо президента Кеннеди, выпустил в середине 70-х годов книгу «Неистовый шпион». Это — биография матерого американского шпиона Ханта. Вместе с Филлипсом он участвовал в гватемальской и кубинской операциях, они были близкими друзьями и единомышленниками. Шульц раскрыл любопытную главу в жизни Ханта. Два месяца перед убийством Кеннеди он исполнял обязанности резидента ЦРУ в Мексике. Гаррисон со своей стороны указы-

вает, что в ЦРУ имеется фотоснимок Ханта и настоящего Освальда в Мексике. Показательно, что Филлипс в своих мемуарах весьма неуверенно пытается опровергнуть утверждение Шульца о том, что Хант в течение двух месяцев возглавлял резидентуру ЦРУ в Мексике.

Видимо, «фракция» действительно делала все, чтобы замести следы. Американская разведка имела подслушивающую аппаратуру в здании кубинского консульства в Мехико*. Был записан на пленку разговор человека, который выдавал себя за Освальда, настойчиво и нервно требуя предоставить ему визу на Кубу. В 1978 году на просьбу СКРУ дать ей для прослушивания соответствующую магнитофонную пленку Филлипс ответил, что «это невозможно, так как пленка была уничтожена через неделю после отъезда Освальда из Мехико».

Ответ Филлипса был явной ложью. У СКРУ было заявление ФБР, что спустя семь с лишним недель после того как была сделана запись, сотрудники бюро, прослушав ее, пришли к выводу, что говоривший не был Освальдом. Директор ФБР Гувер писал: «Специальные агенты нашего бюро разговаривали с Освальдом в Далласе, видели фотографии вышеупомянутого человека («тайного человека») и прослушали магнитофонную запись его голоса. Эти специальные агенты пришли к выводу, что вышеупомянутое лицо не было Ли Харви Освальдом».

Филлипс вызвал подозрение ряда членов СКРУ увиливающими ответами на многие вопросы, связанные со всей историей пребывания Освальда в Мехико. Но не только этим.

Филлипс на некоторые задания выходил как «Морис Бишоп», «мистер Бишоп» или просто «Бишоп».

* В ходе Международного суда «Молодежь обвиняет империализм» кубинский инженер, специалист по электронике Нильвио Лабрада Висент зачитал техническое заключение о секретных подслушивающих устройствах, установленных ЦРУ в помещениях консульства и посольства Кубы в Мехико. В консульстве, в частности, в телефонной розетке был установлен миниатюрный, очень чувствительный микрофон, «засекавший» разговоры на расстоянии до шести метров и передававший их по телефонной линии, когда телефонная трубка опущена, на дистанцию более одного километра. Радиоприемные устройства с телеуправлением были обнаружены в креслах и т. д.

Это подтвердил его бывший заместитель Даг Гуптон, который частенько называл своего босса «мистер Бишоп». Поскольку в английском языке слово «бишоп» означает шахматную фигуру — слона, высказывается предположение, что этим был обусловлен выбор конспиративного прозвища. Данное предположение приобретает в глазах американских независимых следователей и Сammerса особый смысл ввиду того, что Хант, который осенью 1963 года в течение двух месяцев, как помнит читатель, исполнял обязанности резидента ЦРУ в Мексике, имел псевдоним «Найт» (шахматный конь).

В ходе работы СКРУ в печать просочились сообщения, что комиссия склоняется к следующему выводу: заговор против Кеннеди мог быть делом рук либо представителей мафии, либо кубинских контрреволюционеров, либо тех и других, но без участия ЦРУ. Такой поворот не вызвал восторга у кубинских эмигрантов и в особенности у бывшего главаря террористической банды «Альфа-66» Антонио Весиана. Это была одна из самых ультрареакционных группировок. Вопреки запрету, введенному осенью 1963 года братьями Кеннеди в отношении налетов на суда с грузами для Кубы, она продолжала творить свое черное дело. Испугавшись, что это может обернуться в конце концов судом и наказанием, Весиана заявил на закрытых, а потом и открытых слушаниях в СКРУ, что он совершал налеты по приказу агента ЦРУ «Бишопа» и однажды «Бишоп» познакомил его с Освальдом.

Это переполошило членов и сотрудников специальной комиссии. Филлипс, разумеется, отрицал, что он — «Бишоп». СКРУ не поверила ему, большинство ее членов склонялись к мнению, что Филлипс и «Бишоп» — одно и то же лицо. Характеризуя поиски «Бишопа», английский журналист Сammerс пишет, что СКРУ натолкнулась в ЦРУ на информационную пустыню и джуングли дезинформации.

Итак, если один член «фракции» (или «клики», как еще ее называют независимые следователи) Фитцжеральд умер на теннисном корте, а «слон» Филлипс, возглавляя Ассоциацию бывших сотрудников разведки, по-прежнему занимается черной пропагандой, то что можно сказать о «коне» Ханте? Очень много, но ограничимся главным.

ГОВАРД ХАНТ

Об этом человеке мало кто знал до уотергейтского скандала, который привел к отставке президента Ричарда Никсона в 1974 году. Хант был одним из руководителей пресловутой группы «ремонтников» или «водопроводчиков», попавших на скамью подсудимых за совершение «брейк-ин» — проникновения (со взломом двери) в штаб-квартиру национального комитета демократической партии, находившуюся в здании отеля «Уотергейт» на берегу Потомака*.

Хант был ярым поклонником и последователем покойного ультрапроявленного сенатора Маккарти, давшего жизнь печально знаменитому «маккартизму**». Другом Ханта был крестный отец его четырех детей, владелец ультраконсервативного журнала «Нэшнл ревю», идеолог «ястребов», публицист, телекомментатор, миллионер Уильям Бакли — бывший агент ЦРУ в Мексике.

Все 25 лет работы в ЦРУ Хант занимался «грязными трюками», как окрестили американские журналисты деятельность Директората тайных подрывных операций. Но у него хватало времени, чтобы писать. Он опубликовал 46 детективных шпионских романов под псевдонимами — Роберт Дитрих, Джон Бакстер, Гордон Дэвис и Дэвид Сейнт Джон. Американские критики придерживались весьма невысокого мнения о

* Подробнее о роли Ханта в уотергейтском деле см. кн.: Лосев С., Петрусенко В. Преступление без наказания. М.: Советская Россия, 1981, с. 58—80.

** «Маккартизм» — реакционное политическое течение в США в начале 50-х гг. Цель — разгром компартии, всех прогрессивных и демократических сил Америки, развязывание гонки вооружений и «холодной войны». (Прим. ред.)

произведениях указанных четырех авторов и до уотергейтского скандала не подозревали, кто в действительности их сотворил. Зато они пользовались успехом у Хелмса, занявшего в 1966 году кресло директора ЦРУ. Он обожал сочинения своего подчиненного и отдавал ему пальму первенства в жанре шпионского детектива. Уже в тюрьме за уотергейтский «брейк-ин» Хант выпустил под своей фамилией «Автобиографию» и книгу «Пошли нам сей день» о провалившемся вторжении на Кубу в апреле 1961 года.

Когда на Ханта пало подозрение, что он находился в районе Дили-плаза во время убийства Кеннеди, ему задали вопрос, что он делал в тот момент. Вначале он говорил, что был где-то в Вашингтоне, но где, не может припомнить. Затем он припомнил: у него был ленч с сотрудниками ЦРУ и Пентагона, но теперь те не могли вспомнить такого события. В тот день его не было в центральной штаб-квартире в Лэнгли под Вашингтоном. Согласно справке ЦРУ, он отсутствовал «вероятно, ввиду отпуска по болезни». Наконец Хант заявил, что был дома с женой (Дороти Хант, также агент ЦРУ, погибла при загадочных обстоятельствах в разгар уотергейтского скандала).

Три американских независимых следователя получили в 1975 году из Мексики фотокопии письма Освальда Ханту. Специалисты подтвердили, что это был почерк Освальда. Он писал: «Дорогой мистер Хант. Меня интересует информация относительно моего положения. Я прошу только об информации. Я прошу, чтобы мы обсудили вопрос полностью, прежде чем я или кто-либо еще предпримем шаги. Благодарю Вас, Ли Харви Освальд». Письмо было датировано 8 ноября 1963 года. До покушения на Кеннеди оставалось 2 недели.

ЦРУ поспешило пустить слух, что письмо было адресовано техасскому миллиардеру-нефтянику Г. Л. Ханту, который к этому времени умер. Сыновья Ханта категорически отвергли этот домысел и заявили, что любое расследование может установить, что между покойным миллиардером и Освальдом не было никаких связей.

А как объяснить появление письма Освальда? Вероятно, противники бывшей антикеннедиевской «фракции» внутри ЦРУ решили подать сигнал: подозревая,

что Хант присутствовал на месте преступления в Далласе, независимые расследователи стоят на правильном пути.

Проводившиеся в 1975 году расследования деятельности ЦРУ двумя комиссиями конгресса явились во многом результатом того, что некоторые молодые сотрудники ЦРУ, не согласные с наиболее одиозными и преступными методами террористической деятельности американской разведки за рубежом и внутри страны, тайно снабжали журналистов разоблачительными материалами. К самым преступным акциям относились и «грязные трюки» Ханта и его друзей. Установлено, что именно Ханту принадлежит первоначальная идея организовать убийство Кастро, чего он, кстати говоря, не скрывает, рассказывая об этом на страницах своей книги «Пошли нам сей день»*. Именно Хант сфабриковал на основе документов государственного департамента две телеграммы, «доказывающие», что южновьетнамский марионеточный президент Нго Динь Дьем и его брат были убиты по личному приказу президента Кеннеди.

Наконец, известный американский писатель Гор Видал, проведя сопоставительный литературный анализ «Дневника Освальда», который тот якобы вел в Советском Союзе, «Дневника Сирхана» — убийцы Роберта Кеннеди и детективных романов Ханта, пришел к мнению, что записи Освальда и Сирхана могли быть творением Ханта. Теперь о главном.

...Через несколько минут после того как прозвучали выстрелы на Дили-плаза, на соседней сортировочной станции диспетчеру Лео Бауэрсу показалось, что какой-то человек шмыгнул в товарный поезд. Он остановил этот порожняк и вызвал полицию, которая сняла с поезда трех мужчин. В доклад комиссии Уоррена они вошли под наименованием «бродяги».

Свидетели видели, что по направлению к железнодорожным путям убегали люди от травянистого бугра, где, как установили акустики СКРУ, прятался убийца, стрелявший в Кеннеди спереди. В ту же сторону побежал неизвестный человек, выскочивший пулей из двери черного хода склада школьных учебников через мину-

* В 1971 году Хант настойчиво рекомендовал своему начальству организовать убийство главы правительства Панамы Омару Торрихоса Эррера. (Прим. авт.)

ту после выстрела. О нем пытался дать подробные показания свидетель Джеймс Уоррел. Но комиссия Уоррена не захотела слушать его.

Бауэрс и Уоррел рассматривались независимыми следователями как одни из наиболее ценных свидетелей. Может быть, поэтому в ноябре 1966 года Уоррел погиб в автокатастрофе, а тремя месяцами раньше разбился Бауэрс, врезавшись на автомобиле в бетонный борт моста. Зная, каким прекрасным зрением обладал диспетчер, его врач промолвил: «Никогда не встречался с таким случаем — бедняга был в каком-то шоковом состоянии».

Эти два свидетеля были опасны. Уоррел, например, мог бы опознать в одном из «бродяг» человека, выбежавшего из задней двери склада. Бауэрс хорошо запомнил всех троих.

Поразительная вещь: 22 ноября 1963 года полиция и ФБР составили картотеку почти на 130 свидетелей преступления века с фамилиями, адресами, телефонами. Но никаких данных о «бродягах», если верить блюстителям порядка, зафиксировано не было.

Их привели к начальнику уголовного розыска далласской полиции капитану Фритцу. Спустя много лет на вопрос журналистов, какова их судьба, Фритц ответил, что «бродяг» ему якобы не передавали и «о них известно только ФБР». Бывший начальник уголовного розыска далласской полиции выглядел явно напуганным, когда ему задавали, казалось бы, самые невинные вопросы о трех «бродягах».

И все же сохранились следы их пребывания в Далласе. Да еще какие! Фотокорреспондент далласской газеты сделал снимки «бродяг», конвоируемых полицейскими.

Комиссия Уоррена не проявила к ним никакого интереса, поскольку запечатленных на них людей «никто не знал».

Иным было отношение к снимкам у новоорлеанского прокурора Гаррисона. «Через несколько минут после убийства (Кеннеди. — Прим. авт.), — пишет он в своей книге «Каменное наследство», — несколько человек за травянистым бугром были арестованы далласской полицией. Были сделаны фотоснимки этих людей, конвоируемых полицейскими в здание судов и отдела уголовного розыска полиции (где находился капитан

Фритц. — Прим. авт.), но, несмотря на это, официальная версия гласит, что, кроме Ли Харви Освальда, никто в тот день вблизи от места убийства не был арестован. На самом деле по меньшей мере девять человек были арестованы. За исключением одного человека, все они после ареста Освальда были потихоньку отпущены».

Именно в середине 1967 года, когда новоорлеанский прокурор Гаррисон начал розыск «бродяг», ЦРУ, указывают независимые следователи, предприняло «концентрированные усилия, чтобы сорвать его следствие».

В этом плане довольно подозрительно выглядят действия одного из создателей «Национального комитета по расследованию убийств» Ричарда Э. Спрайга — однофамильца Ричарда Спрайга, филадельфийского окружного прокурора, первого административного директора СКРУ. Инженер Ричард Э. Спрайг был известным специалистом в области компьютерной техники, преуспевающим бизнесменом, создавшим после работы в военном концерне «Нортроп» свою собственную компанию «Компьютер рисерч корпорейшн». Он занимал видные посты в тесно связанных с Пентагоном и ЦРУ ассоциациях бизнесменов, ученых, юристов, представляющих интересы электронной промышленности. С 1964 по 1970 год Спрайг руководил компьютерным анализом фото- и кинодокументов по убийству президента Кеннеди. Результаты этого анализа были опубликованы за его подписью в нескольких номерах журнала «Компьютер энд отомейшн».

Ничего нового в этих статьях не находишь. В них, например, описываются действия «человека с зонтом» в кинофильме Запрудера*; дается характеристика выстрелов, их чередования и предполагаемых точек, с которых велась стрельба. Это перекликается с вывода-

* В солнечный ветреный день на Ди-плаза был один лишь зритель с зонтом в руках. Кадры показывают, как этот человек раскрывает зонт, поднимает над головой и начинает вращать против часовой стрелки в момент, когда президентский лимузин свернул на роковую улицу Элм. Фильм запечатлел, как человек закрыл зонт, посмотрел вслед удалившейся машине президента и пошел в сторону склада учебников. Человек с зонтом был виден со всех точек, откуда могли стрелять. Независимые следователи подозревали, что он выполнял задачи радиокоординации действий преступников, а возможно, даже и функции их командира.

ми Гродена и Томпсона, к которым они пришли на основе анализа кино- и фотодокументов, а также баллистических данных. В статьях отдавалось должное известным независимым расследователям, воспроизводились фотоснимки «бродяг». Объективность, так сказать, налицо.

Но вот именно на участке расследования, связанном с «бродягами», Ричард Э. Спрайг проявил себя крайне странно. Он убедил новоорлеанского прокурора Гаррисона, что самый высокий «бродяга» — не кто иной, как Юджин Брэдли — член клерикальной консервативной организации с центром деятельности в Калифорнии. Гаррисон потребовал выдачи Брэдли, тот был арестован калифорнийской полицией. Это был полный конфуз, ничего общего во внешностях «бродяги» и Брэдли не было. Комментирует происшедшее независимый расследователь, филадельфийский адвокат Винсент Саландриа, он находился в Новом Орлеане и был доверенным лицом Гаррисона:

— Спрайг хитер, и он один из тех, кто мешает нам. Великан Джим Гаррисон допустил страшный просчет. Он поверил Спрайгу в отношении Брэдли... Спрайг — это яд... Он первым вытащил на свет Брэдли.

Не будем рассказывать о сложных перипетиях, окружающих всю возню вокруг Брэдли, появление подозрительных «свидетелей», среди которых были... кубинские контрреволюционеры, подручные Ханта. Достаточно сказать, что люди Спрайга убедили Гаррисона в идентичности еще одного «бродяги», шедшего последним (сейчас в нем подозревают Ханта), с неким Фредом Ли Крисманом. Это был также ультраправый. Никакого сходства между «бродягой» и Крисманом не обнаружилось. Это был еще более громкий конфуз, расписанный на все лады реакционной прессой. Именно с этого момента расследование Гаррисона пошло под откос, вернее, было пущено под откос. В 1969 году он его прекратил.

Но вот в октябре 1973 года Гаррисон высказал гипотезу, что арестованные по уотергейтскому делу кубинцы были участниками преступления в Далласе. Он хотел возобновить следствие, однако не имел права, поскольку в ноябре 1972 года Верховный суд США неожиданно и без каких-либо мотивов вынес решение, запрещавшее окружному прокурору Гаррисону про-

должать расследование обстоятельств убийства Кеннеди. Это решение, вероятно, было вызвано тем, что сидевший в тюрьме Хант и другие участники уотергейтского скандала прекратили отпираться и начали давать показания.

Эстафету Гаррисона, если можно так выразиться, подхватили независимые расследователи Майк Кэнфилд и Аллан Уэберман. Они сконцентрировались на выяснении личностей трех «бродяг». Результатом их исследования явилась книга «Государственный переворот в Америке. ЦРУ и убийство Джона Ф. Кеннеди», вышедшая в 1975 году. Кэнфилд был издателем и редактором газет в штатах Висконсин и Флорида, в избирательной кампании 1972 года возглавлял группу художников и фотографов, обслуживавших кандидата в президенты от демократической партии сенатора Макговерна. Уэберман специализировался в «разоблачительном журнализме», был литературным критиком.

Для опознания «бродяг» они применили метод фотографического сопоставления, используемый полицией и судебно-медицинской экспертизой в США и других странах. Для этого они подбирали такие фотоснимки Ханта (их было немало сделано во время уотергейтского процесса), ракурс которых соответствовал бы фотографиям, заснятым в Далласе. Сравнение деталей лица выявило «почти совершенное совпадение». У Ханта привычка — не закрывать полностью рот, и это подтверждают те и другие снимки. Тождественны и форма, а также конфигурация ушной раковины, она и у «бродяги» и у Ханта вогнутого типа.

Расследователи установили, что к одному из дallasских снимков прикасалась рука неизвестного репутшера. У Ханта слегка видоизменена конфигурация ушной раковины, положена тень на щеку. Были и другие мелкие подделки, но тот, кто фальсифицировал снимок, допустил промашку: не привел в точное соответствие со своей работой другой фотоснимок того же фотокорреспондента. Когда Кэнфилд и Уэберман решили выяснить у этого фотокорреспондента, кто мог отредактировать его снимок, они узнали, что тот неожиданно умер от разрыва сердца.

В самом высоком «бродяге» был заподозрен кубинский контрреволюционер, агент ЦРУ (по его собствен-

ному признанию) Фрэнк Стэржис. Раньше он был Фрэнком Фиорини, но в 1963 году сменил фамилию, судя по всему, выбрав новую, как у главного героя детективного романа Ханта «Трасса на Бимини». Стэржис также был арестован по уотергейтскому делу и тут у него слегка развязался язык.

Стэржис выполнял задания ЦРУ, связанные с политическими убийствами внутри США и борьбой против революционной Кубы, но он отрицал причастность к преступлению в Далласе. ФБР все же допросило его вскоре после убийства Кеннеди. При этом, как не без гордости сообщил Стэржис Кэнфилду, один из допрашивавших его агентов ФБР сделал ему следующий «комplимент»: «Фрэнк, если существует кто-либо, способный убить президента Соединенных Штатов, то это, парень, ты, ты можешь это сделать!»

Протоколы допроса Стэржиса агентами ФБР хранятся под семью замками в Национальном архиве США. Но независимые расследователи неопровержимо доказали, что Стэржис лично участвовал в фабрикации «рассказов» о связях между Освальдом и Кубой.

При сравнении Стэржиса с самым высоким «бродягой» Кэнфилд и Уэберман выявили сходство всех основных деталей лица и ушной раковины.

Кэнфилд и Уэберман выехали в Даллас, произвели измерения стены здания склада учебников, на фоне которой были засняты «бродяги», и установили полное совпадение роста Ханта и третьего «бродяги» (5 футов 8 дюймов) и роста Стэржиса и самого высокого «бродяги» (6 футов).

На снимки с «бродягами» попал еще один человек, который, по-видимому, участвовал в их операции. Это «полицейский», личности и имени которого не могли установить. В его ухе виден какой-то миниатюрный аппарат, служивший ему, видимо, для принятия радиосигналов. Далласская полиция говорит, что это не ее человек. Чей же он тогда? Он исчез так же, как «бродяги», как мнимые агенты секретной службы, на которых далласские полицейские наткнулись в районе травянистого бугра и черного хода склада учебников.

Специальная комиссия конгресса по расследованию убийств не проявила настойчивости в выяснении роли Ханта, Стэржиса, Филиппса и других сотрудников ЦРУ в преступлении века. Да и вряд ли ей это было по

зубам, если учесть могущество сил, которые горой стоят за сокрытие правды о причастности ЦРУ к убийству президента.

Наконец, первый из «бродяг» на снимке напоминает по описанию портрет человека, которого свидетель Уоррел видел бегущим из склада учебников к железной дороге. Но поиски этого беглеца, превратившегося, по всей вероятности, после исчезновения из склада в «бродягу», пока ни к чему не приводят. Правда, определенные черты сходства с ним улавливаются в лице и фигуре одного человека, точные фамилия и имя которого неизвестны. Уэберман разыскал один фотоснимок, запечатлевший этого неизвестного в 1963 году в майамском аэропорту. Он носил тогда имя и фамилию «Дэниэла Л. Карсуэлла». Но это был псевдоним, так как никакого Дэниэла Л. Карсуэлла, похожего на человека в майамском аэропорту, не существует в США. Сей «Карсуэлл» работал рука об руку с Хантом и числился «специалистом по электронике» в отделе технического обслуживания ЦРУ. «На самом деле, — говорит Уэберман, — он был самым опытным профессиональным убийцей». На «Карсуэлла» падает подозрение как на игравшего роль двойника Освальда, истинного снайпера, занимавшего позицию на шестом этаже склада и стрелявшего не из «манлихер-каркано», а из винтовки типа «маузер», которая была найдена полицией в той комнате, а затем бесследно исчезла. Именно «маузер» двойник Освальда отдавал в мастерскую для прикрепления к нему оптического прицела.

Из мемуаров бывших сотрудников ЦРУ известно, что спецслужбы США широко прибегают к снабжению своих агентов фальшивыми документами для операций как за пределами, так и внутри США. Кроме того, известно, что практически все агенты выходят на специальные задания с каким-нибудь изменением внешности. Все эти ухищрения с маскировкой затрудняют выяснение личности «Карсуэлла» и его коллег.

Уэберман не прекращает усилий, которые могли бы с неопровергимой точностью доказать роль Ханта* и

* Как это ни парадоксально, но с обвинением Ханта в убийстве Кеннеди выступает и весьма консервативная организация «Либерти лобби». Однако воссоздать точную картину действий Ханта невозможно. В начале 1973 года перед уходом в отставку директор ЦРУ Хелмс уничтожил все документы, касающиеся уотергейтского дела,

его единомышленников в далласском преступлении. На основе признаний бывших сотрудников разведки и различных фактов он показывает, что ЦРУ занималось кровавым террором не только за рубежом, но и внутри США. Для осуществления внутренней террористической деятельности имелся специальный, глубоко засекреченный аппарат. Отдельные его подразделения подчинялись Ханту.

Вместе с тем ему поручалось политическое и оперативное руководство отрядами кубинских эмигрантов-контрреволюционеров, сформированных ЦРУ для вторжения на Кубу в 1961 году. Красноречивые признания содержатся в книге Ханта «Пошли нам сей день». Разгром бригады наемников ЦРУ кубинской армией поверг Ханта, как свидетельствует его сочинение, в бессильную ярость. В его болезненном воображении провал вторжения — результат «политического компромисса», виновником которого он считает президента Кеннеди.

Еще более слепая ярость охватывает Ханта при воспоминании, что через несколько месяцев после провала вторжения братья Кеннеди отправили в отставку директора ЦРУ Даллеса, начальника Директората тайных подрывных операций ЦРУ Ричарда Биссела и ряд других ответственных сотрудников разведки, привыкших действовать бесконтрольно. Эта ярость понятна, ибо Биссел был учителем и другом Ханта, а Даллес незадолго до отставки сделал Ханта своим личным помощником. «Продолжительная карьера этого замечательного человека (Даллеса. — Прим. авт.) была неоправданно разрушена людьми, которые жаждали сохранить свою собственную репутацию в глазах общественности», — писал Хант.

В этом его пассаже сквозит прозрачный намек на Джона и Роберта Кеннеди (тогда министра юстиции), которому, кстати говоря, президент поручил неофициальный контроль над ЦРУ, что пришлось особенно не по вкусу высшему эшелону разведки. Назначение куратора ЦРУ представляло собой уникальное явле-

а также весь свой личный архив, в котором, как полагают независимые следователи, могли быть материалы, проливающие свет на характер оперативных заданий, выполнявшихся Хантом в год убийства президента Кеннеди.

ние в истории американской разведслужбы. Ни до, ни после этого Центральное разведывательное управление не подвергалось подобной, с точки зрения его столпов, унизительной опеке.

У ЦРУ, согласно приказу братьев Кеннеди, были изъяты тайные «полувоенные» операции. Это было неприятным психологическим ударом по престижу разведки. Однако Дж. и Р. Кеннеди не были последовательными. Забрав часть этих операций у ЦРУ в Южном Вьетнаме и передав их Пентагону, они не тронули инфраструктуры «полувоенных» операций в Лаосе, где около 500 агентов ЦРУ руководили более чем 30-тысячной наемной армией горцев из племени мео.

Самоуверенное «невидимое правительство» было уязвлено, когда сотрудники ЦРУ услышали от министра юстиции, что они не отрабатывают своей зарплаты, что результаты не соответствуют расходам. Их призывали к борьбе с коммунизмом, с социалистическими странами и национально-освободительными движениями, что, собственно, было излишне, так как эти цели всегда стояли у них на первом месте. Сомнение в их профессиональной компетентности, их способности джеймсов бондов нанесло сотрудникам ЦРУ нестерпимое оскорблечение.

Но не только это взбесило Ханта и его друзей. «Мы,— пишет он в книге «Пошли нам сей день»,— были изумлены тем, что в Вашингтоне начал обозначаться позитивный подход к ослаблению международной напряженности».

Бывший сотрудник ЦРУ Джеймс Уилкотт подтверждает тот факт, что внутри разведывательного ведомства среди твердолобых консерваторов, численно намного превосходивших «либералов» Кеннеди, назревало сильное недовольство различными аспектами политики Белого дома. Ультра даллесовской школы вслух возмущались тем, что Кеннеди пошел в 1963 году на заключение Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе. Они клеймили этот договор, получивший название Московского, как «предательство» интересов США и «уступку СССР».

Наиболее реакционные элементы в ЦРУ всегда бы-

ли тесно связаны с нефтяными монополиями*. Поэтому, отмечает Уилкотт, они восприняли попытки Кеннеди ввести налоги на нефтяные корпорации как «атаку на свободное предпринимательство».

Твердолобым внушала подозрение и политика президента во Вьетнаме, где он, положив начало вооруженной интервенции США, дал затем обратный ход и начал обдумывать отзыв оттуда американских военных советников. «Во вьетнамском вопросе,— пишет английский журналист Сammerс,— президент Кеннеди находился в прямом конфликте с мощной группировкой в ЦРУ, которое тогда фактически держало войну в своих руках. ЦРУ было в общем против вывода войск из Южного Вьетнама и с недовольством наблюдало за президентской политикой глобального отказа от конфронтации. Публично президент пытался скрыть эти и другие фундаментальные разногласия. Приватно он был серьезно обеспокоен».

Но в особенности твердолобых бесило то, что Белый дом, хотя и не мешал им осуществлять тактику военно-террористических операций против Кубы, законсервировал план нового массированного вторжения наемников ЦРУ**. Последнее обстоятельство играло немаловажную роль в возникновении упомянутавшейся «фракции», получившей еще название «кубинской клики» ЦРУ. Она, в свою очередь, опиралась на пресловутую карибскую «Корпорацию Убийство», используя ее в борьбе против острова Свободы и национально-освободительных движений в Латинской Америке. Но ЦРУ действовало и само по себе. Например, в 1962 году «рыцари плаща и кинжала» заразили кубинский сахар в 14 из 80 тысяч мешков в трюмах английского судна, сделавшего остановку в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико). Когда Кеннеди узнал об этом, он задержал судно и ученил разнос ЦРУ за создание «страшного precedента для совершения химического саботажа».

* Даллес был партнером юридической конторы, обслуживавшей нефтяную империю Рокфеллеров. Маккоун имел пакет акций компании «Стандарт ойл оф Калифорния» в 1 миллион долларов. (Прим. авт.)

** «Министр юстиции,— вспоминает Хант,— считал, что и так слишком много динамитного дыма поднималось с Кубы, чтобы еще организовывать и вторжение».

Один из лидеров клики Хант и его подручные среди кубинских эмигрантов затаили плохо скрываемую зло-бу на Кеннеди, считая, что он препятствует их планам «освобождения» острова. С ними заодно была американская мафия, которую потеря Кубы лишила ежегодных доходов в 100 миллионов долларов от принадлежавших ей игорных домов, казино, отелей и торговли наркотиками.

МАФИЯ

В обязанности Ханта входили и контакты с мафией. Именно ему первому принадлежит идея, выдвинутая в 1960 году еще при президенте Эйзенхауэре, использовать мафию для организации покушения на Кастро. Помимо потери Кубы как важного источника дохода, организованную преступность США немало беспокоило и другое. Поддерживаемый братом-президентом министр юстиции Роберт Кеннеди вел довольно энергичную борьбу против гангстерского мира, считая его опаснейшим «внутренним врагом», который все больше наступал на ногу законному бизнесу и тем самым, по его мнению, подрывал устои добродорядочного американского капитализма.

В 1963 году «кубинская клика» ЦРУ, как указывают независимые расследователи, не отказываясь от планов использовать кубинских контрреволюционеров и американскую мафию для организации покушения на Кастро, начала настраивать их на участие в разветвленном заговоре против Кеннеди. Существует немало признаний на этот счет. Одно из них принадлежит гангстеру из Лас-Вегаса Джону Розелли. «Как сообщают, — пишет Саммерс, — Розелли информировал правительство (уже в середине 70-х годов. — Прим. авт.), что, в частности, его сподвижники по заговорам против Кастро переключились на убийство Кеннеди». Вскоре после того как Розелли предоставил свою информацию правительству (!), он... исчез. Его труп был найден в бочке в майамском заливе в июле 1976 года.

За год до этого был убит «крестный отец» чикагской мафии Сэм Джанканан. Через несколько дней он должен был давать показания в сенатской комиссии по

разведке. Его круглосуточно стерегли агенты ФБР, но кто-то уж очень опасался, что он может сказать лишнее, и решил «запечатать» ему рот. Об этом говорил даже ритуальный характер расправы: пять пуль аккуратно вокруг рта и одна пуля в лоб.

Гангстеров Гранелло и Пламери убили еще раньше—в 1970 и 1971 году. Дейв Ярас был убит в 1974 году, а Чарльза Николлетти застрелили в его автомобиле в тот день, когда СКРУ предприняла первые шаги по его розыску и допросу. Все перечисленные гангстеры сотрудничали с ЦРУ.

Специальная комиссия установила, что тесные связи с ЦРУ имел гангстер Джон Мартино. Он вращался в кругах кубинской контрреволюционной эмиграции, выполнял различные задания разведывательного ведомства, направленные на срыв политики нормализации отношений с Советским Союзом. В частности, вместе с упоминавшимися Весианой и его террористической группой «Альфа-66» Мартино участвовал в нападках на советские торговые суда, которые шли на Кубу. В 1975 году Мартино рассказал техасскому бизнесмену Фреду Клаасену, что непосредственными участниками действий Освальда в Далласе 22 ноября были кубинцы-антикастровцы. Они должны были встретить Освальда в кинотеатре «Техас», вывезти его из США, а затем убить.

Вскоре после этого разговора Мартино умер. Его вдова говорит, что труп забрали в ЦРУ, а затем сообщили ей, что причиной смерти был сердечный приступ! В 1978 году, когда СКРУ решила заслушать показания Клаасена относительно «далласских рассказов» Мартино, техасский бизнесмен бесследно исчез. В 1979 году было совершено покушение и на Весиану.

Выступая на слушаниях в специальной комиссии по расследованию убийств, бывший начальник центрального бюро расследований нью-йоркской полиции и один из крупнейших американских экспертов по борьбе с организованной преступностью Ральф Салерно подчеркнул, что для понимания всей значимости борьбы Роберта Кеннеди с мафией следовало бы иметь в виду следующее:

«Мафия заключает незаконные сделки с бизнесом, профсоюзовыми лидерами. Она имеет разведывательную сеть, а также контрразведку...»

Лидеры мафии захватывают выборные и чиновничьи посты на всех уровнях правительства. Они пытаются влиять на его решения.

Они участвуют в политическом патронаже — распределении правительственные должностей. Они дискредитируют кандидатов, которые им не подходят. Они уничтожают, убивают политических лидеров, чтобы заменить их другими».

На закрытое заседание СКРУ был вызван глава новоорлеанской мафии Карлос Марчелло. Его «империя», приносившая ему многомиллиардные доходы, охватывала штаты Луизиана и Техас. Составители заключительного доклада специальной комиссии сочли целесообразным для истории сообщить, что «по ходу своих показаний Марчелло продемонстрировал жгучую неприязнь к Роберту Кеннеди». Она имела под собой основу. В 1961 году по приказу министра юстиции этот гангстер, на которого, как ни странно, у Гувера не было ни одной странички досье, хотя даже в прессе о нем писали как о лидере крупнейшей и старейшей в стране мафии, был депортирован из США. В ходе следствия в Новом Орлеане, проводившегося окружным прокурором Гаррисоном, выяснилось, что один из подозреваемых в заговоре против Джона Кеннеди — Дэвид Ферри тайно привез Марчелло на самолете назад в США. Другие сообщники Ферри также работали на Марчелло. Его подручным был Чарльз «Датц» Мюррет, родной дядя Освальда, заменивший ему почти всю жизнь отца. Освальд жил у него в детстве, а также некоторое время в 1963 году, когда около полугода находился в Новом Орлеане.

Согласно данным специальной комиссии по расследованию убийств, один из помощников Марчелло — Нофио Пекора был связан с Руби незадолго до покушения на президента.

На ферме Марчелло, носившей по странной прихоти название «Черчилль», хозяин в узком кругу выступал с открытыми угрозами в адрес Джона и Роберта Кеннеди.

Марчелло — один из главных подозреваемых в убийстве братьев Кеннеди. При этом подозрение должно было закрасться задолго до того, как прозвучали выстрелы в Далласе. Ведь осведомитель ФБР находился на ферме «Черчилль» в тот вечер, когда рассвирепев-

ший Марчелло повторял, что президент будет уничтожен. Но ФБР не потрудилось расследовать эту угрозу или доложить о ней министру юстиции. Мало того что Марчелло удалось дискредитировать в глазах ФБР осведомителей, засланных в его мафию, он «сделал также все, чтобы этот инцидент исчез из досье и архивов ФБР», сообщают составители доклада СКРУ. Директор ФБР Гувер знал о разговоре на ферме «Черчилль». Его бездействие необъяснимо, если только не предположить у него нежелания тревожить заправил мафии. Журнал «Тайм» в декабре 1975 года сообщал о странной дружбе Гувера с одним из главарей мафии Фрэнком Костелло, его знакомство с боссом национального синдиката преступности Майером Ланским. Эти факты подтвердили бывшие ответственные сотрудники министерства юстиции Уильям Хандли и Эдвард Беннет Уильямс.

С учетом всей этой и других таинственных историй, в которых пути мафии и братьев Кеннеди перекрецивались то прямо, то косвенно, СКРУ подвергла критике комиссию Уоррена. Были высказаны претензии в адрес комиссии за то, что она не изучила в достаточной мере «злобное, граничившее с угрозами физических расправ отношение могущественных деятелей из организованной преступности к президенту и министру юстиции Роберту Кеннеди, их возможности совершить политическое убийство, их вероятную связь с Освальдом через общих знакомых или его родственников».

Мстили не только Розелли, Джанканна и другим гангстерам, подозревая их в намерениях раскрыть роль ЦРУ и мафии в убийстве Кеннеди. Продолжали мстить, и весьма грязно, покойному президенту.

Как утверждает американская печать — и не только бульварная,— Джон Кеннеди был неравнодушен к красивым женщинам. Это знали и решили использовать мафиози. С помощью своего друга и соучастника в игорном предпринимательстве, певца и киноактера Фрэнка Синатры они познакомили сенатора Джона Кеннеди с привлекательной Джудит Кэмпбелл. Это произошло в Лас-Вегасе во время предвыборной кампании летом 1960 года. Вскоре после этого Кэмпбелл примкнула к числу добровольных активистов кампании Кеннеди, умолчав о своем истинном занятии. Она

принадлежала к числу тех, кого в Америке называют «девушка для вечеринок». По словам личной секретарши Кеннеди Линкольн, Кэмпбелл прилипла к нему как смола. Вскоре Джанканы и Розелли делают Кэмпбелл своей любовницей. Когда эти гангстеры были убиты, неожиданно всплыла на поверхность доселе никому не известная «девушка для вечеринок» и начались пресс-конференции. Лейтмотивом грязных статей было утверждение, сформулированное журналом «Тайм», что президент делил ее привязанность с двумя гангстерами.

Замысел мафии был предельно прост: шантаж. Но никаких средств (или, скажем, улик), видимо, не было. И шантаж не удался. Но кто выступил в роли шантажиста? Директор ФБР Гувер. Он запросил в 1962 году свидания с Джоном Кеннеди и заявил, что ему известно о телефонных звонках Джудит в Белый дом. Да, их было несколько десятков, но ее не соединяли с президентом.

В этом эпизоде, как в капле воды, видна тактика мафии, о которой выше говорил Салерно. Во что бы то ни стало подчинить целям мафии правительство. В тот период потребность в этом была особенно велика. Роберт Кеннеди сильно прижал национальный синдикат преступности и собирался еще более усилить нажим. Когда у мафии и ЦРУ не срабатывает подкуп, западня сексом, они пускают в ход пули, цианистый калий, кастет.

НОВЫЙ ОРЛЕАН

У независимых расследователей нет никакого сомнения, что Освальд был как-то связан с американской разведкой. В систему разведки США, или, как ее называют, «разведывательное сообщество», входят, кроме ЦРУ, разведывательное управление министерства обороны (РУМО), или просто военная разведка; разведка министерства армии (армейская разведка); разведка министерства ВМС (военно-морская разведка); разведка министерства ВВС (военно-воздушная разведка); разведслужбы государственного департамента, ФБР, министерства финансов и др. Координирующие функции возложены на ЦРУ, называемое в таких случаях Центральной разведкой. С каким из этих звеньев был связан Освальд, для независимых расследователей остается неясным.

Хоч отмечает: «Есть немало утверждений, что Освальд был осведомителем ЦРУ». «Нужно,— продолжает он,— однако, заметить, как более вероятное, что он был чьим-то другим осведомителем, прежде всего ФБР, но также, возможно, военной разведки или какой-то неофициальной разведывательной организации». К числу неофициальных разведывательных организаций относят разведслужбы большого бизнеса и мафии, ультраконсервативных группировок.

В первые месяцы после убийства в Далласе американские независимые расследователи подозревали, что Освальд в разное время, а быть может и одновременно, работал на ФБР и ЦРУ. Для подозрений были различные основания. В частности, генеральный прокурор Техаса Ваггонер Карр заявил, что Освальд с сентября 1962 года был тайным агентом ФБР под номером 179 с окладом 200 долларов в месяц. Карр

также утверждал, что Освальд был осведомителем ЦРУ и значился там под номером 110669. Комиссия Уоррена отмахнулась от этих обвинений, поверив на слово ФБР и ЦРУ, что Освальд у них не служил.

Доклад комиссии Уоррена сообщает, что ученик средней школы Освальд, которому не было еще 16 лет, «выразил желание убить президента Эйзенхауэра, потому что тот эксплуатирует рабочий класс» и уговаривал каких-то одноклассников «вступить вместе с ним в коммунистическую партию». Но вот уже в 16 лет он пытался вступить в Корпус морской пехоты. Его не принимают, тогда он зубрит устав Корпуса и, по словам его матери Маргарит Освальд, «Ли жил целый год мыслью, что, когда ему исполнится 17 лет, он станет морским пехотинцем». И он им стал, получив в морской пехоте секретную специальность, связанную с обслуживанием радаров.

Наряду с армией, BBC и ВМС Корпус морской пехоты выделен в самостоятельный род войск*. В нем, как ни в одном другом роду войск, насаждается дух антикоммунизма, мракобесия, культ жестокой силы и безжалостности. Идущие в него добровольно проходят самую тщательную проверку на лояльность. Как ни парадоксально, на военной службе Освальд продолжал открыто говорить о своем интересе к марксизму, афишировал восхищение кубинской революцией, изучал русский язык. Вряд ли был второй такой военнослужащий на весь Корпус морской пехоты.

Освальд попал на Филиппины. Он любил выпить и подраться. В его части был убит солдат Мартин Шранд. Вскоре после этого Освальд был переведен на военно-морскую базу в Японии Ацуги, которая используется в качестве центра для выполнения специальных заданий ЦРУ. Сослуживцы Освальда говорили, что именно он, вероятнее всего, убил Шранда во время одной из потасовок. Если так, то Освальд оказался пожизненным должностником спецслужб, готовым на любое задание. Вот это, а также привитые Освальду Корпусом морской пехоты ультраакционные идеи были «достаточным мотивом», сделавшим его, по мнению Лифтона и других следователей, «малень-

* Вместе с тем в сфере разведывательной деятельности Корпус морской пехоты подчиняется ВМС. (Прим. авт.)

кой пешкой» в сложных играх, которые вели различные звенья американской разведки на рубеже 50—60-х годов.

С японской базы ЦРУ Ацуги брали старт шпионские самолеты «У-2». Охранявшие базу и выполнявшие другие различные функции морские пехотинцы находились под постоянным наблюдением агентов ЦРУ. Тем не менее и здесь Освальду было весьма вольготно. Если верить официальной пропаганде, то его «обычная тяга к левым» проявилась здесь в том, что он якобы завязал контакты в Токио с японскими коммунистами, которые «посоветовали» ему «съездить в Советский Союз».

Но до «туристской» поездки, которая произошла позднее, Освальда перебросили на базу морской пехоты Эль-Торо, что в Калифорнии, на западном побережье США. Находясь там, он одновременно посещал занятия армейской школы иностранных языков в Монтерее, известной тем, что она ускоренно прививает навыки разговорного языка. На стенограмме заседания комиссии Уоррена, слушавшего вопрос, чему учился Освальд в монтерейской школе, до сих пор стоит гриф «сверхсекретно». Под самыми различными предлогами Освальду позволяли довольно частые и продолжительные отлучки с базы Эль-Торо. Как теперь очевидно, шла подготовка к засылке Освальда в Советский Союз.

Она началась еще на базе Ацуги, где в то время одним из сотрудников ЦРУ, занимавшимся финансами, был упоминавшийся Уилкотт. Когда были убиты Кеннеди и Освальд, несколько сослуживцев Уилкотта говорили ему: Освальд был сотрудником ЦРУ, на Ацуги он включился в одну из закодированных операций, а деньги на нее шли через самого Уилкотта, хотя тот этого и не знал. Сопоставив различные данные, Уилкотт выразил убеждение на заседании СКРУ, что Освальд был завербован из числа военнослужащих Центральным разведывательным управлением для выполнения «задания в СССР», но это был «с самого начала глупый проект, так как Освальду было не под силу перехитрить русских».

На базе Эль-Торо Освальд продолжал разыгрывать из себя человека, увлеченного марксизмом и кубинской революцией. При оформлении демобилиза-

ционных документов Освальд открыто, вслух заявил, что он собирается совершить поездки в Советский Союз и на Кубу. Никто в морской пехоте не обратил на это внимание, не подумал, как уберечь секреты, которыми владел Освальд, пользовавшийся допуском к документам с грифом «конфиденциально». Человеку, который вел себя явно подозрительно, тем не менее без задержки оформили заграничный паспорт, и в потоке американских туристов, хлынувших в те годы в Советский Союз, он оказался в Москве. Бывший американский консульский работник в Москве Джон Макуикар заявляет, что, когда Освальд сообщил осенью 1959 года работникам посольства США в Советском Союзе об отказе от американского гражданства, он вел себя так, как будто исполнял «заученную роль».

Освальд прибыл в Советский Союз с двумя заданиями — разведывательным и дезинформационным. «Освальд, — пишет советский журналист М. Сагателян, — привез с собой в Москву данные об американской радарной сети вокруг Японии и в ней самой... Освальду не было предъявлено обвинение в передаче Советскому Союзу совершенно секретной информации, когда он, не выполнив свою миссию из-за четкой работы советской контрразведки, вернулся назад в Соединенные Штаты. Поездку Освальда и его жены из Москвы в Америку оплатило по просьбе ЦРУ посольство США в Москве*.

После возвращения в США в 1962 году Освальд первое время жил в районе Далласа. У него были весьма разносторонние интересы и занятия. Он дружил с агентом американской разведки инженером-геологом Джорджем де Мореншильдом. Через него он сблизился с местной русской белогвардейской колонией. Поддерживал контакты с кубинскими контрреволюционерами, пытаясь в то же самое время проникнуть в левые круги. Каждую весну американцы обязаны представлять информацию и справки о доходах за предыдущий год. До сих пор отчет Освальда о его доходах за 1962 год строго засекречен. У него водились немалые деньги, хотя официальные заработки были невелики.

* Сагателян М. Кто же убил Джона Кеннеди? М.: Изд-во АПН, 1972, с. 126 — 127.

С конца апреля по конец сентября 1963 года Освальд обитает в Новом Орлеане. Одним из руководителей аппарата ЦРУ в этом городе у устья Миссисипи был Ги Бэннистер. По его заданиям и под непосредственным руководством агента ЦРУ Ферри Освальд, получивший в морской пехоте навыки в управлении различной электронной аппаратурой, обучал этому в укромных местах за городом кубинских контрреволюционеров. За Бэннистером стоял обер-шпион ЦРУ Клей Шоу, который выдавал себя за Клема Бертрана, когда вместе с Ферри и Освальдом обсуждал план убийства президента Кеннеди. Об этом дал показания на суде под присягой их сообщник Перри Руссо. Одному из авторов пришлось быть на суде в Новом Орлеане в 1967 году, беседовать с окружным прокурором Гаррисоном, начавшим процесс против Шоу по обвинению его в организации заговора с целью убийства Кеннеди.

В беседе с Сергеем Лосевым Гаррисон выразил убежденность, что убийство Кеннеди было организовано сотрудниками ЦРУ, которые были недовольны: 1) отказом Кеннеди санкционировать прямое массированное участие американской авиации в нападении наемников ЦРУ на Кубу в 1961 году; 2) намерением президента начать сокращение американских военных советников в Южном Вьетнаме; 3) попытками Кеннеди перейти от конфронтации к переговорам с СССР, что затрагивало бюджет Пентагона, прибыли военно-промышленного комплекса; 4) планом президента сократить налоговую скидку нефтяным компаниям на так называемое истощение скважин.

Нужно сказать, что в последние годы специальная комиссия конгресса по расследованию убийств и независимые следователи обнаружили немало новых важных подробностей, касающихся связей Освальда со спецслужбами во время его пребывания в Новом Орлеане. Но в основе их находок лежат первоначальные открытия, сделанные Гаррисоном, и это еще раз убеждает нас в уникальной роли, которую сыграл новоорлеанский прокурор в расследовании преступления века. Пусть до конца еще не размотан зловещий клубок, однако благодаря его подвижничеству и личной неизуриядной смелости впервые был поставлен вопрос об участии сотрудников ЦРУ в далласском преступлении.

Те неистовые контратаки, которым он подвергся и которые вынудили его прекратить расследование, свидетельствуют о том, что он нашупал подлинные пружины заговора.

В Новом Орлеане Освальд демонстрировал «прокубинские» симпатии. Он создал отделение Комитета за справедливое отношение к Кубе. Эта организация с центром в Нью-Йорке выступала за признание социалистической Кубы и прекращение провокаций против нее со стороны США. Кроме Освальда, в новоурлеанском отделении Комитета никого не было. И нужды ни в ком не было. Требовалась вывеска, чтобы придать убедительность образу «прогрессивно настроенного человека», каким его должны были запомнить все, кто с ним тогда соприкасался. От имени Комитета Освальд выступал по радио в дискуссиях. Он дефилировал по улицам Нового Орлеана с плакатом, на котором были написаны слова: «Руки прочь от Кубы! Да здравствует Фидель!» Он раздавал прохожим листовки, маркированные Комитетом за справедливое отношение к Кубе. Но с первым тиражом вышла накладка. Кэмп-стрит, дом номер 544 — таким был адрес освальдовского комитета. Но в этом доме размещалось гнездо ЦРУ — контора Бэннистера, действовавшего под вывеской частного сыскного бюро, и ряд антикубинских организаций. Там же помещался офис Ханта. Так Освальд выдал свои истинные связи. Но эта ошибка меркнет по сравнению с другой ошибкой, а быть может, и не ошибкой, а задуманной шарадой, разгадать которую пока никому не по силам.

ПРИЗРАК ПО ИМЕНИ АЛЕК ХИДЕЛЛ

В докладе комиссии Уоррена помещены фотоснимок Освальда, раздающего листовки на улице Нового Орлеана, и факсимиле двух листовок со следующим пояснением: здесь показаны образцы его (Освальда) прокламаций, на которых он штемпелевал свое имя и имя «А. Дж. Хиделл».

Ранее в докладе можно прочитать следующее: «Арестовавшие Освальда (22 ноября в Далласе.—*Прим. авт.*) полицейские нашли в его бумажнике подделанную карточку военнообязанного с фотографией Освальда и именем «Алек Дж. Хиделл». 22 и 23 ноября Освальд отказался сказать Фритцу (капитану далласской полиции.—*Прим. авт.*), почему у него оказалась эта карточка... При последнем допросе 24 ноября он сознался... что арендовал почтовый ящик № 2915 в Далласе, но отрицал, что получил на этот адрес посылку, адресованную Хиделлу. Он отрицал также, что получил по этому адресу винтовку».

Речь идет о винтовке итальянского производства «манлихер-каркано», которая позднее явилась якобы орудием убийства президента США. Ее приобретение Освальдом носит поистине детективный характер. Он мог свободно купить «манлихер-каркано» в Далласе или близлежащих городках, ибо в те годы «торговцы смертью» буквально наводнили Соединенные Штаты дешевым боевым оружием устарелых образцов, закупленным на складах «излишков военных товаров» в Италии, Англии, Франции, Бельгии и других странах. «Манлихер-каркано» шли по 12 с небольшим долларов. Установлено, что когда в марте 1963 года Освальд якобы заказывал по почте «манлихер-каркано» из Чикаго, у него была большая сумма денег. И если

он замышлял уже тогда убийство президента, то по логике вещей должен был приобрести за более крупную сумму более надежное оружие.

Но еще логичнее с его стороны было бы зайти в любой далласский универмаг или магазин спортивных товаров или специальный магазин устарелого военного оружия и приобрести винтовку. Практически в каждой техасской семье есть ружье или винтовка. Ни в одном магазине, торгующем огнестрельным оружием в Техасе, не интересуются личностью покупателя, не смотрят его документы.

Почему же Освальда не устраивал такой простой способ обзавестись огнестрельным оружием и не оставить следов? Почему ему пришло в голову «наследить» и таким необычным образом, как сейчас убедится читатель? Комиссия Уоррена не задумалась над этими простыми вопросами. По мнению независимых расследователей, ларчик открывается просто: Освальд не покупал никакой винтовки «манлихер-каркано», не держал ее в руках.

Забегая вперед, напомним известный факт: на орудии убийства, обнаруженному в «снайперском гнезде» на шестом этаже Техасского склада школьных учебников, никаких отпечатков пальцев Освальда найдено не было. Стрелял в перчатках? Такую возможность ФБР не рассматривало. Вечером 23 ноября Федеральное бюро расследований определенно заявило, что на «манлихер-каркано» не было никаких отпечатков руки «убийцы» Освальда. 29 ноября ФБР изменило свой вывод, оно сообщило, что найден отпечаток ладони Освальда. Он был «снят» с нижней части ствола далласским полицейским, который сначала «забыл» про это, «вспомнил» позднее, а посему снятый отпечаток ладони был отослан в Вашингтон лишь 26 ноября. Но перед этим далласским полицейским и их друзьям из ФБР пришлось немного потрудиться.

Утром в воскресенье 24 ноября Освальд был убит Руби. Вечером того же дня труп Освальда был доставлен в похоронный дом в городе Форт-Уэрт неподалеку от Далласа. Похоронный дом, управляющим которого был Пол Груди, в ночь с 24 на 25 ноября охранялся со всех сторон. Лифтон беседовал в 1980 году с Груди, и тот ему рассказал, что группа официальных экспертов возилась с трупом в теочные часы довольно

продолжительное время. Когда они ушли, Груди обнаружил, что ладони мертвого Освальда покрыты специальными чернилами, а пальцы — специальной краской для снятия отпечатков. «Мне пришлось очищать его пальцы, после того как они снимали отпечатки, — вспоминает Пол Груди, — что касается ладони... на ней осталось чернильное пятно». Лифтон высказывает мнение, что «спецы» из далласской полиции или ФБР, сняв с покойника отпечаток ладони, «посадили» его затем на ствол «манлихер-каркано».

Не таким ли способом оказались также на одном из картонных ящиков в «снайперском гнезде» отпечатки правого указательного пальца и левой ладони Освальда? Эти маневры выдавали ФБР с головой. Оно лихорадочно и неуклюже запасалось судебно-медицинскими «фактами», чтобы комиссия Уоррена могла безоговорочно признать версию об убийце-одиночке Освальде.

Так загадочно «наследил» напоследок Освальд в «снайперском гнезде». Начало эпопеи с «манлихер-каркано» № С 2766 выглядело не менее подозрительно. 13 марта 1963 года чикагский магазин спортивных товаров Клайна получил заказ на винтовку, написанный на бланке, который был вырезан из февральского журнала «Америкэн райфлмэн». Заказ был подписан печатными буквами «А. Хиделл, почтовый ящик 2915, Даллас, Техас». Доклад комиссии Уоррена гласит: «Эксперты министерства финансов и ФБР по изучению документов безоговорочно установили, что отчетливые печатные буквы на бланке для заказов по почте и адрес на конверте были написаны рукой Ли Харви Освальда».

«Безоговорочная» уверенность составителей доклада показывает, как необходим был комиссии Уоррена этот мистер «Хиделл». Дабы имя Хиделла было с точностью прочитано, оно было выведено печатными буквами.

Все было продумано и с почтовым ящиком 2915. Он был арендован Освальдом с 9 октября 1962 года по 14 мая 1963 года. Читаем доклад комиссии Уоррена: «Неизвестно, был ли указан «А. Хиделл» в заявлении об аренде почтового ящика 2915 как лицо, имеющее право получать почту на этот ящик. В соответствии с

почтовыми правилами та часть заявления, в которой указаны имена лиц, имеющих, кроме арендатора ящика, право получать почту, была выброшена после того, как Освальд отказался от своего почтового ящика 14 мая 1963 года». А дальше все очень просто. Извещение о посылке от Клайна (ее содержимое: «манлихер-каркано»—12 долларов 78 центов, оптический прицел—7 долларов 17 центов, квитанция за пересылку—1 доллар 50 центов) кладется в ящик 2915, арендуемый Освальдом. Он—а кто же еще?—вынимает извещение на имя А. Хиделла и получает посылку, свободно, без вопросов, ибо, как гласит доклад комиссии Уоррена, «удостоверение личности при этом обыкновенно не требуется, потому что считается, что лицо, предъявляющее извещение, имеет право на получение посылки».

Независимые расследователи подчеркивают, что одна из трудностей, стоявших перед заговорщиками, заключалась в том, чтобы «связать воедино» Освальда с «манлихер-каркано», найденной якобы в складе школьных учебников. Поскольку у ФБР и ЦРУ есть свои люди среди торговцев оружием и на почте, обставить по всем правилам покупку—с заказом, квитанцией и т. п.—не представляло большой проблемы. Но, чтобы «закрутить» все это дело на Освальде—Хиделле и представить его вполне правдоподобно перед американской общественностью, одних печатных букв на бланке заказа было явно недостаточно.

Поэтому, с одной стороны, было решено показать американцам уникальное фото: Освальд позирует с «манлихер-каркано» и газетой американских коммунистов «Уоркер».

С другой стороны, те, кто руководил Освальдом, решили «наполнить жизнью» мифический призрак, который ничем пока себя не выдал, кроме невидимой и никем не засвидетельствованной покупки итальянской винтовки. Дело происходило все в том же Новом Орлеане. Однажды между Освальдом, исполнявшим роль друга революционной Кубы, и несколькими кубинскими контрреволюционерами произошла потасовка. Освальд попал в тюрьму, и там среди прочих вещей у него нашли удостоверение члена новоорлеанского отделения Комитета за справедливое отношение к Кубе, подписанное «президентом отделения»

А. Дж. Хиделлом. Уже после того как Руби отправил Освальда на тот свет, вдова покойного, Марина Освальд, утверждала во время показаний в комиссии Уоррена, что «по принуждению» ее покойного мужа она вывела подпись «А. Дж. Хиделл» вслед за словами «президент отделения».

В новоорлеанской тюрьме «марксист» Освальд запросил встречи... с кем-либо из ФБР. Его навестил специальный агент Джон Куигли, который говорит, что ему так и не было ясно, зачем это потребовалось Освальду. Но, проанализировав отчет Куигли, независимый расследователь, бывший сотрудник ЦРУ Джордж О'Тул обратил внимание на одну деталь. Специальный агент ФБР сообщал, что в беседе с ним Освальд рассказал о новоорлеанском отделении Комитета за справедливое отношение к Кубе и об одном члене этого отделения некоем А. Дж. Хиделле.

Не будем гадать, почему Освальд превратил Хиделла из президента в члена отделения. Интересно другое. «Поскольку «А. Дж. Хиделл» было единственное имя, упомянутое Освальдом в разговоре с Куигли, это могло иметь специальное значение,— писал О'Тул.— Говоря конкретно, Хиделл мог быть псевдонимом Освальда, использовавшимся в связи с его деятельностью в качестве осведомителя... Донесение Куигли о беседе с Освальдом, включая упоминание имени Хиделла, автоматически попало бы в информационный центр ФБР». Иными словами, Освальд посыпал сигнал, где он, не раскрыв своих связей с ФБР специальному агенту Куигли. Вскоре Освальд был выпущен из тюрьмы.

Значит, если прав О'Тул, то у присвоенного кем-то Освальду псевдонима Хиделл было два назначения. В одних случаях он мог и не знать, что этим псевдонимом его связывают с оружием будущего сенсационного убийства. В других— Освальд мог им пользоваться сам, выполняя роль осведомителя, сохраняя при этом в полной тайне, кто дал ему это фиктивное имя.

Вспомним, когда у него, согласно докладу комиссии Уоррена, нашли поддельную карточку военнообязанного с именем Алека Дж. Хиделла, арестованный Освальд отказался сообщить полиции происхождение документа. Чины полиции могли быть не теми людьми, перед которыми Освальд был обязан раскрыть

свои секреты. Уже после его убийства ФБР сообщило, что документ был подделан самим Освальдом. Никаких доказательств на этот счет не приводилось — ни где это могло произойти, ни какой фотоаппаратуры и пишущей машинкой он пользовался для того, чтобы сделать фальшивый документ.

Независимые расследователи, обратившие внимание на слабость позиции ФБР в данном вопросе, решили скрупулезнейшим образом раскрутить ленту событий назад к 22 ноября. Картина получается весьма сложной. За кулисами далласского преступления сразу же началась официальная проверка личности Хиделла. Но это имя не всплыло в отчетах радио и телевидения до следующего дня, 23 ноября. Даже самые близкие к полиции далласские репортеры, получавшие первыми всю так называемую «эксклюзивную информацию», ничего не прослышали о том, что арестованным мог быть некий Алек Хиделл. И это тем более странно, что теперь далласская полиция утверждает иное, а именно: репортерам якобы сразу же дали знать, что во время доставки Освальда от места ареста в кинотеатре «Техас» до полицейского участка у него, пока он сидел в наручниках, был изъят бумажник с карточкой военнообязанного Хиделла. Рядовой полицейский П. Бентли, которому «выпала честь» извлечь бумажник из заднего левого кармана брюк Освальда и найти фальшивый документ, оказал тем самым немалую услугу следствию. Он вознесся спустя некоторое время в вице-президенты «Ферст нэшнл бэнк оф Даллас» с обязанностями ответственного за безопасность и охрану.

Независимые расследователи в равной мере допускают, что фальшивый документ был в бумажнике и что он был подложен туда полицейским Бентли. Но и в том и в другом случае имя Хиделла всплыло лишь 23 ноября, после того как «перекройка» мертвого тела президента была уже позади, пулевые раны в трупе соответствовали выстрелам сзади и сверху (соответствовали, но не совсем, как показали независимые американские патологоанатомы) из «снайперского гнезда» Освальда. Теперь можно было приступить к очередной публичной подгонке фактов и домыслов — на сей раз припечатать «манлихер-каркано» к Освальду с помощью «неопровергимого» почтового заказа А. Дж. Хиделла, а также двух снимков, на которых

Освальд стоит с этой итальянской винтовкой в одной руке и газетой «Уоркер» — в другой. Многие специалисты, в том числе бывший ведущий фотоэксперт Скотланд-Ярда, заявляют, что снимок смонтирован из фотографий головы Освальда и чьего-то туловища. Согласно ФБР, снимки были сделаны женой Освальда из купленного им фотоаппарата «Империал-рефлекс». Удивительно, но факт: Освальд не снимал этой камерой ни жену, ни детей, ни знакомых и воспользовался ею один раз для создания на фотобумаге образа «воинственного коммуниста».

Здесь невольно возникают некоторые сравнения. В секционном зале госпиталя ВМС в Бетесде, а, по-видимому, еще и в армейском госпитале имени Уолтера Рида участники второго заговора добивались получения «лучшего свидетельства» для комиссии Уоррена — мертвого тела президента, погибшего в результате стрельбы сзади. Участники первого заговора стремились обзавестись в лице Освальда «вторым лучшим свидетельством» для поддержания все той же версии. Но в обоих случаях, добиваясь общей достоверности и не забывая о мелочах, исполнители заданий допускали все же промашки и ошибки, которые позволили американским расследователям вскрыть явные следы одного большого заговора. Ни «лучшее свидетельство», ни «второе лучшее свидетельство» не выдержали бы серьезного судебного испытания, если бы таковое состоялось и ставило своей целью доказать, будто Ли Харви Освальд без чьего-либо содействия убил Кеннеди. Таково мнение многих представителей американского юридического мира.

В начале 70-х годов О'Тул и другие независимые расследователи заподозрили ФБР в том, что оно «создало» А. Дж. Хиделла и позднее, осенью 1963 года, «передвинуло» его в Даллас, в центр событий, связанных с убийством Кеннеди.

В конце 70-х — начале 80-х годов нарастало подозрение, что к истории с Хиделлом имела непосредственное отношение армейская разведка, а также стоявшая над ней военная разведка — РУМО. В середине 70-х годов на слушаниях в конгрессе было установлено: самостоятельно и совместно с ФБР армейская разведка проводила в 60-е годы тайную войну против инакомыслящих. Отсюда можно сделать вывод, что

агента по кличке «Хиделл», вероятно, использовали обе эти спецслужбы.

В дни пребывания Кеннеди в Техасе армейская и военная разведка имели задание помогать секретной службе в «обеспечении безопасности визита президента». Любопытную деталь сообщает в книге «Они убили президента!» Р. Энсон. Агент секретной службы У. Лоусон, выбиравший маршрут следования президента в Далласе, был офицером резерва армейской разведки. В этом же резерве состояли начальник бюро специальных служб далласской полиции У. Гэннауэй; полицейский Дж. Пауэлл, находившийся на шестом этаже склада учебников винтовку «манлихер-каркано» и оказавшийся «случайно» запертным на шестом этаже на всю ночь с 22 на 23 ноября; а также ряд других полицейских Далласа.

В городе Сан-Антонио на период визита в Техас Кеннеди военные спецслужбы создали штаб, где дежурным офицером по оперативным вопросам был подполковник Роберт Джоунс из 112-й группы военной разведки. Как только он услышал о покушении, пишет Сammerс, он срочно связался со своими людьми в Далласе, и вскоре ему передали по телефону, что «А. Дж. Хиделл арестован» (в тот момент это имя еще не было известно прессе).

В конце 70-х годов Джоунс давал показания в специальной комиссии конгресса по расследованию убийств. Он заявил, что довольно скоро после этого сообщения он обнаружил имя Хиделла в личных делах военной разведки. Он также быстро установил, что в этих личных делах имя Хиделла «перекрецивается» с каким-то другим именем — Ли Освальд.

Поскольку речь шла о серьезнейшем государственном преступлении, подполковник Джоунс, не теряя ни минуты, снял телефонную трубку, связался с начальником отделения ФБР в Далласе Гордоном Шэнклином и сообщил ему все, что выяснил о Хиделле — Освальде. Вскоре раздался звонок из Далласа, и Джоунсу приказали прекратить розыск, объяснив, что настоящее имя убийцы президента Освальд, а Хиделл — вымышленное.

В свете загадочной истории с Хиделлом трудно объяснить криминальный случай, связанный с убийством далласского полицейского Типпита, которое про-

изошло через 46 минут, согласно докладу комиссии Уоррена, после убийства президента Кеннеди. В нем был обвинен Освальд.

Именно погоня за убийцей Типпита, если верить официальной версии, привела полицию в кинотеатр «Техас». Какой-то прохожий сообщил полицейским, что в «Техас» зашел посетитель «подозрительного вида». Время было дневное, зрителей в кинозале можно было пересчитать по пальцам. Освальд сидел где-то в глубине зала, но вот некий «зритель» в первом ряду оборачивается и указывает полиции на Освальда, тот якобы выхватывает револьвер, оказывает сопротивление, его скручивают и выводят.

Вот уже почти двадцать лет наиболее путаной частью рассказов далласских полицейских является их объяснение, за кем они «хотились», направляясь в кинотеатр «Техас», — за убийцей Типпита или убийцей президента. Версия менялась несколько раз. Кассир кинотеатра утверждает, что, когда полицейские выводили Освальда из зала, один из них сказал, что схвачен «убийца президента». Кто был этот «зритель»? Предполагают — либо «связник» Освальда, либо неизвестный ему человек, который знал его лишь по фотографии и находился в кинозале для того, чтобы немедленно идентифицировать Освальда и способствовать его аресту.

Личность Типпита подозрительна. За два дня до убийства президента его видели в одном ресторане с Освальдом. Он водил знакомство с мафией, и в частности с окружением Руби. Кроме того, Типпит был связан как-то с разведкой. Последнее обстоятельство не является чем-то из ряда вон выходящим. Американские исследователи указывают, что ЦРУ наводнило своими осведомителями полицейские органы. Убийство Типпита было использовано комиссией Уоррена, чтобы образ Освальда — «марксистского» убийцы-одиночки — расцветить всеми красками криминальной палитры: хладнокровный безжалостный палач и т. п. У критиков доклада комиссии Уоррена иной взгляд: нет абсолютно никаких точных доказательств убийства Освальдом Типпита, последний убит по неизвестным причинам.

Как и приобретение винтовки «манлихер-каркано», получение Освальдом «орудия убийства Типпита» —

таковым объявлен револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра — было обставлено по уже знакомой нам схеме. Револьвер поступил на имя А. Дж. Хиделла в почтовый ящик 2915 в Далласе на сей раз из магазина в Лос-Анджелесе. И опять графологи ФБР установили, что подпись Хиделла была выведена чернилами «рукой Освальда». Такое заранее составленное «доказательство» невольно наводит на мысль, что и убийство Типпита было запрограммировано как составная часть преступления века.

Специальной комиссии по расследованию убийств удалось выяснить, что армейская разведка вела с середины 1963 года отдельное личное дело, помеченное двумя именами «Хиделл — Освальд». СКРУ пыталась получить это дело, пока ее не уведомило министерство обороны, что досье было уничтожено в 1973 году. Сходная участь в то же время постигла все архивы Пентагона, связанные с Освальдом и убийством президента в Далласе. В 1973 году был разгар уотергейтского скандала. Министр обороны Мелвин Лэйрд полагал, что Белый дом недостаточно решительно отделяется от компрометирующих его документов. В подвластном ему ведомстве он приказал сжечь все, что свидетельствовало о пристальном интересе всех военных разведслужб к внутриполитической борьбе в США, которая ведется с наивысшими ставками.

СКРУ в своем докладе констатировала, что после уничтожения армейской разведкой личного дела «Хиделла — Освальда» «не может быть полностью разрешен вопрос относительно характера связи Освальда с военной разведкой».

При изучении вопроса о роли армейской разведки в далласском событии независимые расследователи обращают особое внимание на секретную телеграмму, которую вечером 22 ноября командование 4-й группы сухопутных войск в Техасе направило командованию группы ударных войск во Флориде (кодовое наименование ЮССТРИКОМ). В ней указывалось, что Освальд — член Коммунистической партии США и связан с Кубой. Поскольку ЮССТРИКОМ предназначалась для действий против революционной Кубы, телеграмма могла быть не чем иным, как сигналом, что может последовать приказ для осуществления вооруженной акции против Кубы. Таково мнение Роберта

Энсона, Питера Дейла Скотта и других независимых расследователей. При этом надо учитывать, что армия США, как и ЦРУ, содержала отряды кубинских контрреволюционеров, которые могли быть брошены против острова Свободы вместе с ударными войсками США.

Одна из причин, почему расстроились планы вооруженной провокации, отмечена И. де Гевара Кинтой. Это — решимость кубинского народа защищать свою революцию, новое соотношение сил на международной арене. Другой причиной явилась неспособность «черных пропагандистов» американской разведки, как они ни изощрялись, дать сколько-нибудь убедительные «доказательства» причастности Кубы к убийству президента Кеннеди.

Мы не касались еще одной стороны деятельности Ос瓦льда — его возможных связей с разведкой ВМС США. Отдельно или сообща с другими спецслужбами она использовала бывшего морского пехотинца в различных заданиях, не осталась в стороне и от манипуляций в Бетесде, где фальсифицировали раны президента.

Много места исследованию этих вопросов уделил в своей книге «Заговор» английский журналист Саммерс, посвятивший два года фактически тому же, чем занимаются американские независимые расследователи. В особенности он интересовался работой специальной комиссии конгресса. СКРУ состояла из двух подкомиссий. Саммерс интервьюировал председателя подкомиссии по расследованию убийства Кеннеди конгрессмена Ричарда Прейера. «В ряде случаев, — признал законодатель, — мы не могли добиться получения документов. Нам их просто не выдавали. В других случаях документы были уже уничтожены. Мы не знаем, по каким мотивам. Пентагон уничтожил свои архивы по убийству Кеннеди, документы армии по убийству Кеннеди также уничтожены, и мы не знаем, почему это было сделано. Все это просто зловеще».

В признании Прейера есть свое рациональное зерно, ибо без всякой причины документы не уничтожаются. В преступлении века раскрылся целый ряд важных элементов заговора. И чтобы луч прожектора

независимых расследователей не выяснил остающиеся еще в темноте другие детали криминальной мозаики, они замазываются или, точнее говоря, уничтожаются.

В своей книге «Искусство разведки» Даллес писал, что для тайной операции необходим тщательнейший камуфляж, для нее опасна мельчайшая случайность, ибо не все простодушны и наивны. Есть люди, умудренные опытом, которые могут разгадать, предупредил матерый шпион, в крохотной инородной детали след глубокой маскировки. Если эти люди еще способны анализировать, они могут раскрыть операцию, разоблачить ее цели. Книга бывшего директора ЦРУ вышла незадолго до убийства Кеннеди. Маскировка первого и второго заговора будто осуществлялась по его рецептам и якобы не удалась опять же из-за недооценки его предостережений.

Сопоставляя различные данные, Саммерс приходит к выводу: «Изучив поведение американских разведывательных служб, некоторые считают, что они сыграли прямую роль в убийстве президента, его убийство было не чем иным, как государственным переворотом... Конечно, возможно, что отступнические элементы в разведке США манипулировали Освальдом, какой бы ни была роль последнего в событиях 22 ноября 1963 года. Эти же самые элементы, возможно, привели в действие пешки в эмигрантском кубинском движении и в мафии с целью убить президента и казнить Освальда... «Роль разведки в убийстве остается открытым вопросом», — сказал мне один из юристов СКРУ. А один из следователей специальной комиссии отметил, что вопрос о военной разведке не был изучен достаточно компетентно... министерство обороны упорно игнорировало СКРУ и ведь в конце концов именно оно уничтожило личное дело Освальда... К тому же на последнем этапе жизни президент Кеннеди конфликтовал с необузданными элементами в ЦРУ».

В год, когда СКРУ завершила свою работу, вышла объемистая книга Шлезингера «Роберт Кеннеди и его эпоха». Шлезингер принадлежит к тем американским историкам, которые не подвержены эмоциям, гиперболам, желанию выдвигать гипотезы. Он просто перечисляет известных ему сотрудников ЦРУ, которые подходят под категорию «необузданых». Называет тех

представителей правящей элиты, которые требовали поставить ЦРУ под контроль. Почему?

«Это — миф, что ЦРУ было послушной организацией, действовавшей только в соответствии с точно выраженным инструкциями вышестоящей власти,— пишет Шлезингер.— Подобно ФБР, ЦРУ было бесконтрольным органом. Его переполняли люди, прошедшие профессиональную подготовку по части обмана. У них в избытке было самое разнообразное оружие, неограниченные средства и минимальная подотчетность. Они руководствовались безответственными целями в глобальных планах».

Это была даллесовская модель империалистической разведки в действии. Перестроить ее, сделать более управляемой и послушной братьям Кеннеди не удалось. Согласно записанным на пленку воспоминаниям бывшего сотрудника министерства юстиции Уолтера Шеридана, выстрелы в Далласе побудили Роберта Кеннеди без обиняков спросить директора ЦРУ Маккоуна, «не ЦРУ ли убило президента». Читатель, наверное, согласится, что один лишь этот вопрос означал многое. Маккоун заверил Роберта Кеннеди, что ЦРУ здесь ни при чем. Тем не менее, как указывалось выше, президент Джонсон в 1967 году высказал заместителю директора ФБР К. де Лоачу свое «убеждение», что ЦРУ было «как-то замешано в этом заговоре». Об этой убежденности Джонсона впервые сообщила газета «Вашингтон пост» в номере от 13 декабря 1977 года.

«Логическим завершением далласской трагедии явилось убийство в 1968 году Роберта Кеннеди*, последняя возможность возврата к политике президента Кеннеди была ликвидирована. Отдельные и особые претензии ЦРУ, Пентагона, ФБР, мафии, кубинской контрреволюции к министру юстиции и куратору разведки Роберту Кеннеди как к политику и администратору служили дополнительными мотивами для кровавой мести.

Повторяем, Джона и Роберта Кеннеди отличала двойственность в подходе к внешней политике и такому ее рычагу, как ЦРУ. С одной стороны, они укрепляли опасный механизм тайных подрывных действий

* Новоорлеанский прокурор Гаррисон ни на минуту не сомневался, что Роберт Кеннеди пал жертвой заговора ЦРУ. (Прим. авт.)

против других государств, в частности против Кубы, и национально-освободительных движений в Индокитае. С другой стороны, они предпринимали попытки смягчить и урегулировать опасные конфликты (Карибский кризис, дескалация войны во Вьетнаме и Лаосе), нормализовать отношения с Кубой, сойти с рельсов «холодной войны» в отношениях с Советским Союзом, что приводило братьев к серьезным трениям с наиболее воинственными кругами американского империализма и их слугами — «отступническими элементами в разведке США», «необузданными элементами в ЦРУ».

Да, у Центрального разведывательного управления были разные поводы для ведения тайной подрывной войны против Кеннеди. Но при чем тогда тут армейская или военная разведка, спросит читатель, к которым также тянутся нити от Ос瓦льда? Тем и привлекателен он был для заговорщиков, что выполнял на разных этапах задания и армейской и военной разведок, и ЦРУ, и ФБР. Многосторонние связи делали Освальда идеальным инструментом для создания ситуации, когда каждое ведомство чувствовало себя заложником других, чтобы вместе «трудиться» над скрытием и искажением правды о преступлении века.

Лифтон не верит в то, что Освальд стрелял в президента. Он считает, что «освальдовское снайперское гнездо» было не чем иным, как «фальшивкой». Но поскольку Освальд находился в здании склада школьных учебников, то, с точки зрения Лифтона, встают вопросы: кому он служил и кто в действительности послал его работать на склад?

Кем бы он ни был — соучастником, козлом отпущения или подсадной уткой, кому бы он ни служил, заметил корреспондент Си-би-эс Д. Шорр, Освальд дал возможность злоумышленникам «очень хорошо организовать заговор».

СКРУ и некоторые независимые расследователи высказывали предположение, что Освальд был соучастником заговора, организованного кубинскими контрреволюционерами или мафией. В подтверждение приводились заявления следующего рода. Упоминавшийся выше гангстер и подручный ЦРУ Мартино: «Антикастровцы подготовили Освальда, который не знал, на кого он работал. Он не знал, кто в действии

тельности «смонтировал» его». Лас-вегасский гангстер Розелли: «Когда был выбран Освальд, заговорщики из преступного мира опасались, что он расколется и выдаст информацию, которая приведет к нам. Поэтому Джеку Руби было приказано ликвидировать Освальда».

И кубинские контрреволюционеры, и гангстеры, вероятно, хорошо изучили послужной список Освальда, его связи с ЦРУ, ФБР, армейской и военно-морской разведками. Поэтому они могли быть уверены, что у спецслужб не будет никакого желания расследовать заговор, в котором главным действующим лицом фигурировал бы их человек — Освальд.

Но все это лишь гипотезы, и они не исключают, с точки зрения независимых следователей, прямого участия одной или нескольких разведслужб в убийстве Джона Кеннеди. Бывший агент ФБР, конгрессмен Дон Эдвардс, изучал, как расследовалось убийство Кеннеди. Вот его впечатление: «Не вызывает сомнения, что за сокрытием фактов в этом деле стоят ФБР и ЦРУ*. Мне даже страшно подумать, что именно они скрывают или кого именно они укрывают».

ЦРУ относится к числу ведущих американских спецслужб, занятых осуществлением тайных подрывных кровавых террористических акций. Вот почему особую весомость, на наш взгляд, приобретает вывод Лифтона: «Лично я полагаю, что вдумчивая оценка свидетельств вынуждает нас прийти к заключению, что внутри правительенных кругов существовал заговор, цель которого — лишить Кеннеди власти... Должна была быть заложена основа. Определенных правительенных лиц необходимо было завербовать для осуществления заговора. Вербовка представляет собой своего рода тайную подрывную политику, которая была проведена на каком-то отрезке времени в течение тысячи дней пребывания Кеннеди на посту президента... Убийство главы американского государства — политическое преступление. Народ хочет знать не

* Характерный пример приводят независимые следователи Лифтон и Гроден. Перед тем как попасть в комиссию Уоррена, фильм кинолюбителя Запрудера побывал в ЦРУ и ФБР. Из него исчезли десять кадров, ряд ценных кадров был испорчен при разрезании и склейке пленки, и, наконец, принципиально важные для научного исследования кадры были переставлены местами.

только, кто убил президента, но и почему. Те, кто изменял тело покойного, располагали возможностью дать нужный им ответ на последний вопрос. Соорудив фасад — видимость того, что убийство президента было делом рук озлобленного убийцы-одиночки, они лишили это преступление всякого политического смысла. События 22 ноября 1963 года подаются как историческая случайность, которая произошла в результате удивительного randevu блуждающего недовольного человека и удачной мишени».

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В 1965 году судьба столкнула Лифтона с Даллесом. Он выступал перед студентами Калифорнийского университета, среди которых был и Лифтон. Между ними вспыхнул спор по поводу доклада комиссии Уоррена, показавший, что Даллес, как, может быть, ни один другой член комиссии, считал этот доклад своим детищем.

В декабре 1963 года на третьем закрытом заседании комиссии Уоррена Даллес раздал всем ее членам книжку в бумажной обложке. «Эта книжка,— сказал он,— написана десять лет назад. Она дает пояснительный материал к семи покушениям на президентов США... Это — завораживающая книга, вы узнаете из нее, что у всех этих покушений есть сходная черта, которую, я полагаю, мы обнаружим и в нынешнем деле».

Провидец Даллес имел в виду, что все покушавшиеся действовали как убийцы-одиночки. Член комиссии Мак-Клой возразил, вспомнив для примера, что против Линкольна был заговор. Даллес вывернулся: «Да, но один человек в том заговоре был таким властным, что это почти не было заговором».

На протяжении декабря и января следующего года Даллес вбивал в сознание своих коллег по комиссии, что убийство в Далласе необходимо привести «в соответствие с американской историей — с той основной чертой сходства, которая присуща всем покушениям на жизнь президентов США».

Комиссия работала не на пустом месте, основы для построения большой лжи закладывались задолго до покушения в Далласе. Не последнюю роль в этом играли сотрудники ЦРУ. Но эта роль выяснилась лишь в конце 70-х годов.

После долгих отказов Центральное разведывательное управление согласилось проинформировать СКРУ о том, как складывались взаимоотношения между ЦРУ и комиссией Уоррена. Был представлен меморандум, который прошел тщательную цензуру ЦРУ. И все же он представляет историческую ценность. Из него яствует, что Даллес поддерживал тесные связи с сотрудниками ЦРУ на протяжении всей работы комиссии. Даллесу нетрудно было найти общий язык с начальником контрразведки ЦРУ Джеймсом Энглтоном, который был назначен официальным уполномоченным по связи с комиссией. До отставки Даллеса Энглтон был не только его протеже, он пользовался абсолютным доверием директора. Даллес приложил максимум усилий, чтобы доказать, согласно меморандуму, что «Ли Харви Освальд никогда не был служащим или агентом ЦРУ».

Итак, Даллес трудился засучив рукава. Он исподволь убеждал членов комиссии, что Освальд — единственный убийца и такой вывод лучше всего соответствует американской истории. За кулисами он объяснял работникам ЦРУ, как лучше маскировать подозрительные стороны жизни Освальда. Все это нужно было для того, чтобы, говоря словами Лифтона, сорудить фасад — видимость того, что смерть президента была делом рук озлобленного убийцы-одиночки, не имевшая никакого политического смысла.

Мы далеки от мысли утверждать, что в Америке нет убийц-одиночек. Их хоть отбавляй. И тому пример — покушение психически неуравновешенных лиц на президентов Форда (1975 г.) и Рейгана (1981 г.). Атмосфера насилия, подогреваемая средствами массовой информации, свободный доступ к огнестрельному оружию, социальные катаклизмы, питающие озлобленность, садизм и преступность,— эти и другие факторы лежат в основе индивидуального террора. Буржуазная пропаганда старательно пытается поставить в один «психологический ряд» убийства братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга с криминальными деяниями «вольных натур», нанизывая на одну ниточку «типичное» в поведении Освальда, Сирхана и Рэя с характерными чертами «среднего» индивидуального преступника. Нечистая игра буржуазной пропаганды, однако, не в состоянии скрыть пружины политического террориз-

ма, участвовавшие в последние десятилетия политические убийства.

На заседании СКРУ в 1978 году один из кубинских эмигрантов признавал: «Мы используем тактику, которой обучает нас ЦРУ. Оно учит нас делать все. Нас научили подкладывать бомбы, убивать». Думается, что террорист не открыл ничего нового для конгрессменов. Они это знали и знают, стыдливо закрывая и по сей день глаза на преступную деятельность рыцарей «плаща и кинжала» и их выкормышей. Наученные наставниками из ЦРУ, кубинские эмигранты теперь передают свой террористический опыт никарагуанцам. В 1982 году в лагерях Флориды и Калифорнии молодчики из «Альфы-66» обучают бежавших из Никарагуа предателей своего народа. Им помогает в этом деле наш старый знакомый Фиорини-Стэржис. Подготовка новых террористов для карибской «Корпорации Убийство» идет под крыльышком той самой администрации президента Рейгана, которая провозгласила приверженность борьбе против международного терроризма одной из своих главных внешнеполитических задач. Одна из целей этой насквозь лицемерной кампании состоит в том, чтобы отвлечь внимание американской и мировой общественности от преступных действий вашингтонских спецслужб внутри США и за их пределами, возложив вину за международный терроризм на СССР, Кубу и другие социалистические страны.

Независимые расследователи не так наивны, чтобы полагать, будто только ради своей выгоды действовали в 1963 году участники заговора. Они видят за всем этим коалицию наиболее реакционных промышленно-финансовых кругов, костяком которых являются миллионеры и миллиардеры юго-западных и западных штатов. Член общественного «Информационного бюро по проблемам политических убийств», бывший национальный президент организации «Студенты за демократическое действие» публицист Карл Оглсби называет этих реакционеров «ковбоями», а их соперников — представителей «просвещенного империализма» — «янки». К последним он относит в основном восточную группировку американского капитализма. Оглсби считает, что Джон Кеннеди не был «янки» до мозга костей, но он был ближе к ним и

считался с их идеями «социальной гармонии» в американском обществе и выгодными для промышленного и финансового бизнеса отношениями с другими странами. И «янки» и «ковбои» стремились подчинить своей власти обе главные буржуазные партии — республиканскую и демократическую. «Ковбои» мечтали переделать все в Вашингтоне и по всей Америке на свой ультраконсервативный лад; мысля категориями «большой дубинки», они толкали страну в тот период на кровавые авантюры в Латинской Америке и особенно в Азии. Отзвуком борьбы между «ковбоями» и «янки» служит высказывание экс-президента Джонсона: «Нам не безразлична была Азия, и мы доказали это своей кровью... Но это дорого обошлось нам дома, в Америке. Напряжение затянувшейся войны вдали от нашей земли вызвало глубокий раскол внутри американского народа. Война создала и углубила противоречия между президентом и конгрессом; между «голубями» и «ястребами»; между поколениями; между теми, кто считал, что для нашего будущего особенно важна Азия, и теми, кто на первое местоставил Европу». Таково, по сути дела, горькое признание провала имперского курса «ковбоев», который пытался проводить Джонсон.

Кеннеди был в известной мере продолжателем реалистических идей и планов Франклина Делано Рузвельта. В конце своей жизни Кеннеди пришел к пониманию необходимости мирного сосуществования двух социальных систем, стремился предпринять какие-то новые шаги во внешней политике, ибо «холодная война», по его мнению, вела к «ядерной конфронтации». Это настроило против него «ковбоев».

Оглсби считает, что Кеннеди хотел примирить «янки» и «ковбоев», поэтому он взял в вице-президенты «ковбоя» Джонсона, и последняя его поездка в Техас была продиктована, в частности, такой целью. Можно соглашаться или не соглашаться со схемой «ковбои» против «янки», но ясно, что пока ни одному политику из «восточного истэблишмента» (восточного сословия) не удалось после Кеннеди занять место в Белом доме. Преступление века несет на себе отпечаток ожесточенной борьбы, войны не на жизнь, а на смерть, которую вели между собой крупнейшие монополистические круги США по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики. Толь-

ко в такой войне с применением опаснейших террористических методов, стоивших жизни Джону и Роберту Кеннеди, можно было пустить под откос президентский поезд и перевести государственную политику на иные рельсы. Показательно в этом плане заявление сенатора Эдварда Кеннеди, что его братья были «убиты ночными ковбоями, решившими воздействовать на государственные дела путем террора». Эти слова были произнесены в самолете, летевшем с гробом Роберта Кеннеди из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. О них сообщил в передаче вечерних новостей телевизионной компании Эн-би-си обозреватель С. Вэнокер.

Анализируя истоки политических убийств в Америке, генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл пишет: «У монополистического капитала нет морали, нет человеколюбия, нет понятия о братстве, верности и патриотизме. Единственный его бог — частные прибыли... По мере того как сама структура капиталистического общества гниет и разрушается, насилие становится все более и более развитым, и все больше превращается в неотъемлемую часть повседневного кризиса»*.

Постепенно расширяя и укрепляя свои позиции в стране, калифорнийские «ковбои» пришли в 1981 году к власти и не скрывают намерения держать ее до конца нынешнего века и далее. В начале 1982 года на прилавках книжных магазинов Америки появилась книга вашингтонского журналиста Артура Роуза «Славный малый и что он делает для вас. Обещания и опасности рейганизма». Автор назвал первую главу «Ковбои-капиталисты берут правительство в свои руки». Они прибыли в столицу вместе с Рейганом, выставляя напоказ свои несметные богатства, что застало врасплох даже видавшую виды вашингтонскую публику. Однако еще поразительнее политические дела и планы правительства «ковбоев»-капиталистов. На международной арене — это резкое обострение напряженности, ликвидация всего позитивного, что было достигнуто в мировой политике в 70-е годы. Внутри США — это демонтаж государственных социально-экономических программ и приоритет гонке ракетно-ядерных и обычных вооружений.

* "Daily World", April 16, 1981.

У «ковбоев» две столицы — тихасский Даллас и калифорнийский Лос-Анджелес. Оба города стали местами убийств двух братьев Кеннеди. Случайность или неслучайная символика? Не будем гадать, подождем, когда приоткроются новые тайны. А есть ли на то надежды?

Главный советник и административный директор специальной комиссии конгресса по расследованию убийств, профессор юриспруденции Роберт Блейки уже после окончания работы комиссии заявил: «Имеются живые люди, которые, возможно, были замешаны в убийстве президента Кеннеди», «надлежит энергично заняться этими людьми любыми конституционными методами». Если они будут привлечены к уголовному суду, говорит Блейки, он мог бы доказать их виновность.

Так за чем же стало дело?

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Тerrorизм на высшем уровне	5
Осиное гнездо	15
Протокол без даты	30
Заговор вампиров	38
Независимые расследователи	50
Следы ведут в госпиталь	
имени Уолтера Рида	59
Загадочная «жестянка»	73
«Рыскающая пуля»	85
Поворот на 180 градусов... в голове	99
Тени подозрения	111
Специальная комиссия конгресса	121
Клан Кеннеди и Линдон Джонсон	132
Черная пропаганда ЦРУ	150
Говард Хант	162
Мафия	175
Новый Орлеан	180
Призрак по имени Алек Хиделл	186
Мифы и реальность	202

С. Лосев, В. Петрусенко

ЭХО ВЫСТРЕЛОВ В ДАЛЛАСЕ

Редактор *E. Кузнецова*

Художник *H. Старцев*

Художественный редактор *З. Жарикова*

Фоторедактор *Л. Дестярева*

Корректор *И. Гелашвили*

Технический редактор *Л. Колесова*

Технолог *Л. Пчелникова*

ИБ № 7046

Сдано в набор 06.12.82. Подписано в печать 18.03.83. Т04499

Формат 84×108/32. Объем 6,5 печ. л. текста*0,75 печ. л. илл., 12,18 усл. л., 11,71 уч.-изд. л.

Тираж 100000 экз. Зак. 1911. Изд. № 6254. Цена 55 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

Типография Издательства Агентства печати Новости.

Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

